

Prediction

Направленность: Гет

Автор: [Moebius_Cat \(https://ficbook.net/authors/284220\)](https://ficbook.net/authors/284220)

Фэндом: Великолепный век

Пейринг или персонажи: Малкочоглу Бали-бей/Айбиге-хатун, ОМП (Мурад-реис)/Айбиге-хатун, Хюррем Султан, Рустем-паша, Адиль Гирей, Махидевран Султан, Султан Сулейман-хан, Сахиб Гирей, Малкочоглу Ахмед-бей, Гюль-ага, Сюмбюль-ага, Эмин Гирей, ОМП (Эмин), ОМП (Мехмед), ОЖП (служанки)

Рейтинг: R

Жанры: Романтика, Мистика, Экшн (action), AU, Исторические эпохи, Первый раз, Пропущенная сцена

Предупреждения: [Изнасилование](#), [ОМП](#), [ОЖП](#), [Секс с использованием посторонних предметов](#), [Нехронологическое повествование](#), [Беременность](#), [Смерть второстепенного персонажа](#)

Размер: планируется Макси, написано 89 страниц

Кол-во частей: 24

Статус: [в процессе](#)

Описание:

ВНИМАНИЕ! - добавлена новая глава от 20.11.18г.

Всего одно предсказание старой ведьмы раз и навсегда меняет жизнь ханской дочери. Когда Айбиге-хатун покидала Стамбул, на ее корабль напали пираты, среди которых был дорогой ей человек. И кто знал, что всего одна ночь, проведенная с Бали-беем в каюте, будет иметь столь значимые последствия?

Посвящение:

Всем читателям и любителям этого канона.

Публикация на других ресурсах:

Разрешено только в виде ссылки

Примечания автора:

Я позволила себе некоторые вольности в процессе написания фанфика. В хронологии, в характерах героев, в событиях канона. Но все же постаралась написать как можно более убедительно, чтобы каждый из них был не похож на другого.

Мурад-реис - полностью выдуманный герой и не имеет ничего общего со своим историческим тезкой албанского происхождения.

Вначале многое не будет понятно, что и откуда взялось, но вы можете задать мне свой вопрос на эту тему в моей группе в ВК - https://vk.com/topic-20666472_35345185 - и я обязательно отвечу.

Если будут ошибки, указывайте, комментируйте. Мне важно ваше мнение.

ТОС

ТОС	2
Пролог	4
Примечание к части	7
Глава, в которой Айбиге-ханым и Малкочоглу Бали-бей впервые встречаются	8
Глава, в которой два простых слова значат очень многое	12
Примечание к части	15
Глава, в которой тайное становится явным, а одна ночь все меняет	16
Примечание к части	18
Лирическое отступление	19
Примечание к части	20
Глава, в которой Айбиге-ханым встречается с двумя важными в ее жизни людьми	21
Примечание к части	25
Глава, в которой Айбиге-ханым узнает, что было в письме	27
Глава, в которой сливается прошлое и несколько настоящих	30
Глава, в которой Айбиге-ханым встречает человека с золотой короной	36
Примечание к части	34
Лирическое отступление	38
Глава, в которой Айбиге-ханым скучает по дому, едва не погибает, а Эмин получает дорогой подарок	40
Глава, в которой проходит четыре года, а Айбиге-ханым понимает, что все еще любит Малкочоглу	44
Лирическое отступление	49
Примечание к части	52
Глава в которой тайное снова становится явным	53
Примечание к части	57
Глава, в которой Айбиге-ханым размышляет о своей новой жизни, не ожидая, что вскоре все снова изменится	58
Примечание к части	61
Глава, в которой Айбиге-ханым теряет последнюю надежду	62
Примечание к части	65
Глава, в которой Айбиге-ханым видит страшный сон	66
Примечание к части	69
Глава, в которой Айбиге-ханым и Мурад-реис выбирают сторону	70
Примечание к части	74
Глава, в которой Эмин находит друга, а Айбиге-ханым пытается жить дальше	75

Примечание к части	79
Лирическое отступление, часть 1	80
Лирическое отступление, часть 2	83
Примечание к части	88
Глава, в которой Адиль узнает кое-что важное	89
Глава, в которой Айбиге-ханым идет на риск, Малкочоглу Бали-бей - на сделку, а Рустем-паша становится сыщиком	94
Примечание к части	97
Глава, в которой дела идут плохо	98
Примечание к части	101

Пролог

1521 год.

Ночь. Вокруг так тихо, что, казалось, можно было услышать, как мягко ходит по небесам Аллах. Погружался в сон большой город — столица Казанского ханства — и все его жители. Спал густой лес, окружавший его, звери, птицы. Последняя свеча погасла в одном из окон — и на Казань спустилась тьма.

Только приглядевшись, Всевышний мог увидеть, как по тропе, ведущей к лесу, шли двое: юный наследник ханского престола и его единственная сестра, одетая так же. Причем шагала она впереди и довольно уверенно.

— Айбиге, — вскоре не выдержав, спросил шепотом ханзаде. — Ты точно считаешь, что нам нужно туда идти?

— Разумеется, нужно, Адиль, — девочка посмотрела на брата с таким укором, что ему стало стыдно. Ничего не оставалось, как подчиниться и продолжить путь. Вот впереди показался странного вида дом.

— Сестра, опомнись, — в последний раз промямлил Адиль. — Пути назад не будет.

Серьезно взглянув на него, маленькая ханым решительно подошла к дому и, со словами «жди тут» толкнула дверь. Через некоторое время она снова показалась на пороге, но от бывшего настроения не осталось и следа. Адиль промолчал; сейчас их задача — вернуться домой затемно, пока отец не узнал ничего. Завтра важный день, приедет сама Нур Султан, так что надо будет постараться не сплеховать.

Они бежали, что было сил. На одном из пригорков маленькая Айбиге не заметила торчавшую из земли корягу и споткнулась, сильно ободрав ногу. Скоро рассветет, а до дворца еще долго добираться. Решившись на отчаянный шаг, Адиль схватил сестру на руки и помчался дальше. Хоть бы у нее получилось забраться в покои!

Солнце уже поднялось над горизонтом и обласкало землю своими теплыми лучами. Две совсем молоденьких девушки, судя по всему, служанки, торопливо спешили к одним из многочисленных покоев большого дворца Казани. В руках они несли таз, чистую одежду и кувшин с водой.

— Айбиге-ханым, доброе у... — от изумления обе служанки застыли на месте, едва открыв двери. Что такое? Почему кровать юной госпожи застелена так, словно туда никто и не ложился? И где же сама госпожа?

— Ох, нет нам с ней никакого покоя, — поставив таз для воды на стол, запричитала одна из служанок. — Хан не пощадит нас, если узнает, что его дочь пропала.

— Не узнает, — голос донесся со стороны окна. — Я вас защищу.

Маленькая темноволосая девочка, на вид лет десяти, с трудом перебралась через подоконник и спрыгнула в комнату.

— О, Аллах! Айбиге-ханым, с Вами все в порядке! — служанки подбежали к ней. — Вы снова пропали, мы так волновались! Скоро придет Сахиб-хан, и Вам не стоит показываться ему в таком виде.

Айбиге оглядела себя: да, зрелище и правда было не очень. Сперва и не скажешь, что эта бойкая девочка — дочь хана. Скорее оборванка, укравшая одежду у старшего брата. Пыль и грязь осели на красивых сапожках, широкие не по размеру, подвязанные веревкой, штаны порвались на коленке, на рубахе почти не осталось чистого места, а на кафтане последняя застежка и то еле держится. Увидев свое чумазое лицо в зеркале, Айбиге лишь хмыкнула и подошла к столу, на котором стоял таз. Обычное дело — сколько раз уже она сбегала ночью из дома с братьями, чтобы посидеть под луной и посмотреть на звезды. Сколько раз позвращалась домой то с синяком, то с царапинами. И ее совсем не волновало, что такое поведение недостойно дочери хана. Айбиге росла в окружении мальчишек — старших братьев и их друзей — и держала себя наравне с ними. Училась обращаться с оружием, носила одежду такую же, как и у братьев, и мечтала о завоеваниях, походах. И конечно же о том, что отец всенепременно гордился бы такой дочерью.

— Налейте воды, мне надо умыться, — коротко бросила она, стягивая с себя грязную одежду.

— Что Вы, нужно полностью вымыться, — заговорила вторая служанка, спешно наливая воду в таз, — и пригласить лекаря, чтоб он Вас осмотрел.

— Прекрати, Фариды, — отрезала Айбиге. — Отец не станет ждать, пока я насажусь в хаммаме. Где моя одежда?

— Вот она, ханым.

— Отлично. Карима, — маленькая госпожа обратилась ко второй служанке, — постой у двери, сообщи, когда отец придет.

— Слушаюсь, ханым.

По условному сигналу Каримы девочка тут же спрятала скомканную грязную одежду за тахту и встала у кровати, в почтении склонив голову — двери отворились, и в покои вошел Сахиб Гирей-хан. Увидев свою маленькую дочь, он протянул ей руку, которую та поцеловала в знак приветствия.

— Айбиге, дочь моя. С добрым утром, — звучно проговорил хан. — Как тебе спалось?

— Хорошо, отец, — юная госпожа улыбаясь смотрела на его доброе лицо.

— Тогда собирайся. Сегодня важный день: приедет моя валиде, и нужно оказать ей должный прием во дворце.

Только хан скрылся за дверями, Айбиге рухнула на кровать со словами «Слава Аллаху, повезло!». Она еле-еле удержалась в поклоне с ушибленным коленом — эх, если бы отец увидел, Фариде и Кариме было б несдобровать. Опять не уследили за непослушной госпожой, подвергли ее жизнь опасности.

Промыв рану оставшейся в кувшине водой и перевязав заново, Айбиге отослала служанок и вышла из комнаты, стараясь не хромать. Ничего, ей, как дочери хана, полагается по правилам сидеть. Пусть братья пристают с расспросами, пусть докучают — один день она проведет как достойная дочь.

Вечером Айбиге, наконец, было дозволено вернуться в свои покои. Фариде пришла, чтобы помочь своей госпоже подготовиться ко сну.

— Что случилось с Вами, ханым? Вы сегодня целый день такая задумчивая, — поинтересовалась служанка.

— Ах, Фариде, если бы я только могла все рассказать, — Айбиге, наклонившись над тазом, стирала со своего лица капельки воды. — Это моя тайна, и я никому ее не доверю.

— Даже нашему хану?

— Тем более! — голосок маленькой госпожи тут же изменился. — Если он узнает, то... То... — она так и не придумала, как ответить. — Глупые вопросы задаешь, Фариде. Ступай, я буду спать.

— Слушаюсь, Айбиге-ханым, — поклонившись, служанка вышла из покоев.

А Айбиге еще долго не могла уснуть, как ни пыталась. В голове все слышались слова провидицы, к которой она тайком ходила прошлой ночью с Адилем, так напугав свою прислугу неожиданным утренним появлением в окне.

— *Я обещана визирю. Он женится на мне?**

— *Забудь его, дороги ваши разойдутся. Царского сына прекрасного с золотой короной вижу я рядом с тобой. Мальчика ты ему родишь с черными, как уголь, волосами. А царицей так и не будешь. Имя возлюбленного твоего огненная ведьма назовет.*

Корона, черные волосы, да еще и ведьма — чушь какая-то. От провидицы юная госпожа ушла в растерянности — совсем не то она ожидала услышать.

Наконец, ей все же удалось погрузиться в сон. Но и снилось при этом что-то странное. «Видно, из-за того, что ведунья дала мне съесть какую-то горькую гадость», — успела только подумать Айбиге, как вдруг ясно увидела в свете из окна силуэт. Это был высокий статный мужчина, темноволосый, одетый в синий расшитый кафтан. «Красивый, наверно», — мелькнуло в голове у Айбиге. Черные жесткие волосы, видные из-под тюрбана, странные узоры на воротнике и полах верхней одежды. Маленькая ханым пыталась узнать в нем хоть кого-то из своих родственников, советников, визирей, пашей, беев, но все было напрасно. Этого человека она видела точно впервые.

Он стоял, опираясь одной рукой на перила балкона, а вторую убрав за спину, не оборачиваясь, не давая никакой возможности рассмотреть его лицо.

А может, этот ночной гость и был тем самым принцем из предсказаний? Внимательно оглядев его еще раз, юная госпожа убедилась, что и эта догадка неверна — золотой короны нет. Тогда кто же этот загадочный незнакомец?

От сновидения Айбиге отвлекла Карима, пришедшая закрыть окно. Увидев, как маленькая госпожа беспокойно ворочается в своей постели, она поспешила ее разбудить.

— Что случилось, ханым? — беспокойно произнесла служанка, ощупав лоб Айбиге.

— Ничего страшного, Карима. Все в порядке, — поспешила успокоить ее та. — Просто нога болит очень.

— Дайте, я посмотрю, — Карима, забеспокоившись, подняла край одеяла, и, как оказалось, не зря: наспех перевязанная рана на коленке Айбиге закровоточила.

— Я позову лекаря, — проговорила служанка, — иначе хан не пощадит меня.

Делать нечего — пришлось подчиняться. Вскоре, когда двери захлопнулись, и слуги покинули покои, Айбиге зажмурила глаза в надежде увидеть снова того самого, не знакомого ей, человека в синем кафтане и уж поточнее его рассмотреть и запомнить. Но все попытки были тщетными — ничего подобного в ее снах не явилось до самого утра.

— Ничего, — вздохнула юная госпожа, закончив утреннее умывание и сев на краю кровати, — кем бы ты ни был, я найду тебя. Найду и увижу твое лицо.

А в это время молодой бей отдыхал в своем шатре после удачного штурма очередной крепости. Снилось ему прекрасная гурия в ярко-красном платье, расшитом тесьмой и усыпанном камнями. Вот только лицо ее было скрыто под такой же красной вуалью.

Примечание к части

* - Дорогой читатель, ты не ошибся - здесь действительно есть отсылка к "Игре Престолов". На протяжении всего текста я буду прятать в нем различные отсылки и к другим произведениям.

Глава, в которой Айбиге-ханым и Малкочоглу Бали-бей впервые встречаются

Восемь лет спустя.

Прошли годы. Прежние события стирались из памяти — постепенно Айбиге забыла тот свой сон и странное непонятное предсказание. Сахиб Гирей-хан вместе с семьей перебрался в Крымские земли, где начал войну за престол. А его сестра, ныне мать правителя Османской империи — султана Сулеймана — Хафса Султан, решила пригласить свою племянницу погостить у себя во дворце. Кто знал тогда, насколько судьбоносной окажется эта поездка?

Визирь, за которого ханым должна была выйти замуж, воспротивился ее отъезду, перешел на сторону предателей и был убит. В порту ее встретил хранитель султанских покоев — Малкочоглу Бали-бей — человек, который раз и навсегда изменил ее жизнь. Айбиге или Айбиге-хатун, как теперь обращались к дочери хана в столице империи, помогла спасти от чудовищной смерти любимую жену повелителя империи — Хюррем Султан, а также очень подружилась с ней.

Но об этом позже. А пока Айбиге сидела в каюте, вырезая ножом фигурку из дерева. Скоро должен был прийти встречающий, и она уже мысленно представляла себе, как идет по улицам столицы, по коридорам дворца, как, наконец, после долгой разлуки, обнимает свою любимую тетюшку. Повзрослев, ханым так и не изменила своим привычкам носить мужскую одежду. С превеликим удовольствием она позволила бы себе иметь и саблю, как у любимых братьев, однако отец разрешил все же только маленький нож и ничего более.

— Гюлизар, — кликнула она служанку, — все сделано, как я просила?

— Да, ханым, — в дверях каюты показалась наряженная в расшитое узорами платье девушка.

— Хорошо. Побудь там пока что, скоро нас встретят.

Вот открылась дверь каюты — по лестнице спустился высокий человек в черном кафтане — тот самый Малкочоглу Бали-бей. И хотя с ним Айбиге встретилась впервые, и имя его было совершенно ей не знакомо, что-то подсказывало, что этого бей она уже где-то видела. Но где? Ханым, вертя в руках нож, ходила вокруг него, пытаясь вспомнить, но никак не удавалось. Черные волосы, густые усы, карие, с прищуром, глаза — он точно не из ее многочисленной родни.

Свое имя Айбиге не стала называть, выдав себя за прислугу, а свою служанку в нарядном платье представила, как госпожу. И надо было видеть лицо этого бей, когда хазнедар гарема, Дайе-хатун, пришедшая принимать гостью, прошла мимо нарядной служанки к ничем не походившей на ханым девчонке.

1532 год.

Время шло. Во дворце Айбиге очень не нравилось то, что теперь она и шагу не могла ступить без спроса. Тут не Крым — вокруг были слуги, но больше всего раздражал

Малкочоглу. Он следовал за неугомонной ханым везде: в дворцовом парке, на конных прогулках — даже выйдя к окну подышать свежим воздухом, она видела его на соседнем балконе.

Но бей лишь следовал приказу султана — охранять его кузину — и не мог противиться этому, даже если она сама говорила, что умеет постоять за себя без всякой охраны. Лицо его было мрачным, порой с оттенком какой-то грусти. И Айбиге не понимала, что же она делает не так — почему с ней рядом этот скучный человек. Почему он вообще такой. Но чем больше она проводила с ним времени вместе, тем больше замечала, что на его смурном лице иногда начинала появляться улыбка.

Да и сама Айбиге, уже не замечая этого, все чаще начинала искать встречи с хранителем покоев. И очень удивилась, когда на рынке к Малкочоглу подошла одна красивая девушка, смотревшая на него так, как Айбиге себе даже в самых смелых мечтах не позволила бы. Неужели это и есть ревность? Нет, дочь Сахиба Гирея-хана никогда и ни под каким предлогом не выйдет замуж и никого не полюбит, потому что любовь придумана для сопливых хатун, с головы до пят укутанных в платок, и вскрикивающих при виде крови. Эти глупости не для нее. Тогда откуда это чувство неприязни к незнакомке, крутящейся около Бали-бея?

Это пройдет, надеялась Айбиге. Засыпала, успокаивая себя мыслями о том, что скоро вернется в Крым к своей семье.

А затем появилась она. Хюррем Султан, так ее звали. Слава ее дошла и до крымских земель, и там поговаривали, будто бы приворожила она султана и потому он на ней женился. Копна густых огненно-рыжих волос, вздорный характер, но в то же время — такое доброе отношение к своим детям и тем, с кем она дружила — чем-то султанша так напоминала Айбиге ее саму.

Эта женщина сразу заинтересовала — было в ней отчасти что-то колдовское, волшебное. Она поняла без всяких намеков, что между крымской гостьей и хранителем покоев есть чувства. Рассказала Айбиге страшную тайну, полную боли, что носит в себе Малкочоглу — как женился он на любимой и как потерял ее. Не раз Айбиге приходила к Хюррем Султан за советами — особенно, когда его Мрачность Бали-бей позволял себе уйти ночью к той самой белокурой красавице, что виделась с ним на рынке, — Эленике.

— Борись за свою любовь, — так сказала Хюррем Султан, утешая подругу. И те слова придавали силы. Поднимали на ноги после очередного удара. После очередного расспроса на тему — где был ночью хранитель покоев.

— А Вы что, ревнуете? — задал он однажды весьма странный вопрос.

Айбиге промолчала и ушла. Ну и мерзавец, как можно спрашивать подобное у нее, у ханым? Она не какая-нибудь Эленика или другая хатун — сколько их у этого Бали-бея было — пусть зарубит себе на носу, что за подобную дерзость он еще ответит.

Однажды вечером она решила зайти на балкон, где так часто бывал Малкочоглу, и потребовать объяснений за то высказывание. Но все пошло не так.

Только-только увидев человека в синем кафтане, Айбиге едва удержалась на ногах. Сон — да-да, тот самый, что снился ей еще в далекой Казани, сбывался. Человек, стоящий на балконе, опирающийся одной рукой на перила, а другую спрятавший за спину — так вот кем он был все это время. Нет, обмороки не для нее, не для ханым! Даже виду нельзя подавать! Все сейчас будет так, как должно быть — она отчитает его за тот вопрос и гордо уйдет с чувством полной победы.

Но что такое? Почему опять разговор идет совсем не об этом? Почему в его присутствии Айбиге не нападает на него, а наоборот — сама пытается защищаться от этого взгляда, от этих слов, от... От всего, что с ним связано. Порой слова острее любого клинка.

— Имя возлюбленного твоего огненная ведьма назовет, — пронеслось в голове пророчество старой ведуньи.

Огненная ведьма? Хюррем Султан — ну конечно, она сразу поддержала Айбиге, когда та еще только пыталась разобраться в своих мыслях и в том, что же она на самом деле испытывает к Малкочоглу. Твердила ей, что это чувство и есть та самая любовь, и что хранитель покоев тоже к ней неравнодушен. Постепенно слова провидицы обретали смысл.

— Хотите, докажу Вам, что я не трус? — с усмешкой спросил Бали.

— Интересно знать, как, — пытаюсь быть надменной, как тетушка, бросила в ответ Айбиге. И в следующий момент все произошло очень быстро, оставив лишь память и новые темы для разговоров с Хюррем Султан.

О своем детском воспоминании Айбиге тоже рассказала. Не вспомнила она лишь о человеке с золотой короной и ребенке — давно все это было, вот и позабылось.

Но радость длилась недолго — вскоре состоялась помолвка дочери хана с наследником империи — шехзаде Мустафой. И ни один из них на самом деле не желал этого брака, хоть он и позволил бы наследнику возвыситься, а империи и семье Айбиге — подтвердить свои дружеские отношения.

— Пользуйся моментом, — сказала Хюррем Султан, узнав об этой новости. Она обещала помочь, поговорить с шехзаде, чтобы тот расторг помолвку, но все было бесполезно — день свадьбы неумолимо приближался. Айбиге, еще три года назад веселая и беззаботная, теперь плакала почти каждый день, старалась видаться с Малкочоглу как можно чаще при любом удобном случае, будь то прогулка в парке с шехзаде или просто какое-то сообщение для султана, передаваемое через любимого. А теперь еще вдруг кто-то узнал о ее связи с Бали-беем — только чудом ей удалось спрятаться в соседней комнате, когда к хранителю покоев внезапно заявила мать ее будущего жениха — Махидевран Султан с толпой служанок.

Да и тот самый удобный наряд, в котором Айбиге прибыла во дворец, заменили украшения и шелковые платья, богато украшенные и расшитые золотыми нитями и камнями.

Завтра она уплывает в Крым — повидаться со своей семьей. И, как назло, именно Малкочоглу будет ее сопровождать.

Глава, в которой два простых слова значат очень многое

— Пользуйся моментом, — снова и снова всплывала в памяти та фраза, не давая Айбиге никакого покоя. Ханым стояла у окна в каюте и смотрела, как дворец, в котором она пробыла целых три года, и Хюррем Султан становятся все дальше и дальше от нее.

Айбиге вспоминала дни, проведенные в Стамбуле. Как трепетало сердце, когда Бали-бей впервые поцеловал ее, и какую ошибку она совершила, поддавшись уговорам тетушки и согласившись на брак только ради того, чтоб отомстить хранителю покоев за ночь с его ненаглядной Эленикой. Как успокаивала ее золотоволосая Хюррем Султан, говоря, что ничего между Малкочоглу и этой гурией уже нет, что его чувства давно угасли. Но прошлого не вернуть. Сейчас Айбиге — невеста шехзаде Мустафы, султанского сына и наследника. А значит — не быть ей с любимым вместе. И все из-за одной ночи, из-за желания мести, из-за злобы, боли, обиды на него за то, что он снова ушел развлекаться с другой. Чем же она так хороша? Чем она лучше? Почему именно она?

Горячие слезы жгли щеки — ни на один вопрос ответ уже не важен. Судьбу теперь не изменить.

— Айбиге-хатун, я хотел спросить, нужно ли Вам что-нибудь? — в каюту так же, как и три года назад вошел Бали-бей. Но теперь его встречала не бойкая девчонка, а грустная, с потускневшим огнем в глазах, ханым, в длинном платье, расшитом синими, как его кафтан, цветами.

Слова... Опять она начала нести какую-то чушь о чувствах, о печали, о своей прошлой жизни. Все потому, что Бали-бей был рядом и не сводил с нее взгляда.

Айбиге помнила, что Малкочоглу до сих пор хранит кольцо своей любимой покойной жены. Единственная память.

— Вот, возьми, — она сняла одну из своих сережек и вложила в его горячую ладонь. — Пусть это будет у тебя. Будь счастлив.

— Пользуйся моментом, — опять эти навязчивые слова. Ну зачем, зачем Хюррем Султан их произнесла? Айбиге хотелось накинуться на Бали-бея с кулаками, ударить, да так сильно, чтобы, вернувшись в столицу, он больше никогда не пошел к Эленике, чтобы забыл ее навсегда, вычеркнул из памяти. Особенно, когда он еще посмел сказать сейчас, что Айбиге все забудет и сможет полюбить другого.

Неужели она действительно так мало значила в его жизни, что он вот так легко попросил ее все забыть?

Или все-таки Эленика?

— Расскажи мне, — стараясь не терять самообладания, произнесла ханым, — почему ты выбрал ее?

— Кого? — весьма странный вопрос удивил Малкочоглу. Вот ведь девчонка — никогда

она не переставала его поражать, порой даже смешить. За ее нрав, за бойкий характер он и полюбил ее, хотя думал, что больше не способен на такие чувства. Что все в нем умерло вместе с его прекрасной Армин, жизнь которой унесла страшная болезнь. А теперь появилась Айбиге — этот лучик яркого солнца — и осветила его мрачное лицо, прогнала тьму из его души. Но теперь и она — чужая невеста. Снова Всевышнему угодно, чтобы Бали-бей остался один.

— Эту Эленику. Что она такого может, чего не могу я? Ты ведь вернешься в Стамбул и к ней снова пойдешь, так? — в этот раз она твердо решила идти до конца.

— Айбиге, не надо так говорить, — чарующий, манящий голос. — Я не могу сказать, это не будет уместно, — вот, начал защищаться. Увлеченная этим, ханым стала наступать:

— А целовать меня на балконе дворца уместно, Малкочоглу? — сама не заметив как, она подошла совсем близко. Вопрос так и остался без ответа.

— Снова трусишь, — опустив голову, сказала Айбиге. — Как и в тот раз, — повернувшись, она прошла в противоположный угол каюты и села на большую кровать.

— Айбиге-хатун, — строго произнес Бали. — Не заставляйте меня.

Немногословный, хмурый. Ханым еще раз взглянула на него — но таким Малкочоглу ей и нравился, именно такого она полюбила, открыла свое сердце. И сейчас она каждый раз чувствовала, как дрожат колени от того, как он называет ее по имени.

— А что будет, если заставлю? — Айбиге вскочила со своего места. О, Аллах, сколько раз уже твердили, что такое поведение недостойно дочери хана! Как можно разговаривать с посторонним, смотреть ему в глаза, если ты уже помолвлена?

— Говори, Малкочоглу! — только и успела выпалить ханым, как вдруг Бали-бей подошел к ней и поцеловал так же, как в тот самый первый раз. Нежно, но в то же время, страстно. От волнения темнело в глазах, голова начинала кружиться. Айбиге ответила на этот порыв, рука ее скользнула по его небритой щеке, вцепившись в воротник кафтана, притягивая к себе все ближе.

— Вот что будет, — проговорил Малкочоглу хрипло, с трудом прервав поцелуй. Присутствие Айбиге, ее манящие губы, прекрасные руки, витавший в воздухе запах духов — все это лишь распяляло желание, заставляя забывать, кто он такой, кем является, и кто перед ним сейчас. Как же хотел Бали, чтобы она принадлежала лишь ему! Но нет — это невеста шехзаде, именно с ним проведет она первую ночь, и, пытаясь не потерять рассудок, хранитель покоев отошел в сторону.

— Только и всего? — спросила Айбиге.

— Айбиге-хатун, вы обещаны...

— Я знаю. Мы оба это знаем. И оба не желаем этого, — ханым не сводила глаз с него. — Но сейчас, рядом с нами, нет ни моего отца, ни повелителя, ни Мустафы — никого,

смотри. А слугам все равно никто не поверит. Ты не...

Она так и не договорила — корабль качнуло, и оба упали на кровать. Почти так же, как и тогда, в дворцовом парке, когда хитрая Айбиге решила показать Бали-бею, как ловко она обращается с ножом. В тот раз ей хотелось строго отчитать хранителя покоев за то, что он потом сделал, но теперь — теперь все было не так. Ханым ловила его затуманенный взгляд, чувствовала прикосновения ладоней сквозь тонкую ткань платья, и там, где он касался ее тела, тут же «пробежали» мурашки.

— Скажи мне всего одно слово, — прошептала она, мысленно проклиная и посылая в ад все понятия о девичьей чести.

— Забудь, — остатки рассудка растворились полностью, и синий тюрбан полетел в сторону.

Ночь. Тихий шепот влюбленных, плеск волн. Выбор сделан. Пусть в Стамбуле ждет Мустафа, пусть отец дал согласие на брак — это неважно. Важно все то, что происходит здесь и сейчас. Да, пусть Малкочоглу и Айбиге не суждено стать мужем и женой, но свою первую ночь она проведет именно с ним. О, Аллах, ты свидетель этой запретной любви — только тебе решать, что будет дальше. Пропадите пропадом честь, совесть, семья, султан Сулейман — все неважно теперь, когда рядом есть любимый.

Утро уже давно наступило. Айбиге лежала на мягкой кровати в своем шелковом гемлеке, завернувшись в одеяло, и рассматривала потолок каюты. В голове проносились события вчерашней волшебной ночи — той самой, проведенной с любимым мужчиной. Все еще помнила ханым его губы, его мозолистые, но в то же время нежные руки, поцелуи, прикосновения, приятную тяжесть внизу живота и хрипкое «Люблю тебя», тысячу раз услышанное ею за ночь. Это заставляло смущаться и стыдиться. Зря, зачем, почему она это сделала, теперь если шехзаде поймет, что Айбиге уже стала женщиной, то на всей ее семье будет огромное пятно позора.

Приподнявшись, ханым огляделась — Малкочоглу стоял у маленького окна, вглядываясь в синее небо. Внезапно корабль сильно качнуло.

— Что случилось? — спросила Айбиге.

— Вдалеке плывут наши судна, — сухо произнес Бали-бей, едва удержавшись, чтобы не упасть. — Мне следует узнать, что им нужно.

— Стой, — она протянула к нему свою руку. — Что теперь с нами будет после этой ночи?

— Ты... вернешься к себе, а потом выйдешь замуж. Наши пути разойдутся, — присев на край кровати, Малкочоглу не скрывал грусти и отводил взгляд. Эти слова давались ему, похоже, с большим трудом.

— Нет, так нельзя. Молю тебя, не проси все забыть. Мы обязательно будем вместе, или я покончу с собой, — видно, это задело Бали-бея. В его глазах снова загорелся огонь.

— Не говори так! Ты сделаешь то, что должна — так предначертано Аллахом.

— Малкочоглу... — едва слышно произнесла ханым, коснувшись ладонью его щеки.

Как можно? Снова он трусит, убегает, оставляет ее одну. Не понимает, что такая невеста теперь не пара шехзаде. А может, как раз понимает и осознает, что с ним сделают после такого проступка? Трус, трус, трус. Какой же он все-таки трус!

— Есть выход, — наконец, произнес Бали-бей и рассказал о своем разговоре с шехзаде Мустафой. Оказывается, наследник империи решил сам позаботиться о том, чтобы свадьба не состоялась, а Айбиге вернулась домой к своей семье. После чего хранитель покоев вышел из каюты, оставив ханым наедине с мыслями о прошедшей ночи и планах шехзаде.

Однако все пошло не так.

Примечание к части

Я не считаю, что здесь рейтинг соответствует R. Скорее всего, тут пока еще PG15. Но не расстраивайся, дорогой читатель, ждущий "эти сцены". Они еще обязательно будут. Лучше напиши в отзыве, к какому фильму (уже подсказка - фильму!) здесь спрятана отсылка.

Глава, в которой тайное становится явным, а одна ночь все меняет

Ох уж эта Махидевран Султан! Из доброй матери наследника превратилась в настоящую змею, донесла повелителю о тайной связи будущей невестки с хранителем покоев. Да еще и осмелилась руку поднять на дочь хана! Хюррем была тысячу раз права, обозвав ее ведьмой. Впрочем, и она сама не лучше — взяла и рассказала всем о том, что Айбиге и Бали-бей не собираются возвращаться из Крыма. Ну кто, кто ее просил? Все так удачно складывалось. А теперь Айбиге скоро отошлют домой, а хранителя покоев непременно казнят. Впрочем, именно шехзаде будет решать его судьбу. Какой ужас! Позор. Сахиб Гирей-хан если узнает — откажется от любимой дочери. Еще и повелитель перенес тяжелую болезнь — о, Аллах, какое еще несчастье ты уготовил своей рабе кроме всего этого?

Впрочем, Хюррем Султан уверена, что никакой казни не будет. И что есть еще надежда, и ни в коем случае нельзя сдаваться и опускать руки.

Айбиге стояла у решетчатого окна башни — отсюда хорошо виднелось место, где вскоре должен был быть казнен ее любимый Малкочоглу. Вот его вывели из темницы — босого, в белой рубахе. По щеке ханым предательски скатилась слеза. Что-то злобно говорит противная Махидевран Султан. Видимо, надеется, что ее сын появится здесь и вынесет решение казнить. Однако в последний момент раздается крик «Дорогу!» — и последующие за ним слова меняют все. Мустафа отменил казнь, помиловал Бали-бея. И можно спокойно вздохнуть — он жив.

— Я же говорила, — улыбнулась Хюррем Султан.

Да, говорила. Но что с того? Айбиге сегодня уезжает, а Малкочоглу отправляется в Семендире. Не будет больше встреч в парке, на балконе, в его покоях. Поцелуи, объятия — все это тоже исчезнет. Попрощавшись с султаном, тетушкой и ее многочисленной свитой, Айбиге вышла из покоев и отправилась навстречу новой жизни. Пусть и в Крыму, но так, как прежде, уже не будет. Последний раз она испытывала подобное, уезжая из родной Казани в неизвестное южное ханство. Проходя мимо по одному из коридоров, Айбиге наткнулась на девочку — дочь жены повелителя, Михримак Султан.

— Слава Аллаху, ты возвращаешься домой, — едко проговорила она, глядя на ханым. — Даже не смей приближаться к Бали-бею — из-за тебя его чуть не казнили! — и, гордо повернувшись, зашагала по направлению к покоям отца. Что там случилось, Айбиге так и не поняла, однако вскоре увидела, как маленькая султанша плача идет по коридору. Не смея больше задерживаться, ханым поспешила поскорее уйти.

В это время мимо нее прошла одна из служанок Махидевран Султан — Фатьма, неся в руке запечатанное письмо. Она никогда не нравилась Айбиге — еще с того времени, как вместе с другими наложницами устроила покушение и чуть не убила жену повелителя, а теперь — и подавно. Чем-то она смахивала на свою госпожу. Завидев Айбиге, Фатьма остановилась в почтительном поклоне и не поднимала головы, пока та не прошла мимо. Прощай, Стамбул. Прощай, Малкочоглу. В последний раз, уже поднимаясь на корабль, Айбиге обернулась, окинув взглядом дворец, в котором она познала и радость, и горе.

— Идемте, ханым, — поторопила ее служанка. Дул холодный пронизывающий ветер, не стоило долго задерживаться на открытом воздухе.

— Пойдем, Гюлизар, — Айбиге накинула капюшон плаща и поспешила в каюту.

Закрыв за собой дверь и сняв плащ, ханым тут же достала из сундука свой любимый костюм — тот самый, в котором она прибыла в Стамбул три года назад. Штаны, рубаха,

просторный кафтан, кожаные сапоги, повязка с монетами. Все, пора становиться собой — узорчатая диадема безжалостно сорвана с головы и отброшена в дальний угол, на пол посыпались бусины разорванного колье, платье, после недолгой возни с застежками, скомкано и швырнуто в сундук.

— Вот теперь хорошо, — Айбиге поправила повязку, «украшавшую» ее растрепанные кудри. Теперь из маленького зеркала на нее смотрела та прежняя дочь Сахиба Гирей-хана. Вот только одного не хватало — и через несколько мгновений на месте одной из монет, прикрепленных к повязке, красовалась та самая сережка, которая осталась у Айбиге.

А сейчас — спать. После всего, что было пережито, хотелось провалиться в глубокий сон и проснуться только тогда, когда корабль прибудет в порт Крыма.

Рядом сидела Гюлизар, нервно теребя в руках снятый платок. Не давало ей покоя страшное поручение, которое она обязалась выполнить. Снова и снова вспоминала она то самое утро, когда пришла помочь одеться своей госпоже и случайно заметила алое пятно на ее постели. Кто, какая неведомая сила заставила ее после долгих угроз и избиений рассказать обо всем Махидевран Султан? Айбиге спрашивала потом, кто посмел так сильно поколотить ее верную служанку, но Гюлизар молчала о правде, сказав лишь, что оступилась и упала с лестницы. Да, оступилась, сделала неверный шаг. И не будет ей теперь прощения, ждет ее кара небесная за это предательство. Гюлизар смотрела на спящую госпожу и проклинала себя за свой длинный язык — судьба единственной дочери Сахиба Гирей-хана теперь в ее руках. В том письме, которое передала ей тайком Фатьма-хатун, стоя в поклоне перед Айбиге. На нем — поддельная печать султана Сулеймана, почти не отличимая от настоящей. Но кто будет разбираться? Служанка бросила взгляд на свой маленький сундук с вещами, где среди платьев лежало письмо и закрыла глаза.

Ночь. Тихий плеск волн за бортом, шум дождя. Айбиге спала, улыбаясь во сне — снова и снова ей снился ее любимый Малкочоглу, его объятия, его ласки. Вот она целует его на том самом балконе — на ней ярко-красное платье, расшитое узорными золотыми нитями и тесьмой, на нем — синий кафтан. Мгновение — и они оба оказываются в его покоях. И сейчас Айбиге уже поддается своим желаниям — она стоит на его кровати, запуская пальцы в его отросшие черные волосы, прижимает его к своей груди, томно вздыхая от наслаждения. Бали позволяет ей снять с него кафтан и рубаху, а сам расстегивает пуговицы на ее платье, оставляя Айбиге лишь в одном шелковом гемлеке, сквозь который просвечивают соблазнительные изгибы ее тела. Да, это всего лишь сон, но как же реальны эти касания, этот бархатный голос, все вокруг!

Внезапно с громким звуком распахивается дверь, и на пороге показывается отец — Сахиб Гирей-хан, а рядом с ним — Махидевран Султан, Хюррем Султан и дорогая тетушка. Глаза хана полны ненависти и злобы. «Блудница!» — выкрикивает он и приказывает страже увести Малкочоглу. Не в силах пошевелиться, Айбиге стоит на кровати, теребя в руках легкую ткань гемлека, опустив голову. Звонкая пощечина сбивает ханым с ног — сквозь упавшие на лицо растрепанные волосы Айбиге замечает, как стражники выводят Малкочоглу из покоев.

— Нет! — звонкий крик разбудил задремавшую Гюлизар.

— Что, что случилось, Айбиге-ханым? Вам плохо? — служанка тут же вскочила с тахты.

— Принеси мне мятной воды, Гюлизар, и поскорее, — встряхнув головой, проговорила Айбиге, приподнявшись на локтях. — Пить очень хочется.

— Мятной воды? Но ханым, вы же никогда...

— Делай, что я говорю, иначе к морским тварям отправишься!

Да, Айбиге просто ненавидела, терпеть не могла мятную воду. А еще никогда не страдала морской болезнью. Сколько раз они с братьями уплывали тайком на их общем каике — в любую погоду, будь это штиль, гроза или просто легкий ветер — сколько раз Айбиге смеялась над Эмином и Адилем, когда их без конца тошнило, обзывала братьев «хатунзаде». А что же сейчас? Ее словно подменили. То голова кружилась, то иногда начинало мутить. Неужто те несколько недель, проведенные во дворце после внезапного возвращения, оставили такой сильный отпечаток? Эх...

Ханым натянула сапоги. Ну где, где эта Гюлизар? Почему ее так долго нет?

Внезапно через маленькое окно каюты осветил яркий отблеск, а через секунду совсем рядом послышался взрыв. Сверху на палубе раздавались крики и топот ног. О, Всевышний, только не это! Прошептав про себя молитву, Айбиге подбежала к окну и увидела то, что лишь подтвердило ее опасения — сквозь завесу дождя ясно был виден странный большой корабль без флага, с толпой людей на борту. Конец? Нет, она Айбиге-ханым, единственная и любимая дочь Сахиба Гирея-хана, она сможет постоять за себя! — Гюлизар! — крикнула Айбиге, приоткрыв дверь каюты. — Где ты, Гюлизар? — и через мгновение сбита с ног служанка уже лежала на полу палубы прямо перед глазами ханым. Из груди ее торчала стрела.

— На бордаж! — послышался чей-то крик. И тут же с одной из сторон мачту и реи обвили длинные канаты с крючьями, корабль резко качнуло в одну сторону. С трудом Айбиге удерживалась на лестнице, чтобы не упасть, лихорадочно соображая, что можно сделать, как противостоять этому напору. Наконец, выбравшись из каюты, она, едва держась на ногах, подползла к противоположному борту, спрятавшись на корме. Тут хорошо просматривалась палуба, но сама ханым сидела при этом в достаточно укромном месте.

Сердце бешено колотилось. Сжимая в одной руке нож и утирая рукавом остатки обеда, которым ее только что стошнило, Айбиге сидела на коленях у борта, стараясь не дышать. Судя по крикам, капитан ее корабля был уже убит, и победа пиратов близилась. Внезапно кто-то схватил ее сзади и попытался перекинуть через плечо. Собрав остатки сил, Айбиге воткнула нож в спину незнакомца несколько раз до тех пор, пока он не ослабил хватку. Ослепленная победой, ханым отскочила в сторону и, вынув тяжелую саблю из ножен на поясе убитого ею пирата, рванулась на палубу. Пусть ей не суждено быть рядом с любимым, не вернуться домой, не увидеть больше отца и родных братьев — она не должна так просто сдаваться. Эти разбойники еще попляшут! Но внезапно в глазах потемнело, и все смешалось воедино — люди вокруг, шум дождя, выстрелы. Не в силах более стоять на ногах, Айбиге упала прямо перед толпой пиратов. Один из них, высокий, рыжеволосый, присел перед нею на корточки и откинул мокрые пряди волос с ее лица.

— Это она! — испуганно произнес человек в черном тюрбане, стоявший рядом. Но чего он боялся?

— Что прикажете делать, Мурад-реис? — спросил кто-то из толпы.

— Обыщите корабль, заберите все ценное. А ее, — рыжий поднял на руки Айбиге, — увозим с собой.

Примечание к части

Моя попытка воплотить экшн в том виде, в котором он мог бы существовать в данном фике.

Лирическое отступление

1533 год, январь.*

День. Ясный, погожий. По коридору дворца в Стамбуле спешил главный евнух султанского гарема — Сюмбюль-ага. Незаметно от других слуг он смахивал проступившие на его глазах слезинки. Айбиге, любимая племянница валиде Хафсы Султан погибла в море — на ее корабль напали пираты. Как теперь сказать это повелителю и валиде? Как они ругают всех, кто приносит дурные вести! Но такова работа верного слуги, и тут уже ничего не исправить. Нельзя сделать так, чтобы весть о смерти из плохой превратилась в хорошую.

Повелитель вскакивает со своего места и требует объяснений. Валиде Султан хватается за сердце — любимая племянница была ей очень дорога. В несчастного агу летят слова проклятий, стаканы, блюда с остатками еды — чудом ему удается выбежать из покоев.

Весть дошла и до Хюррем Султан, и через некоторое время из столицы в сторону Семендире тайно отбыл гонец с письмом. Хюррем не верила словам слуг и господ — такое в ее жизни уже бывало, когда ее дражайший Сулейман отправился завоевывать Родос. В то время весь гарем был в трауре, считая султана погибшим, и лишь она верила в то, что все эти слухи — неправда. В своем письме к Бали-бею султанша просила его не терять веры и надеяться на лучшее — что Айбиге жива, и что они обязательно будут вместе, кто бы что ни говорил. Малкочоглу ответил сдержанно, стараясь убедить в том, что известие его, конечно, сильно опечалило, но он уже давно забыл все, что связывало его с Айбиге-хатун. Хюррем Султан не доверяла и этим словам, всячески пытаясь убедить его в обратном. Верные ей слуги по тайному приказу расспрашивали моряков в портах, жителей Стамбула, письма были разосланы во все окрестные города, что на Черном море, и вот однажды, после долгих безуспешных поисков, наконец, появилась зацепка.

А в это время Бали-бей сидел на пригорке у реки в родном Семендире и вспоминал, вспоминал, вспоминал. Нет, не стерся из памяти ее прекрасный лик, запах ее волос, ее чувственные губы, бархатная нежная кожа — снова и снова являлась перед глазами та самая ночь на корабле, изменившая все. Вот опять пришел ага — вновь принес письмо из столицы. Но надо держаться, не показывая своей слабости, прятать все эти воспоминания под непробиваемой броней, делать вид, что все давно забыто, хоть это и крайне тяжело. Получив письмо, Малкочоглу отослал агу и, дождавшись, когда тот уйдет, со всей силы кинул нераспечатанный футляр в воду.

— Эй, брат! Ты сам не свой в последнее время, — как всегда веселый Ахмед сел рядом. Ветер трепал его черные кудри, на лице играла улыбка. Весь он просто сиял от счастья — ведь завтра состоится долгожданное событие: помолвка с любимой невестой. Вовсю уже шли приготовления, и день свадьбы был уже назначен.

— В прошлый раз ты грустил из-за смерти своей жены, но сейчас-то что случилось? — не унимался брат. — Говоришь, что все хорошо, что та хатун — как ее там звали — Айбиге, осталась в прошлом. Но ведь я вижу, что это не так, — он ободряюще похлопал Бали по плечу.

— Оставь меня, Ахмед, — пробормотал в ответ тот, не сводя глаз с кругов на воде. — Лучше иди — тебя, наверно, уже ищут. И Симисшах-хатун вот-вот приедет.

— А ты не пойдешь? — встрепенулся Ахмед. — Аллах, Аллах! Будь уверен, брат — дочери всех приглашенных пашей и беев так и ждут твоего появления! Им бы только краешком глаза тебя увидеть! Аги только и делают, что спрашивают меня — явишься ли ты на церемонию.

— Я хочу побыть один, Ахмед, — Бали-бей поднялся и зашагал в сторону рощи. А это значило, что все расспросы и уговоры бесполезны. По крайней мере, сейчас. Но в их семье не принято нарушать порядки, а значит, завтра брат жениха все-таки изволит прийти.

Примечание к части

Когда Айбиге уже была помолвлена с Мустафой, а затем поплыла в Крым с Бали-беем, в Стамбуле стояла уже плохая погода. Например, во время прогулки в парке, где их застала Михримах, шел дождь и лежали опавшие листья.

Поэтому я решила принять, что Айбиге покидает Стамбул в конце 1532 г., примерно в ноябре-декабре.

Глава, в которой Айбиге-ханым встречается с двумя важными в ее жизни людьми

1532 год.

— Что теперь с ней делать?

— Да заставим станцевать для нас, а потом — за борт! Ты вообще видел, как она с Джамалом-агой расправилась? Опасная хатун.

— Но Мурад-реис сказал, что...

— Тебе-то что с того? Сиди и молчи.

Сквозь сон до Айбиге долетали обрывки слов. Сознание ее все еще блуждало в какой-то полутьме, постепенно восстанавливая последние запомненные события. Где Гюлизар? Пираты, мертвая служанка, сильный дождь — как же она хотела, чтоб все это осталось лишь страшным ночным кошмаром. Но постепенно звуки голосов становились все громче, запахи вокруг — сильнее, и Айбиге вскоре уже точно понимала, что находится на пиратском судне. Руки были крепко связаны за спиной. Оглядевшись, ханым поняла, что здесь она не единственная пленница: вдоль стен прямо на полу вповалку спали такие же юные, как она, девушки, маленькие дети, старики. Но в них не узнавалась команда ее корабля: никто из тех людей не был ей знаком. От мысли, что она единственная выжившая в той битве, все внутри сжалось. Лежа на холщовой подстилке, насквозь провонявшей плесенью и сыростью, Айбиге молча оглядывала темное помещение, куда ее бросили пираты. И снова это гадкое ощущение морской болезни — при малейшей качке! Она терпела до последнего, изо всех сил стараясь держаться, но не получилось — и через момент вонючая подстилка была запачкана в противной склизкой рвоте.

— Эй, смотрите-ка! Эта змея еще шевелится! — усмехаясь, проговорил один из пиратов — тот, что потолще. Похоже, он вместе с товарищем был отправлен сюда, чтобы следить за пленными.

— Да еще и ядом плюется! — захохотал второй.

— Ступай, позови Мурада-реиса, — толстяк похлопал собрата по плечу. — Да пошевеливайся! Он приказал немедленно доложить, если она придет в себя! — зычный голос разнесся по всей темной «клетке». Снова Айбиге почувствовала, как начинает терять сознание — но нет, надо быть сильной. Хотя бы для того, чтобы плюнуть в лицо этому Мураду-реису.

Через несколько мгновений сверху по лестнице спустился высокий рыжеволосый человек, по одежде явно отличавшийся от тех двоих. Черный узорчатый кафтан с витиеватыми застежками, такие же черные штаны, широкий, украшенный узорами, пояс с двумя заткнутыми за него кинжалами, сабля, высокие сапоги — все это выдавало в нем человека особого положения. И Айбиге не ошиблась — перед ней стоял капитан корабля. В руке он держал футляр для писем.

— Значит, это и есть дочь Сахиба Гирея, — произнес он, не сводя глаз с пленницы. Айбиге молчала — лишь грозно посмотрела на него из-под съехавшей почти на глаза своей повязки.

— Неправда, — сирым голосом решила возразить она. — Вы убили мою госпожу. Я... я ее служанка, Гюлизар.

Не убирая ладонь с рукояти сабли, Мурад-реис внимательно разглядывал ее. Жалкое зрелище — худая, бледная, как полотно, все лицо и воротник испачканы в отвратительной смердящей рвотной массе. Да еще и одета, как мальчишка! Но у нее хватило силы убить человека. Возможно, если бы вся команда не кинулась тотчас на нее, она успела бы точно пришить еще парочку таких же морских волков, как Джамал-ага.

— Гюлизар? Тогда это твое письмо, — он распечатал футляр и достал свиток пергамента. Глядя на пирата, читавшего невесть откуда взявшееся письмо, Айбиге заметила, как он несколько раз изменился в лице. — Тебе никто не поверит, глупая. Это подделка — я сам обращался к этому мастеру когда-то. Сколько лет прошло, а он так и не научился рисовать султанскую тугру как следует. И печать неправильная. А вот письмо... Знаешь, хатун, это правильно, что твоя госпожа умерла — пусть лучше такая смерть, чем позор семьи. Кому нужна дочь-блудница?

— Это неправда, клевета! — Айбиге почти кричала. — Я не... ой! — нет, только не это. Теперь ее точно раскроют. Едва слышно она проговорила: — я хотела сказать, что...

— Что ты и есть дочь крымского хана? — Мурад-реис хитро взглянул на нее. Ни слова не говоря, он скомкал листок пергамента в руках и ушел, отдав двоим оставшимся приказ накормить всех пленных, а Айбиге-хатун привести к нему.

— Поднимайся, красавица! — раздался прямо над ухом голос толстяка. — Капитан тебя велел к нему доставить, — тут же он схватил Айбиге за воротник кафтана и в один момент поднял на ноги. — Прости, развязывать не буду, — и, перекинув ее через плечо, поволок к лестнице, ведущей наверх. — Надо признать, ну и воняешь же ты!

Единственное, о чем сейчас думала Айбиге, — поскорее бы этот жирный заткнулся. Его противный голос эхом отдавался в голове, рассыпаясь на несколько осколков. Вот кто-то схватил ее под руки, потащил наверх — глоток свежего воздуха немного придал сил. Пленница огляделась — нет, этот корабль явно не османский и не ее отца. Чем-то он напоминал странное многопарусное судно с картинок из книги одного, знакомого отцу, художника-путешественника. То самое, на котором так мечтали плавать Адиль и Эмин — разумеется, когда их перестанет постоянно тошнить во время детских забав на каике*. Большое, совсем не то, что ее утонувший кораблик.

— Прекрати вертеться, хатун! — пират, волочивший ее по направлению к каюте капитана, вовсе не блистал благородством. Вместо этого он звонко шлепнул ее по задку под одобрительный гогот команды.

— Мурад-реис, вот она, — двери открылись, и взору Айбиге предстала чисто убранная

каюта, освещенная лампами. Капитан сидел в кресле у низкого стола, где одиноко красовался кувшин и бокал, и держал на коленях открытую книгу. Рядом со столом стояла большая ширма, за которой явно кто-то был. Айбиге огляделась — здесь не так плохо, как в том «подземелье», где ее держали до этого. Чистая постель, чистая одежда — кстати, из ее сундука взятая, даже таз с водой и тряпка есть. С чего бы это? Кот решил напоследок позабавиться с мышью?

Увидев Айбиге, Мурад-реис тут же встал и подошел к ней.

— Мне сказали, ты убила Джамала-агу, не так ли? — вертя в руке один из кинжалов, проговорил пират.

— Я не знаю, кто это, — Айбиге не сводила с него сердитого взгляда, — но будь уверен: тебя я тоже убью, разбойник.

— Не сомневаюсь, хатун, — Мурад-реис будто нарочно растягивал слова. — Джамал был самым сильным из моей команды, никто не мог его победить. А смерть пришла к нему в облике какой-то тощей девицы.

— Не смей! — в глазах Айбиге загорелся огонь. — Я Айбиге-ханым, дочь Сахиба Гирея-хана, великого Падишаха Великой Орды и Великого Юрта, Кипчакской Степи, Крымского государства...**

— Ну и так далее, и так далее, — вяло протянул Мурад-реис, повернувшись к ней спиной. — Знаю, знаю, замолчи. Я слышал подобное тысячи раз, но... — за его спиной раздался звук: повернувшись, пират лишь увидел лежавшую на спине Айбиге. — Эй, друг, — он обратился к человеку, что был за ширмой, — посмотри, что с ней.

Черноволосый, с большим шрамом на правой щеке, незнакомец подошел к пленнице.

— Простите... простите, капитан, я не могу помочь. Тут нужен другой лекарь, — пятясь назад, он попытался уйти за ширму обратно, но Мурад-реис тут же схватил его за воротник.

— Послушай меня, Адиль-эфенди! — прорычал пират. — Или ты выполнишь приказ, или я продам ее на невольничьем рынке! Гарем султана Сулеймана, твоего папочки — кстати, о нем, о Сахибе Гирее: а что будет, если он узнает о письме? Почему на самом деле расторгли помолвку? Как насчет похода на Семендире? — казалось, еще чуть-чуть, и самому эфенди понадобится помощь — так злобно смотрел на него Мурад-реис. — Делай, что должен! — с трудом унимая гнев, он медленно разжал побелевшие пальцы, стискивавшие шею лекаря.

— Но Мурад-реис, это запрещено. Она не мужчина, а значит, я не имею никакого права ее лечить.

Некоторое время оба стояли не двигаясь, молча разглядывая лежавшую у их ног Айбиге. В воздухе повисла гробовая тишина. Немного поколебавшись, Мурад-реис кликнул одного из пиратов и потребовал привести к нему какую-нибудь из пленниц, томившихся в

трюме.

Вскоре в каюту вошла неопрятно одетая девушка, с растрепанными длинными косами. В медицине она понимала более чем достаточно — Мурад-реис понял это, когда его настойчиво попросили покинуть каюту. Отдав найденное скомканное письмо Адилью, капитан скрылся за дверями, выйдя на палубу. Сидя за ширмой, человек со шрамом лишь смотрел за тем, как пленница легко и быстро выполняла свою работу, и вместе с этим читал строчки, аккуратно выведенные на мятом листе. И наконец, спустя немного времени, Айбиге уже лежала на кровати, переодетая и умытая, с освобожденными от пут руками.

— Апчхи! — это подействовал резкий запах из флакончика, взятого у Адилья. Медленно ханым приходила в сознание. Странная женщина, какой-то страшный ага с разрубленной щекой... стоп! Это сон, видение, всего лишь ночной кошмар. Это никак не может быть правдой — в уродливом незнакомце угадывались черты лица родного брата. Адиль, дорогой и любимый братишка! Как, почему, зачем? Это невозможно! Да и куда он собрался со своей морской болезнью?

— А... Адиль? Это ты? — Айбиге отползла в угол кровати подальше от брата, — ты с ними заодно? Скажи, ты пришел убить меня?

— Сестра, я объясню тебе...

— Замолчи! Лучше бы ты умер, как нам сказали! Ты опозорил наш род, всю нашу семью! — ханым искала под рукой что-нибудь острое. — Как ты мог?

— Тебе ли говорить о позоре, сестра? — надвинув на лоб тюрбан, Адиль встал с пола и поспешил скрыться за ширмой. Да, он был прав, тысячу раз прав! Айбиге тоже виновата. Но — откуда он узнал, интересно?

Хлопнули двери — вошел Мурад-реис — его ханым еще немного помнила. Впрочем, как и того громкоголосого толстяка, что приглядывал за ней в трюме. С ним явился еще один пират и увел незнакомую девушку.

— Все в порядке, Адиль-эфенди? — прищутив один глаз, спросил Мурад-реис.

— Адиль-эфенди? — от этой новости Айбиге просто пришла в бешенство. — Он ханзаде, один из наследников Крымского престола! Не смей к нему так обращаться, слышишь?

— Вижу, что ответ не нужен, — не обращая внимания на выкрики Айбиге, тихо проговорил пират. И обратился к ханым: — Не ори, иначе я отправлю тебя к команде. Хочешь, чтоб все они по очереди трахнули тебя и выбросили за борт? — лишь поднятая вверх его рука остановила Адилья, явно намеревавшегося хорошенько врезать наглому капитану.

— Адиль-эфенди, тебе мало того, что я привел ее сюда?

Так вот по чьей просьбе Айбиге достались такие «шикарные» покои! Дорогой братик

попросил за нее у этого пирата. Ну и унижение! Да лучше сидеть в душном вонючем трюме под надзором этого жирного моряка, чем тут, но такой ценой. Не теряя времени, Айбиге встала с кровати и попыталась уйти, однако Мурад-реис немедленно схватил ее за плечи и усадил на подушку у стола, а двери каюты запер. По его приказу Адиль тут же принес и поставил на стол два полных блюда, еще один медный бокал и кувшин с пресной водой. Усевшись в кресло, Мурад-реис приступил к трапезе.

— Ешь, — коротко бросил он в сторону Айбиге. Та лишь еще сильнее нахмурилась.

— Это приказ.

— Я поем, — прозвучал ответ, — только если мой брат ко мне присоединится.

— Здесь я решаю, Айбиге-хатун, кому, что и когда делать. Адиль-эфенди будет есть позже. Тебе ясно? — серые глаза пирата сверкнули. — Ешь.

Неохотно Айбиге взяла с блюда какую-то булку и откусила большой кусок. Пища придавала силы, возвращала к жизни. Пусть, конечно, это и не такое вкусное кушанье, что готовили повара во дворце отца, но съесть можно было. Видно, то время, когда юная ханым убегала в лес ночевать с братьями под луной и есть то, что удавалось стащить с кухни, как-то сказывалось сейчас. Допив последний глоток воды, Айбиге заявила:

— Я хочу поговорить с братом.

— Говори, — отхлебнув из бокала, произнес Мурад-реис. — Иди, говори, он ждет.

Но Айбиге не двинулась с места — наоборот, все ее выражение лица, голос, показывали то, что под словом «поговорить» подразумевалось «наедине». Смерив ее взглядом и прищуриив глаза, Мурад-реис лишь проговорил:

— Еще раз, Айбиге-хатун — здесь я все решаю. Ты моя пленница, на моем корабле. Захочу — отправлю на корм рыбам, захочу — заставлю танцевать для меня в шторм. Не забывай это. А если не нравится — добро пожаловать обратно, в трюм. А что касается Адиль-эфенди — у него нет тайн, которые он скрыл бы от меня. Он обязан мне жизнью. Поэтому я всегда буду знать о любом вашем разговоре, будь то секреты или пустая болтовня.

Вот как? Теперь еще придется терпеть рядом общество этого мерзкого капитана? Ну уж нет. Встав с места, Айбиге решительно направилась к выходу из каюты и, отперев двери, выскочила наружу.

— Мурад-реис, так нельзя! — подал свой голос Адиль.

— Я знаю, друг, — проводив ее взглядом, тихо сказал пират. — Но должен признать, что ты не зря просил за нее.

Примечание к части

* - небольшая легкая узкая гребная лодка длиной 12—15 м

** - «Великой Орды и Великого Юрта, Кипчакской Степи, Крымского государства, несчетных татар и бесчисленных ногайцев, и горских бесчисленных черкесов великий Падишах» - титул крымского хана.

Глава, в которой Айбиге-ханым узнает, что было в письме

Начинало светать — над морем показались первые лучи солнца. Ночная гроза прекратилась, и теперь ветер совсем стих.

Выбежав из каюты, Айбиге застыла на месте, как вкопанная: на звук хлопнувших дверей разом обернулись все пираты и, увидев ее, тут же позабыли про свои дела. Огромный корабль, на палубе почти с два десятка здоровых рослых мужчин, которые могут сделать с пленницей что угодно, сзади — каюта с ненавистным капитаном. Почему, почему у людей нет крыльев? Держась за перила мостика, ханым посмотрела вверх, на множество канатов и огромные свернутые паруса, напоминавшие гигантских спящих птиц. Нет, тут даже никакие крылья не помогут.

— Эй, хатун! — окликнул Айбиге один из пиратов. Судя по сиплону голосу, это был тот негодяй, который позволил себе ее ударить. — Как тебе Мурад-реис, понравился? — он прислонился к мачте и послал воздушный поцелуй. По палубе тут же прокатился едкий смешок.

— Осторожнее, Тугрул-ага, — сморщил нос его приятель. — Кабы не пришлось тебе за Джамалом последовать. Помнишь, какой он был силач?

Вот, побаиваются. Это ощущение внутреннего превосходства слегка успокаивало и позволяло ощущать себя выше, главнее этой убогой шайки разбойников. Стоя на мостике, ханым чувствовала, как страх постепенно отступает.

— Послушай его, Тугрул-ага! — уверенно бросила Айбиге. — Твой убитый друг — далеко не последняя жертва, — и спустилась на палубу, подойдя к самой большой мачте. — Еще раз тронешь меня — отправишься вслед за ним, — она посмотрела пирату прямо в глаза.

А Мурад-реис, сидя в каюте, снова и снова перечитывал найденное на разграбленном корабле письмо. Конечно, разумеется, он слышал многое о таком великом и славном воине, как Малочогулу Бали-бей, но в написанное верил с большим трудом. Хотя, какое ему дело до этого вояки, до его чести и имени? Куда больше его интересовало то, что теперь, если это письмо действительно правдиво, то он вряд ли сможет продать Айбиге на невольничьем рынке. Да и Адиль все умолял оставить ее здесь. А что — если девчонка умеет обращаться с оружием, не пугается при виде крови, почему бы и нет? Только вот обморочная она какая-то, да и морская болезнь у нее явно чуетя. Но и у Адилья таковая была — сейчас достаточно принять настой, и все пройдет. И последнее, в чем Мурад-реис отказывался себе признаваться — какая-то тайна, странное, непонятное ощущение того, что он где-то уже видел Айбиге раньше.

От мыслей его отвлекли крики с палубы. Выйдя из каюты, капитан увидел, как вся его команда собралась в круг, шумя и толкаясь, а в центре круга находились Айбиге и один из пиратов, явно готовый напасть на нее. Бои? Как это возможно, почему все бросили работу и забавляются с женщиной? Да еще таким жутким способом. И... о, Аллах! Она ударила первой, не может быть! Все, это последняя капля.

— По местам! — громко проорал на всю палубу Мурад-реис, отчего пираты тут же разбежались кто куда: на реи, на корму, на нос — и занялись своей работой. — Не смей нарушать приказ! Кто вам дал такое право? — проходя по кораблю, он смотрел на них полными гнева глазами. — А ты, — едва сдерживая злобу, капитан оглядел Айбиге, — сегодня получишь заслуженное наказание. Шесть ударов плетью за то, что подняла руку на Тугрула-агу, слышишь? Не смей! — кричал Мурад-реис, сжимая ее шею. — Не смей поднимать руку ни на кого из них, ясно? Ясно?!

Айбиге молчала. Она чувствовала, что сейчас этот истерик просто задушит ее в припадке ярости. Внезапно откуда-то сверху раздался крик: «Земля!» — и ханым едва успела разглядеть забравшегося на самую вершину мачты человека. В тот же момент все смешалось — сперва пощечина, сбившая с ног, затем невесть откуда взявшийся Адиль, полутемный трюм, вонючие остатки рвоты на дощатом полу, какие-то слова... Когда же это закончится?

— С тобой что-то не так, сестра, — слышала Айбиге голос брата. — Ты никогда не была такой, — он сидел рядом, держа в руках кувшин и кусок хлеба.

— Какой еще такой, Адиль?

— Ты смеялась надо мной, шутила, веселилась. А сейчас я не узнаю тебя.

— Эти чувства взаимны, Адиль. Я тоже не узнаю тебя, — Айбиге взяла у него хлеб. — Что заставило тебя так поступить? — в ее глазах читались упрек и обида.

— После того, как ты отказалась плыть с нами в шторм, я все же уговорил Эмина взять каик и выйти в море. Что стало с нашим братом, я не знаю. Где он, как он, жив ли сейчас, — было заметно, что Адилю трудно вспоминать о прошедших событиях. — Волна накрыла нас, перевернула каик... И брата я больше не видел. Помню только, как пришел в себя на корабле, а потом познакомился с Мурадом-реисом. Да и какая сейчас уже разница? Вы все равно считали меня погибшим, почему ты спрашиваешь об этом?

— Адиль, — ханым поджала губы, — для меня ты умер только прошлой ночью. Все это время я верила, что все слухи о тебе — клевета и ложь. Ты пошел против семьи, опорочил наше имя — отец не хотел для тебя такой судьбы. А если ты...

— Айбиге, прекрати! — дрожащим голосом прервал ее брат. — Я знаю, что не хотел. Но и для тебя он тоже желал лучшего. Чтобы ты вышла замуж за хорошего знатного человека и родила детей. Так что не тебе судить меня, — в его голосе появилась строгость.

Эти слова все больше удивляли Айбиге. Не первый раз она слышала от Адиля о подобном и снова задавалась вопросом, как он узнал о ее грехе. Кто посмел рассказать? Ведь кроме Махидевран и Хюррем Султан, Малкочоглу и еще нескольких человек из дворца в Стамбуле больше никто не знал.

— О чем ты говоришь, Адиль?

— Этот Бали-бей, кто он? Почему в письме значится его имя?

Письмо, Бали-бей... Что еще за глупости? То, что сейчас рассказывал брат, сидя рядом на грязном полу трюма, сильно потрясло Айбиге. Оказывается, о ее тайне решили рассказать и Сахибу Гирею-хану. Кто-то очень ловко подделал тугру и печать султана Сулеймана и решил выставить все напоказ! Неужели сейчас, в этот самый миг, ханым следует благодарить Аллаха за то, что спас ее и ее семью от такого позора? Ведь если бы это попало в руки отца, то что бы случилось с ней, с Малкочоглу? Сложно представить. И ведь все это время верная служанка, в вещах которой и нашли письмо, молчала. В голове проносились мысли о той самой ночи, о расспросах во дворце, о доме, о том, что будет дальше. А Адиль? После стольких лет любимый брат снова рядом, но почему это совсем не радует, хотя они оба теперь связаны одной нитью? На них обоих пятно позора, и пусть даже если отец поверит им и примет в семью обратно, на страшном Суде все равно придется ответить перед Всевышним за содеянное. Нет, не так Айбиге представляла себе свою жизнь, совсем не так. Насилу заставив брата замолчать, она поднялась с места и пошла к лестнице, ведущей наверх.

— Стой, красавица! — толстяк с громким голосом схватил ее поперек туловища. — Куда, интересно узнать, ты собралась?

— Убери свои руки! — злобно отрезала Айбиге, не желая отвечать. Какая ему разница?

— Нет уж, сиди здесь. Ты забыла, что наказана? — и пират отшвырнул ее, словно котенка. Отлетев к борту, Айбиге упала на одного из пленников. Последним, что она услышала, был лишь крик Адиля: брат звал на помощь остальных. Тусклый луч солнца, суета, шум — все вокруг смешалось, и ханым потеряла сознание.

Глава, в которой сливается прошлое и несколько настоящих

1532 год, декабрь.

— Ты уверена, хатун?

— Это точно, эфенди. Моя дочь совсем недавно была точно такой же. Ей нужно поесть, совсем ослабла.

— Спасибо. Уведите ее.

Щелкнул замок, стихли шаги за дверью. Адиль, Мурад-реис, лампы, ширма — постепенно Айбиге начинала приходиться в себя. Судя по воцарившейся темноте, уже давно наступила ночь. А ведь еще несколько мгновений назад ярко светило утреннее солнце. В памяти все еще восстанавливались фрагменты последних событий — беседа в трюме, строгий осуждающий взгляд брата, толстый пират, удар, какое-то странное ощущение полета. Что все это значит? И почему так есть хочется и опять охота выпить целый кувшин прежде ненавистой мятной воды?

— Сестра, все в порядке, — Адиль взял ее за руку. — Ты жива.

— Что случилось, что это было? — ханым поспешила подняться и сесть, но ее будто приковало к постели. — Почему мне так плохо? — она посмотрела на Мурада-реиса и брата: те лишь молча обменялись мрачными взглядами. По их лицам становилось понятно, что что-то здесь не так. Или не совсем так.

— Адиль, — ее голос дрогнул, — не молчи.

— Айбиге, — брат замялся, потирая шрам на лице. — Я не знаю, как это сказать... ведь то, что ты сделала — страшный грех...

— Не томи, умоляю тебя!

— Ты в положении, сестра! — выпалил он и тут же отвел глаза. — Сейчас мы в порту, недалеко от Стамбула. Не беспокойся, Мурад-реис нашел лекаршу, и завтра тебя избавят от этого ребенка. Все будет хорошо.

Грех. Действительно, Адиль снова прав. Так вот почему появилась эта странная морская болезнь! Какой кошмар. Закрыв лицо руками, Айбиге отвернулась к стене и тихо заплакала. Но ничего — уже завтра все закончится.

Ночью снова снились сны: один образ сменял другой, третий и так далее. Айбиге видела себя маленькой, бегущей по глухому лесу далекой Казани, затем его сменил красивый дворец в Бахчисарае и крепость у моря, где они с братьями плавали на каике по морю, после — Стамбул, его пышный дворец, тетушка Хафса Султан, Хюррем Султан, длинные, порой бесконечные коридоры. Ханым шла по одному из них, ведущему к балкону, где

Малкочоглу впервые поцеловал ее. Последний поворот — и впереди открылась странная картина: на перилах балкона стоял маленький мальчик в длинном синем кафтане. Замерев на месте, Айбиге окликнула его, и в ту же секунду сильный порыв ветра сбил ее с ног. В голове вертелось только одно: не позволить ребенку упасть вниз. Но чем ближе Айбиге пыталась подойти, тем сильнее становился ветер, превращаясь почти в ураган. Неужели не получится? Осталось совсем немного, два шага. Ханым умоляла, просила мальчишку спрыгнуть обратно на балкон, но он будто не слышал ее, балансируя на краю пропасти. Еще один порыв ветра — и снова падение. Тут же все стихло, наступила ясная погода, засияло солнце. Поднявшись на ноги, Айбиге в ужасе подбежала к опустевшему балкону: внизу, на каменных плитах лежал истекавший кровью Малкочоглу. Нет, не может быть!

— Айбиге, — Адиль хлопал ворочавшуюся с боку на бок сестру по щекам, тряс за плечи, пытаясь разбудить. — Проснись же, очнись ото сна! — только он успел это произнести, как его прервал громкий крик ханым. Проснувшись, она не сдержалась и заплакала.

— Сон, это все сон, — пытался успокоить ее Адиль, глядя по спутавшимся волосам, стирая проступившие на лбу капельки пота. — Успокойся, все в порядке, я здесь.

— Адиль, — шмыгая носом, произнесла Айбиге, — передай Мураду-реису, чтобы он не приводил лекаршу. Я не желаю этого.

1537 год.

Большой корабль несся по морю, рассекая волны. Огромный венецианский неф, гроза Средиземноморья, одним своим видом заставлявший всех, кто попадался ему на пути, дрожать от страха. Сметавший на пути все препятствия, обгонявший ветер. Страшнее него могла быть только команда пиратов на его борту. Страх и хаос сеяли они в тех землях, где появлялись, забирая и увозя с собой людей, все драгоценности и сокровища.

На мостике стоял Мурад-реис, и вспоминал, вспоминал, вспоминал.

Десять долгих лет провел он в османском аду, пока, наконец, не сбежал в море с пиратами. Выполнил грязную работу, учился управляться с тяжелым веслом, лазал по мачте, подвязывая канаты, стойко переносил все трудности и испытания. Первый корабль, первая команда, первый набег на османское судно, первое убийство человека. Сколько времени прошло с тех пор! Теперь вместо простой галеры — целый неф, который Мурад вместе с командой угнал из порта близ Венеции. Сперва, конечно, многие ворчали, что это корабль неверных, что не нужно на нем плавать, но вскоре все недовольства исчезли. И сейчас капитан стоял на мостике, опираясь на перила, вглядываясь в горизонт.

Дверь каюты открылась — на пороге показалась Айбиге, закутанная в плащ. Мурад-реис повернулся к ней и притянул к себе, обняв за талию.

— Как тебе спалось? — спросил он.

— Лучше, чем вчера, — Айбиге уставилась на горизонт. Внизу на палубе снова команда — почти всех она знала по именам: Мете, Абдулла, Энгин, Махмуд... ах, да! Синан еще, этот толстяк, как оказалось, с отменным чувством юмора. Теперь это пиратское судно стало для нее чуть ли не домом, а те люди — братьями. Поначалу, разумеется, все ворчали, что женщина на корабле, да еще и с пузом — не к добру, но им пришлось привыкнуть. В тот день, когда Айбиге приняла решение оставить ребенка, изменилось многое.

А в это время по берегу Дуная мчался всадник с единственной миссией — доставить как можно скорее одно письмо в Семендире. Доехав до ворот крепости, он спешился и, увидев санджакбея в сопровождении нескольких людей, поклонился. Бей проехал мимо на своей лошади и вскоре исчез вдали вместе с охраной.

Зайдя в крепость, гонец осмотрелся. Кому отдать письмо — одному из этих вельмож или...

— Здравствуй, путник. Что привело тебя сюда? — за одним из столиков на главной площади города сидел человек. Ветер трепал его смоляные с проседью кудри, а ворот кафтана был запачкан чем-то липким.

— Письмо... — он замялся, — вот это письмо я должен передать Малкочоглу...

Договорить так и не удалось — новый знакомый вскочил из-за столика и быстро подошел к гостю.

— Я и есть Малкочоглу! Малкочоглу Ахмед-бей, если так требуется.

Особого впечатления адресат не произвел: скорее наоборот, он словно отталкивал от себя, казался похожим на одного из множества уличных пьяниц. Разве это письмо точно для него? Вряд ли. Гость мялся, думал, вспоминал, как поступать в данной ситуации, но на ум приходила только одна мысль: это тот самый бей, и получается, письмо нужно отдать ему. Не смея больше задерживаться, он вручил Ахмеду футляр с листом и поспешил скрыться. Затеряться среди людей и постараться убедить себя в том, что все сделано правильно.

— Эй, стой, эфенди, а как же выпить с братом санджакбея? Ну куда... — Ахмед попытался было его остановить, но не успел. Ничего не оставалось, кроме как вернуться в покои — пока он еще твердо стоит на ногах, лучше сделать это сейчас, а не повторять вчерашних ошибок, когда о его ночном возвращении мигом узнал весь дворец. После смерти любимой Симисшах Ахмеда было вовсе не узнать. Внешне он был все еще похож на привычного себя, но в душе стал совсем другим. Померк живой блеск в глазах, пропал интерес к охоте и другим занятиям. А о женитьбе бей и вовсе не желал думать. Похоже, только теперь он понял, что довелось испытать его брату. Только иногда он находил время, чтобы побыть с сыном — маленький Яхья появился на свет совсем недавно. И очень высокую цену пришлось заплатить ему — тяжелые роды унесли жизнь его матери, которую так любил Ахмед.

Выгнав всех слуг и захлопнув двери покоев, Малкочоглу улегся на кровать и распечатал письмо. С каждой прочитанной строчкой он удивлялся все больше. Бали-бей... дорогой и любимый. Так, что там дальше? Жива и думаю о тебе?.. Что за бред еще — очередная хатун решила притвориться его умершей женой и... хм, нет тут совсем не это. Тут еще интереснее — с каждой строчкой. Какие-то пираты, какой-то корабль... Нашему Эмину уже четыре года.

Четыре года?

Глядя на эту строку, Ахмед пытался прогнать от себя все дурные мысли. Либо какая-то из сопливых хатун, верящих в любовь, пытается так влюбить в себя его брата, либо... Нет, этого точно не может быть. Он же сам слышал от Бали про смерть этой крымчанки, прекрасно помнил, как тот грустил из-за нее. Невозможно, чтобы она вдруг ожила и поднялась со дна морского. Но каждая строчка уверяла в обратном — что никто и не умирал, и Айбиге-хатун осталась жива. Просто все потеряли надежду ее найти. А теперь она не просто жива, но еще и родила от Бали ребенка. Эх, вот вернется брат, надо будет устроить ему допрос.

Но что сейчас делать? Только что брат покинул Семендире, причем надолго. И у Ахмеда нет никакого права уезжать. Гонцы? Надо знать, куда Бали-бей отправился — а это он не сказал специально. Надеюсь, что таким способом сможет образумить своего младшего брата. И как назло — этот гость исчез, пропал. Он же точно мог знать, жива Айбиге хатун или нет. Ахмед ходил взад-вперед по комнате, пытаясь собраться с мыслями. Неожиданно его взгляд упал на поднос с вином. Ничего ведь не будет от одного глотка? А письмо надежно спрячем в одну шкатулку, рядом с красивыми серьгами, которые Симисшах так и не успела примерить.

Глава, в которой Айбиге-ханым встречает человека с золотой короной

1532 год, декабрь.

— Не смей! Даже думать об этом не смей! — крики Мурада-реиса эхом отдавались в голове Айбиге. — Тебе мало того, что я отменил наказание, глупая хатун? Мало?! Хочешь не только сама здесь остаться, но и своего выродка растить?

Ханым смотрела на него полными злобы и страха глазами — да что он вообще думает, как это он будет решать за нее, за дочь хана? Какой-то простой пират вдруг присудил себе особое право распоряжаться ее жизнью и судьбой ее нерожденного ребенка. Что за дерзость! Видел бы это отец... хотя нет, слава Аллаху, что он этого не видел и не увидит. А Адиль? Старший братец скромно молчал в стороне, потирая синеющую под глазом щеку. Он всегда был тюфяком и трусом. О, Всевышний, почему все вокруг так трусливы?

— Я тебе не какая-то хатун, Мурад-реис, — едко проговорила Айбиге сквозь зубы. — Не пытайся равнять меня с другими.

Даже сейчас она старалась держаться холодно. Но подобный тон — совсем не то, что ожидал услышать от нее пират. Занеся кулак, он наклонился, чтобы ударить непокорную ханым, и лишь рука Адилья остановила его. Вдруг с палубы послышались голоса, и брат с капитаном поспешили выйти из каюты, заперев за собой двери. Ничего не оставалось кроме как ждать завтрашнего утра и надеяться на то, что может произойти чудо, которое изменит все.

А в это время один из слуг, верных Хюррем Султан, закутанный с головы до пят в плащ, зашел в маленький дом на окраине города. Вскоре он снова появился на пороге и, закрыв за собой дверь, скрылся в одном из темных переулков.

Утро. Сегодня, в этот пасмурный непогожий зимний день должно все решиться. Мягкий свет проникал в маленькие окна каюты, Айбиге лежала на кровати, глядя перед собой невидящими глазами. За всю ночь она так и не уснула. Скоро, очень скоро придет брат, приведет ту вчерашнюю хатун и избавит любимую сестру от позора и греха. Но как же не хочется, чтобы это произошло!

Снаружи послышался топот ног. Айбиге стиснула руками край одеяла и зажмурила глаза. С палубы до нее доносились слова:

— Не могу знать, Мурад-реис. Она уже была мертва, когда я пришел.

— Кто-то успел раньше. Похоже, эта девка сама с нею расправилась, как и с Джамалом. Все предусмотрела, чтобы оставить ребенка.

Громкий грохот — похоже, что-то со всей силы уронили на пол. Бесятся, подумала Айбиге. Злятся. Все потому, что, судя по разговорам, лекарша по каким-то неизвестным

причинам внезапно умерла. Через мгновение в каюту вбежал запыхавшийся Адиль.

— Скажи, что это не ты! — он присел у кровати и вцепился пальцами в плечи сестры. — Скажи, что не убивала ту хатун, и я попрошу за тебя!

— Адиль! — ханым с трудом высвободилась из его объятий. — Что ты говоришь такое? Разве я могу убить? Я не причастна к этому, клянусь тебе!

— Это точно? Если ты лжешь, я ничего не смогу сделать, не смогу спасти, защитить. Айбиге, я все понимаю, ты была против решения Мурада-реиса. И именно поэтому они думают на тебя. Вся команда считает, что и от тебя надо избавиться.

— Брат, — ханым прекрасно понимала, что это не шутка, — я не скрываю, что хотела оставить ребенка. Но не таким ужасным способом — клянусь, что нет моей вины в том, что случилось с лекаршей, — в ее глазах мелькнула тень испуга.

Все. Теперь точно все. Даже если и удастся убедить Адиля, вряд ли остальные поверят ее словам.

— И мне поклянись, — за спиной брата раздался голос капитана.

— Клянусь своей покойной матерью, Мурад-реис, — Айбиге вскочила с кровати и кинулась в ноги пирату. Унизительно, ужасно, горько — но что поделать, когда на кон поставлена жизнь? — Я не имею к этому делу никакого отношения, — сдерживая подступавшие слезы, проговорила ханым и поцеловала край черного кафтана.

Что творится? Почему еще несколько дней назад ей кланялись и прислуживали, а теперь самой приходится падать ниц перед каким-то грязным пиратом? Действительно хорошо, что отец не видит этот позор.

— Это правда? — голос Мурада не дрогнул.

Не верит. И Адиль с ним заодно? Как еще убедить? Поднявшись на ноги, Айбиге метнула на пирата полный злости взгляд.

— Я знаю, что здесь никто не желает меня видеть, — сквозь зубы процедила она. — Так тому и быть: я уйду. Буду скитаться, голодать. Возможно, унижусь еще больше. Да, то, что я ношу ребенка, будучи свободной, заслуживает осуждения, и наказания мне на страшном Суде не избежать. Но говорить ложь и клеветать на себя никому не позволю! — в голосе снова прозвучала надменность.

Мурад-реис лишь вздохнул и попросил Адиля покинуть каюту — видно, его задели столь дерзкие слова Айбиге. После чего запер дверь и уселся около стола, где все еще лежало то письмо — предмет раздора.

— Тогда скажи мне, хатун, — он взял смятый лист и занес над горевшей свечой. — Значит, то, что тут написано, не клевета?

Айбиге промолчала. Хоть это и подделка, но все указанные сведения правдивы, начиная от тайной связи и заканчивая ночью на корабле. В глазах пирата поблескивал огонь свечи; казалось, что этот человек задумал что-то.

— Это правда. Хранитель покоев султана Сулеймана действительно испытывал чувства ко мне, и я отвечала ему взаимностью, — тут ханым потупила взгляд, — даже когда объявили о моей помолвке с шехзаде. Только к чему эти расспросы?

— Здесь я спрашиваю, Айбиге-хатун! — Мурад-реис снова повысил голос. — И не обязан отвечать тебе, уясни это. А теперь, — он подпалил в пламени свечи край листа, и вскоре все письмо обратилось в горсть пепла, лежавшую на серебряном подносе, — я расскажу тебе одну историю. Сядь и слушай.

Он говорил долго, не замечая, как за окном уже начинало смеркаться. Закатное солнце светило ярко — не то, что утром — проникая во все уголки каюты, отбрасывая блики на стенах и узорной ширме.

Когда-то давно у жены венгерского правителя Владислава была служанка — добрая, наивная девушка. Совсем еще юной прибыла она ко двору, не зная почти ничего о тамошних порядках. И о короле тем более — особенно о его желаниях. Потому, когда ей сообщили прийти в покои Его Величества, молодая служанка совсем не думала о том, что за этим последует ночь любви с монархом.

Она полюбила. Полюбила так сильно, как об этом писали в книгах, показывали в пьесах. Это было настоящее чувство. По крайней мере, так девушка впоследствии рассказывала своему маленькому сыну, рожденному после той ночи. Но королева узнала об этой связи и сослала служанку в провинцию, где та когда-то жила. А король Владислав не пошевелил и пальцем, чтобы изменить ситуацию — наоборот, он отрекся и от той любви, и от ребенка — красивого мальчика с рыжими волосами. Семь лет прожили несчастная мать с сыном в бедной деревушке, пока не пришла в их дом беда — османские воины явились в деревню и забрали всех мальчишек в свое государство. Забрали и рыжеволосого сына короля и дали ему новую веру и новое имя.

— И как его называли? — было видно, что рассказ капитана очень увлек Айбиге. Вместо того чтобы ответить, пират снял свой тюрбан. Яркий солнечный луч осветил рыжие волосы, и Айбиге застыла на месте: на мгновение ей показалось, что на голове капитана она увидела красивую золотую корону. Снова вспомнилось предсказание казанской ведуньи — так вот он, тот самый человек, царский сын! Не шехзаде Мустафа, как Айбиге думала раньше, не кто-то другой, а этот пират! От удивления ханым поежилась и несколько раз моргнула.

— Мурад, — эхом разнесся по каюте голос капитана. — Его называли Мурад.

Он рассказывал еще долго, но Айбиге уже было все равно. Встреча с этим человеком была предначертана Аллахом. А значит, что бы кто ни говорил, она останется здесь, на корабле, и ее ребенок будет жить.

Примечание к части

Надеюсь, что этот король простит меня за то, что я решилась приписать ему незаконного сына от служанки.

Лирическое отступление

1533 год, январь.

Сидя в своих покоях, во дворце Топ-Капы, Хюррем Султан внимательно слушала все, что ей рассказывал Гюль-ага. Лекарша, жившая неподалеку от Стамбула, видела на пиратском корабле некую хатун, одетую по-мужски. По всем приметам это была Айбиге. Видно, пираты напали на ее судно и захватили в плен.

— Но зачем им понадобилось звать лекаршу? — недоумевая, спросила султанша.

Гюль молчал. Он пытался увильнуть от прямого ответа, как всегда это делал, произнося общие фразы. Что еще собрался скрыть этот вестник бед? Хюррем Султан всем своим видом показывала, что готова сама сейчас же перебить их всех, но подозрительное молчание аги ее еще более раздражало.

Вместо разговоров евнух лишь достал из рукава сложенный в несколько раз листок и передал его Хюррем. После чего с ее дозволения покинул покои. Сев на кровать, султанша развернула письмо. Бегло читая каждую строку, она улыбалась — Айбиге оказалась жива. Однако вопреки общей радости, известие омрачал указанный в письме факт, что ханым теперь в положении, причем достаточно давно, судя по словам той лекарши. Не может быть! Эти пираты еще и надругались над несчастной? Но мало этого — ведь теперь, как рассчитывала Хюррем Султан, предоставить этот мятый листок доказательством того, что племянница валиде Хафсы жива, никак нельзя. Ни в коем случае валиде не позволит очернять свою любимую Айбиге, клеветать на нее — особенно, когда сама до сих пор носит траур по погибшей бедняжке.

Но что же тогда получается? Хюррем снова и снова вдумчиво перечитывала письмо, надеясь найти в нем ответы на все вопросы. Лекарша, ребенок, Айбиге — все это было слишком странным скоплением неясных фактов и слов. Дождавшись утра, султанша под предлогом сопровождения своей дочери на конную прогулку покинула покои и отправилась к тому, кто мог развеять все туманы ее сомнений.

— Скажи мне, Рустем-ага, ты точно уверен, что это Айбиге-хатун? — поправив платок, спросила Хюррем Султан. Сейчас важно было не упустить ни малейшей детали. И хорошо, что не пришлось долго ждать — без Бали-бея маленькая Михримах провела на прогулке совсем мало времени и быстро вернулась во дворец вместе с прислугой.

— Безусловно, госпожа, — ага склонил голову. — Я хорошо помню Айбиге-хатун, ведь мне доводилось несколько раз седлать лошадь для нее. И поверьте, я не спутал бы ее ни с кем. Госпожа, верьте моему слову, — он пытался быть как можно более убедительным. — Я видел ее на корабле своими глазами — это точно она. Айбиге-хатун жива.

— А что насчет лекарши скажешь? — султанша хитро приподняла бровь. Кто знает, к кому именно ее позвали: надо удостовериться, что все действительно так, как указано в письме.

— Я говорил с ней. Хатун сказала, что идет лечить больную жену реиса, но я заподозрил

ее, — Рустем-ага говорил, не поднимая головы. — Все потому, что она не собрала с собой никаких снадобий и отваров, а взяла какие-то инструменты. Я решил поинтересоваться, чем же больна несчастная жена этого реиса. Хатун все рассказала, и в ее словах я узнал, кого она покрывает. Это Айбиге. Ее должны были лишить ребенка, которого она носила уже много недель.

Значит, это правда. Все — от первого до последнего слова. Отдав конюху Рустему большой кошель с золотом, Хюррем Султан побрела вглубь дворцового сада, размышляя над услышанным. Все это довольно странно — шехзаде Мустафа так и не женился на Айбиге, и первой ночи у них не было. Получается, что все-таки это мог быть кто-то из тех пиратов? Какой ужас. Бедная девочка, сколько ей пришлось пережить, наверно.

Вернувшись в покои, султанша приказала подать ей перо и бумагу — все же, несмотря ни на что, она посчитала верным сообщить Малкочоглу о том, что Айбиге не погибла. Только о последнем факте из письма все же пришлось умолчать. Иначе вряд ли теперь он смог бы так же любить дочь хана, как любил прежде. Хотя кто знает — возможно, этот факт еще будет как-то полезен. Ночью гонец покинул Топ-Капы и отправился в сторону Семендире. Кто знает, сколько посланий от Хюррем Султан он туда отвез — ни на одно из них так и не пришел ответ.

А спустя четыре года Бали-бей приехал в Стамбул.

Глава, в которой Айбиге-ханым скучает по дому, едва не погибает, а Эмин получает дорогой подарок

Шли дни. Постепенно Айбиге привыкала к жизни на корабле. Один порт сменял другой, вдали то и дело виднелись новые и новые горизонты, порой знакомые, порой нет. Мурад-реис принял ее решение, однако взамен стал поручать разного рода работу: заботу о пленных, помощь корабельному повару и другие несложные дела. Ночевала она в трюме, вместе с пленниками, к которым успевала привязываться за время их нахождения на корабле.

Однажды утром Айбиге проснулась под звуки какой-то мелодии — казалось, она уже слышала это ранее. Поднявшись на палубу, ханым едва не упала, удержавшись за перила: перед глазами простирался до боли знакомый херсонский порт. Тот самый, рядом с которым она давным-давно плавала с братьями на маленьком каике. И сейчас Айбиге смотрела на милые сердцу края, но только с палубы огромного нефа. Около двери одного из домов сидел человек и играл на дуде старинную татарскую песню.

— Скучаешь? — от голоса Адила она вздрогнула: брат подошел неожиданно. Ханым посмотрела на него глазами, полными слез. Хоть и сделано в жизни немало плохого, но каково теперь чувствовать и знать, что твои родные давно считают тебя умершей? Что на этой земле тебя никто не ждет? Как там отец, братья, что сейчас происходит в их ханстве? Столько вопросов — и ни на один нет ответа.

— Адиль, я никогда не думала, что моя жизнь будет такой. Что я не смогу многое себе простить, и что отец теперь никогда не сможет мной гордиться, — Айбиге вздохнула и уставилась на порт.

— Это пройдет. Ты все забудешь, поверь, — брат постарался сказать это как можно более мягко.

Ханым хотела было возразить, но не успела: появившийся рядом Мурад-реис попросил ее проследовать за ним.

— Если ты живешь здесь, на моем корабле, как сестра моего лучшего друга, то не думаю, что мне следует и дальше позволять тебе ночевать с рабами, — заявил он и открыл двери у лестницы, ведущей на мостик. Перед глазами предстала уютная маленькая каюта, освещенная всего одной лампой. Кровать, столик, рядом большая подушка и кресло. Конечно, за дверями часто шумят и порой дерутся, но это лучше, чем совсем ничего.

Оставив изумленную Айбиге на пороге, Мурад-реис поднялся по лестнице и скрылся за дверью своей каюты.

— Что, красавица? — услышался зычный голос Синана-аги, высунувшего голову из трюма. — Никак понравилась ты нашему капитану, а? Ну, не куксись, посмотри, какой он тебе подарок сделал! — и тут же пират снова исчез в трюме, громко хлопнув кованой решеткой люка. Вокруг послышались тихие усмешки.

— Неправда! А даже если и так — мне все равно! — резко ответила ханым и поспешила в свои новые покои.

Пусть говорят, что хотят. В ее сердце навсегда только Малкочоглу, ее любимый и единственный. А этот истеричный реис может ни на что не рассчитывать. Ничего между ними никогда не будет и не может быть, сколько подарков бы он ни преподнес. И своему ребенку она ни за что не позволит назвать его отцом — от этой мысли даже передернуло. Только Бали-бей, больше никто! Пусть не надеется даже.

Под вечер, выйдя из каюты, Айбиге решительным шагом направилась к трюму: скоро предстояло кормить пленных, и это была ее обязанность.

— Синан-ага! — крикнула она, наклонившись к решетке. — Помоги мне спуститься!

— Угу, красавица, — пробасил тот. — Прыгай сюда, я тебя поймаю! — и, улыбаясь, встал на одно колено, вытянув руки перед собой. Айбиге нахмурилась: такой ответ был явно не тем, что она хотела услышать. Но это же простой пират. Как жаль, что Адиль сейчас занят — вечно он прячется там, за ширмой, почти не показываясь на людях.

Подождав, пока толстяк сдвинет решетку, ханым подобрала полы кафтана и осторожно спустилась вниз. Любимая одежда уже немного теснила в поясе, но пока что это можно было терпеть. По трюму разносился запах свежесваренного бульона — конечно, он не шел ни в какое сравнение с ароматами кухни родного дворца, но ведь это была еда для рабов. Раздав всю еду, Айбиге взяла последнюю булку и устроилась на полу, держа на коленях миску с ложкой, наполненную бульоном. Синан уже успел оттащить пустую бочку на место и теперь сидел на ступенях лестницы, уплетая за обе щеки ужин.

— Можешь сходить к Энгину-аге, у него сегодня есть немного мятной воды, — проговорил он с набитым ртом. — Он очень старался.

Айбиге промолчала. С чего это вдруг Энгин, корабельный повар, вдруг решил о ней позаботиться? Бред какой-то. Откусив еще кусок булки, ханым уставилась на маленькое окно, за которым виднелось море. Сначала своя каюта, теперь еще мятную воду приготовили — что все это значит? Для чего, зачем?

Наконец, справившись с едой, Айбиге отнесла пустую миску и устроилась на своей подстилке у стены трюма. Считая себя частью команды, души этого огромного корабля, она находила несправедливым тот факт, что ей почему-то вдруг полагалась отдельная каюта. Даже несмотря на то, что ранее просторные штаны Адила теперь стали слегка тесными. Это, как полагала ханым, не являлось каким-то смягчающим обстоятельством. А вот у Синана-аги одна кисть без пальцев — как же ему теперь совершать намаз с такой рукой? Как стрелять из лука? Вот настоящая беда. А то, что случилось с нею, с Айбиге — по сравнению с таким делом просто суший пустяк, который совсем не стоит собственной каюты и кувшина мятной воды.

Внезапно решетка люка со скрипом сдвинулась, и внутрь тихо, стараясь не шуметь, спустился Адиль. Глазами он искал сестру и был явно чем-то обеспокоен.

— Адиль, что-то случилось? — сонно проговорила ханым.

— Айбиге, — полупшепотом сказал он. — Почему ты не у себя?

Не у себя?

— Мое место здесь, среди этих людей, — она быстро стряхнула с себя сон. — Живи сам в той каморке, если захочешь.

— Но Мурад-реис сказал...

— Адиль! Передай ему, что я никуда не пойду, ни в какую каюту. У команды нет отдельных спален. Так что это слишком дорогой подарок.

Насилу выпроводив брата, Айбиге отвернулась на другой бок и попыталась снова заснуть.

— Зря, красавица, — со стороны раздался голос Синана-аги. — Если бы на твоём месте была другая, наш капитан сам трахнул бы её и потом выбросил за борт. А ты, — он закашлялся, — ты необычная, другая что ли. Ты первая, кто решился идти против его воли. Надо было видеть его лицо, когда ты врезала Тугрулу при всех.

— Я не желаю ничего об этом слушать, Синан-ага, — ханым явно злили его слова. — Все это полная ерунда. И пусть зарубит на носу, что меня не купить никакими подарками.

Шло время. Айбиге не замечала — нарочно или на самом деле — как смотрел на неё Мурад-реис, как, завидев её, он тут же откладывал все дела и сосредотачивал все внимание на ней, наблюдая с мостика, как она ходит по палубе, как пытается спуститься в трюм. Но зато это видела вся команда, и пиратам оставалось лишь гадать, что такого нашёл Мурад-реис в этой пузатой хатун. Что вообще его в ней привлекло, кроме милого личика.

Однажды ночью Айбиге как обычно шла по палубе к трюму, неся еду для пленных. Дул слабый ветер, несшие вахту матросы едва держались, чтобы не уснуть. Внезапно из темноты кто-то ухватил за руку и поволок на корму. Уронив всю еду на пол, Айбиге с трудом попыталась дотянуться до спрятанного в сапоге ножа, однако пират оказался проворнее и сам вытащил и отбросил в сторону этот бесполезный предмет. Морозящий дождь, противная тряпка, которой мерзкий разбойник заткнул ей рот, треск рвущейся ткани, прикосновения огрубевших рук, хриплое дыхание нетерпеливого пирата, жаждавшего получить свое — все смешалось воедино и острой болью отдалось внизу живота. Слезы катились по щекам, пальцы сжались в кулаки, колотя спину моряка, царапая его лицо. Он получал свое, наслаждаясь каждым мгновением её страданий, и даже большой живот не мешал ему брать её, словно шлюху из таверны, запуская свои пальцы под её рваное платье, тиская её белоснежную грудь, дрожавшую от всхлипов и безмолвных криков. Навалившись всем телом на Айбиге, пират прижимал её к деревянному борту так сильно, что с каждым новым толчком норовил его проломить. Боль, сильная боль, стыд, страх, хриплый шепот "моя, моя принцесса" и — неожиданная развязка: брызги крови с шеи негодяя, знакомое лицо с кинжалом в руке, всплеск за бортом. Мурад-реис. Не помня себя, Айбиге прижалась к нему, дрожа, словно воробушек.

А он гладил ее по голове, по мокрым волосам и пытался успокоить. Всю ночь он просидел у ее кровати в маленькой каюте, оберегая ее сон. А утром обнаружил себя уснувшим в кресле — рядом мирно спала Айбиге, сжимая его ладонь и переплетая пальцы.

Она носила чужого ребенка — от любимого человека, — но чем больше времени проводила здесь, тем больше чувствовала, что Малкочоглу в тот раз был прав: возможно, настанут те времена, когда ее сердце будет биться для другого. Постепенно, после этого страшного случая Мурад-реис занимал место в ее жизни, хоть и не такое значительное, как Бали-бей, о котором ханым всегда помнила. Он учил ее метать ножи, показывал, как вязать узлы, подавал руку, чтобы помочь подняться на палубу, оберегал от нападков со стороны команды — он был рядом. Хотя никто его и не просил, даже сама Айбиге. В разговорах с Адилем она, сама того не замечая, часто говорила о капитане, спрашивала о его жизни, о том, как он стал пиратом. А брат лишь посмеивался — пару мгновений спустя явится сюда Мурад-реис и начнет изливать свою душу, истосковавшуюся по Айбиге. А ему ничего не оставалось, кроме как слушать их обоих.

Айбиге помнила, как осталась на корабле впервые наедине с Мурадом. Помнила, как он рассказывал ей о себе, о своей семье, как солнечный луч упал на корабль, и на момент показалось, что на голове капитана золотая корона, как тут же всплыли в памяти слова провидицы о царском сыне и ребенке. Остался в памяти и их первый поцелуй — там, опять в его каюте, у одного из окошек. Как он нежно касался ее лица своими теплыми губами, как гладил ее живот, ощущая, как шевелится в нем малыш — последний раз так ласково ее гладила покойная мама, когда Айбиге долго и тяжело болела.

А через месяц на свет появился Эмин. Красивый ребенок, с такими же прищуренными глазенками, как и у его отца. Теперь Айбиге уже жила в своей каюте — ради сына пришлось принять столь дорогой подарок.

В один из дней, переодеваясь в чистое, ханым заметила, как вдруг что-то маленькое из ее одежды упало на пол со звоном. То ли монетка с повязки, то ли просто какое-то украшение. Эмин спал крепко, но все равно, стараясь не шуметь, она тихонько подняла с пола ту вещь. Сережка! Та самая, одна из двух. Вторую Айбиге отдала Малкочоглу в их ночь, на корабле, как символ памяти. Замочек, удерживавший украшение на повязке, сломался, и теперь на ладони лежал лишь переливающийся диск с отверстием у края. Немного подумав, ханым достала из своих вещей кулон, подаренный ей матерью, и сняла его с цепочки, поменяв на сережку. Настало ее время — сейчас этот маленький подарок она вручит Эмину. И когда-нибудь отец и сын обязательно найдут друг друга.

Глава, в которой проходит четыре года, а Айбиге-ханым понимает, что все еще любит Малкочоглу

*Ты принадлежишь мне, я сделал тебя своей,
и ни в одной сказке нет женщины, за которую сражались бы дольше и отчаяннее,
чем я сражался за тебя с самим собой.
(Ф. Кафка)*

1537 год, февраль.

Сегодня малышу исполнилось ровно четыре года. Рожденный на корабле, в крайне суровых условиях, Эмин быстро завоевал симпатии окружающих. Будучи весьма спокойным ночью, днем он часто собирал вокруг себя компанию из двоих-троих человек, которые рассказывали друг другу о своей жизни пусть и в тысячный раз и, глядя на шурящегося на солнце мальчишку, вспоминали, как же сейчас живут их близкие и родные люди, если те еще живы до сих пор. В каждом из портов Мурад-реис приказывал набрать побольше овощей, фруктов, пресной воды, запасов провизии, чтобы было и повкуснее, и хватало на долгое время.

Спустя долгие четыре года его корабль снова вернулся в воды Средиземного моря. За все это время Айбиге успела своими глазами увидеть известные порты Европы, познакомилась с таким известным человеком, как сам Хайреддин Барбаросса, уже ставший к тому времени капудан-пашой Османской империи, научилась сражаться на мечах и превосходно стрелять из лука. Она знала практически все о корабле. Как вязать узлы, в какую сторону развернуться, чтобы ветер наполнил паруса, как определять путь по звездам и многое другое. И Эмин старался не уступать матери в этом, старательно запоминая все то, что ей рассказывали более опытные моряки, и не упуская ни единого момента, чтобы наподдать своей деревянной саблей кому-нибудь из команды. За это несчастные пираты тихо ругали Синана-агу, который и сделал для мальчишки ту вещь, а сам надежно укрывался от его нападков в трюме и только посмеивался над остальными.

Однажды ночью Айбиге, накинув плащ, вышла на палубу подышать воздухом. В этом маленьком порту, омываемом волнами Адриатического моря, им оставалось пробыть всего одну ночь. Сейчас, после починки корабля, предстояло хорошо запастись едой для отплытия в Стамбул.

Снова Стамбул. Что-то подсказывало, что путь туда не принесет радости, как и в тот раз, когда ханым оставила в Крыму всю свою семью и отправилась к тетушке. С тех пор она так и не увиделась с братьями — лишь раз довелось ей встретиться с отцом, посетившим султанский дворец. А теперь она опять плывет туда. Что на этот раз, какую еще частичку души там оставит?

На глаза наворачивались слезы — то ли от грусти, то ли от ветра. Появившийся рядом Адиль попытался было утешить сестру, но зря. Отправив его куда подальше, ханым вытерла рукавом лицо и уставилась на порт. Вдруг она почувствовала, как кто-то дергает ее за полы плаща — это Эмин подбежал, держа в руке свою деревянную саблю.

Сквозь расстегнутый воротник нижней рубахи на шее сына виднелась цепочка с тем самым «самодельным» кулоном из сережки. Айбиге взяла мальчика на руки и прижала к себе.

Малкочоглу — снова и снова она вспоминала о нем. Все еще хранила любовь к нему в своем сердце, не желая забывать. Каждый раз, глядя на Эмина, расчесывая его темные кудри, Айбиге думала о Бали-бее, о том, как и где он живет, хранит ли до сих пор ее дар или нет, женился ли, а может...

Эта мысль пронзила ее, словно молния. Столько лет прошло, а о сыне Бали-бею Айбиге так и не сообщила! Ну, конечно, раньше было никак нельзя — все же корабль Мурада-реиса находился слишком далеко, и велика была вероятность, что письмо не дойдет. Айбиге убежала в каюту, а затем, наказав Адилю следить за сыном, сошла на берег, неся в руке футляр с письмом и кошель с монетами. Нанять гонца не составило особого труда. Один шустрый малый из Боснии согласился почти за бесценок. А вот с объяснениями насчет адресата вышло посложнее: наемник так торопился в путь, что плохо смог уяснить, кому нужно отдать послание — как ни кричала ханым ему вслед «Малкочоглу Бали-бей!», топот копыт лошади заглушил почти все слова.

Едва поднявшись на корабль и войдя в свою каюту, Айбиге обнаружила там Мурада-реиса, сидевшего на ее кровати. Рядом крепко спал Эмин, положив свою кудрявую головку ему на колени. Осторожно, чтобы не разбудить ребенка, капитан встал и вышел из каюты, пригласив Айбиге проследовать за ним наверх, в его покои, и оставив Адиля присматривать за малышом. Едва захлопнулись двери, глаза Мурада-реиса потемнели от злости.

— Что ты творишь, как смеешь покидать корабль, не сообщив? — он снова сорвался.

— Мурад, молю тебя, успокойся. Я не сделала ничего дурного, — Айбиге уже привыкла к его постоянным крикам. — Ничего, за что ты мог бы... — договорить не получилось — с громким звоном посуда со стола полетела на пол. Неужели ему сообщили? Но об этом не знал никто, даже любимый братец.

— Я всего лишь отправила письмо в Крым, — ханым старалась выглядеть как можно более спокойной, но это только наоборот злило Мурада-реиса еще больше.

— Ложь! Ни в какой Крым ты писем не писала! — казалось, что еще немного — и злобный капитан просто убьет ее на месте. — Это для него, верно? Для отца Эмина?

— Хватит, Мурад! Прекрати, как ты мог такое подумать? — сейчас самым главным было убедить его.

— Не вздумай лгать мне, — капитан с трудом сдерживал очередной порыв гнева, — Ты все еще его любишь, думаешь о нем.

— Но я здесь, с тобой.

Глупый пират! Как же она устала от его постоянной ревности, от неприятных

комплиментов, которыми он постоянно «одаривал» крошку-Эмина. Даже сейчас умудрился выпытать, кому Айбиге отправила письмо. Или же так славно притворился, что знает об этом. Хорошо, пусть будет по его желанию! Если он хочет, то пусть получит ее. Прямо здесь и сейчас — может, тогда поймет, что есть в ее словах правда. Избавившись от плаща и пояса, Айбиге торопливо расстегивала мелкие пуговики на кафтане. В один миг Мурад-реис приблизился к ней и схватил за руку.

— Айбиге, — сжимая хрупкое запястье, глухим голосом проговорил он, — не играй со мной.

— Позволь мне остаться, Мурад, — ханым старалась не терять самообладания. — На еще одну нашу ночь, — осторожно она коснулась ладонью его щеки, отчего капитан прикрыл глаза.

Как ни крути, а четыре года, проведенные рядом с этим человеком, наложили отпечаток на жизнь Айбиге. Мурад-реис привлекал ее по-своему: своим характером, неиссякаемой энергией, умением руководить теми, кто был старше него. И ханым понимала, что от себя не убежать — к этому человеку у нее тоже были чувства, пусть и не такие, как к Балибею. И втайне от себя она боялась потерять и его тоже.

Мурад-реис ничего не ответил — лишь резким движением стянул вниз с Айбиге уже не нужный кафтан. Крепкие руки скользнули вдоль тонкой талии, поцелуй — сначала жадный, а затем более нежный. Ханым отвечала на его ласки, притягивая Мурада к себе за воротник, расстегивая одежду, все больше распаляя желание. Сейчас они принадлежали только друг другу.

Сняв с себя кафтан и рубаху, он с силой толкнул Айбиге на кровать. Лаская и целуя так, как не делал ни с одной женщиной до этого, Мурад прижимался к ней всем телом, разрывая тонкую ткань гемлека, наслаждаясь каждым моментом их близости. Потому что любил по-настоящему только ее, Айбиге-ханым, только она заняла все место в его сердце. Все красотки, с которыми он когда-то развлекался, — будь то пленные девушки или барышни из борделей у портов — никогда не запоминались ему так, как она. На каждое следующее утро капитан уже забывал, как выглядела та или иная девушка, с которой он проводил очередную ночь, и потому даже не интересовался, кто она и как ее звали.

Лежа на спине, полностью обнаженная, Айбиге не сводила с него глаз, чувствуя его внутри себя, прижимая ближе и ближе с каждым движением, зарываясь руками в его огненно-рыжие волосы. Мурад гладил ее упругие бедра, лаская и исследуя каждую клеточку ее тела, задерживаясь именно в тех местах, где ей больше всего этого хотелось, — сейчас Айбиге принадлежала только ему и никому более. Покрывая поцелуями нежную шею и плечи, срывая с нежных губ стоны удовольствия, он позволял ей полностью расслабиться, забыться, раствориться. Представить, что никого в ее жизни никогда не было, кроме его одного.

— Айбиге, — тихо произнес капитан, в последний раз крепко сжав ее ладонь. Тяжело дыша, он лег рядом, зарывшись лицом в ее длинные темные волосы, разметавшиеся по подушкам.

Они уснули почти одновременно — но даже во сне Мурад-реис крепко прижимал Айбиге к себе. То ли от страха потерять ее, то ли от съедавшего его душу чувства ревности. Ведь когда-то эта хатун принадлежала другому.

Тут в дверь постучали: Тугрул-ага пришел сообщить, что все готово к отплытию. Быстро одевшись, капитан вышел на мостик и скомандовал покинуть порт, после чего вернулся в каюту. Тусклый луч луны освещал спящую Айбиге — она лежала на кровати, почти не прикрывшись одеялом, рядом валялась разбросанная одежда. Мурад-реис присел у изголовья, молча любуясь ее лицом, манящими изгибами тела, тонкими руками. Он хотел ее. Всю. Засыпал и просыпался, думая только о ней. О том, как было бы им хорошо вместе — только им двоим.

Внезапно его взгляд упал на лежавшее на полу длинное мягкое перо — похоже, оно упало вместе с чернильницей со стола, когда Айбиге сняла свой плащ. Тихо, стараясь не разбудить, Мурад-реис подобрал перо с пола и повертел в руках. Осторожно, едва касаясь, он провел опахалом пера по щеке Айбиге, спускаясь к шее. Ханым лишь вздохнула и положила лежавшую на животе руку на подушки. На лице Мурада-реиса появлялась хитрая улыбка: сейчас он был главным, сам решал, что и как будет делать, лаская и ублажая свою госпожу, умело проводя кончиком опахала по ее вздымавшейся груди, животу, бедрам. Заставляя ее саму повернуться так, как он того требовал. Осторожно сдвинув в сторону одеяло, Мурад легко провел пером еще раз по животу Айбиге, наблюдая, как она сама сжимает и ласкает свою грудь и тем самым пытается показать, что готова уже принять его. Но вместо этого он лишь осторожно дотронулся пером до внутренней стороны ее бедер, спускаясь все ниже, и, наконец, отбросил ненужное перо в сторону и коснулся пальцами руки ее самого сокровенного — сначала нежно, а затем все более игриво, ласками доводя ханым до исступления. Мурад не сводил взгляда с возлюбленной, наблюдая за тем, как она с каждым движением подавалась бедрами ему навстречу, желая и требуя его, — лишь чуть прикрыл глаза, стараясь побороть себя. Последний пик — и он почувствовал, как становятся влажными его пальцы, касавшиеся ее плоти; осторожно Мурад-реис укрыл Айбиге и провел ладонью по ее спутанным волосам.

— Малкочоглу... — едва переведя дыхание, произнесла ханым, улыбаясь во сне.

Шайтан ее побери, она все еще о нем думает! Даже в порыве страсти зовет его. А этот мальчишка остался тут, как память о той прошлой жизни! С трудом уняв порыв гнева, Мурад-реис вышел из каюты.

Лежа на кровати, Айбиге видела удивительный, но в то же время странный сон. Она снова находилась в комнате хранителя покоев — любимого Бали-бея, облаченная лишь в тонкий красный гемлек. И вдруг сюда явился человек в синем камзоле, лицо которого при этом было не видно. Он подошел ближе к Айбиге и стал ласкать ее, постепенно снимая гемлек. Поэтому ей так и не хотелось просыпаться. Наоборот, ханым пыталась убедить себя в том, что это Бали-бей сейчас рядом с ней, а не Мурад-реис. Оттого и не удержалась, потому и сорвалось с ее уст заветное «Малкочоглу», так разозлившее капитана.

Он ничего так и не сказал Айбиге: ни сейчас, ни спустя время. Пусть верит в свою

прежнюю любовь, со временем и это пройдет. А если нет, то Мурад-реис сделает все для того, чтобы она полюбила его так же сильно, как и он ее.

А много позже, дождливой ноябрьской ночью, в богатом доме Мурада-реиса в Стамбуле, на свет появился Мехмед — маленький крошка с рыжими, как у отца, волосами. И только тогда пират понял и почувствовал, что теперь они с Айбиге, может быть, ненадолго стали семьей.

Лирическое отступление

1539 год, ноябрь.

Вот уже более года Малкочоглу находился в Стамбуле. Все вокруг напоминало о прошлой жизни, о встречах и расставаниях. О том, что он так старательно стремился забыть, скрыть в глубине памяти подальше от всех. Время сильно изменило его — спрашивая о других, Бали-бей почти ничего не говорил о себе, снова замкнулся, стал мрачным и грустным. Но все также посещал то заведение, где некогда его могла развлечь Эленика-хатун. Только сейчас ее уже было там не найти: по словам одних она получила свободу и вышла замуж за некоего господина, остальные утверждали, что тот господин просто перекупил ее для своей таверны. Правды не знал никто.

Вот и сейчас Бали-бей уже снова поднимался на этаж в сопровождении очередной девицы, чтобы попытаться забыться в ее объятиях. Если бы можно было стереть память и начать жизнь заново. Пусть даже и с этой хатун — у него хватит денег ее выкупить.

Вот и еще одна ночь. Еще одна девица, чьи объятия так манят, чьи поцелуи сводят с ума. Уже привычно, но все еще осторожно, Малкочоглу встал с кровати и начал одеваться, чтобы вернуться во дворец затемно. Дремавшая хатун недовольно вздохнула и протянула к бею свою руку.

— Вы еще придете сюда, эфенди?

— Не знаю, — Бали-бей был теперь не слишком многословен. — Посмотрим.

Он уже почти собрался и оставалось совсем немного, как вдруг что-то сорвалось с внутренней стороны широкого пояса, который Малкочоглу только еще начал надевать, — и укатилось в угол комнаты. Тут же бросив пояс, бей быстро направился к тому месту, где и осталась эта вещица.

— Эх, эфенди, кто же так носит обереги? — укутавшись в свою легкую одежду, хатун присела рядом на полу, держа в руке свечу. — Я могу помочь достать, если Вы пожелаете.

После долгой возни с половицей и последующим расковыриванием ее кинжалом, заветный «оберег» лежал на ладони хозяина.

— Красивая сережка. Невеста подарила, эфенди? — девица была не в меру любопытна.

Оставив ее вопрос без ответа, Малкочоглу скрылся за дверью комнаты. Видно, сам Аллах хотел, чтобы он всегда помнил о прошлом. И каждый раз напоминал об этом бею, если тот вдруг сбивался со своего пути.

Утро. Пасмурное ноябрьское утро. Ветер гонял по земле опавшую с деревьев сухую листву и качал верхушки деревьев. В такую холодную погоду редко кто осмелился бы

выйти из дворца на свежий воздух прогуляться — только если по делу, которое было чрезвычайно важным.

Так сообщил Рустем в своем письме для Хюррем Султан. Сейчас он ждал ее в мраморном павильоне, чтобы поделиться сведениями. В свои годы он успел достаточно высоко подняться и занять пост куббе-визиря, что, конечно, породило немало слухов и сплетен при дворе. Верно исполняя приказы султанши, Рустем-паша не обращал внимания на разговоры. Он всегда знал, что пока сам Повелитель благосклонен к своей жене, каждый из болтунов может говорить что угодно: все равно никто не поверит.

А пока паша стоял за ширмой у окна, потирая перстень на пальце. Совсем недавно он ходил на рынок, чтобы заказать ювелиру украшение для своей будущей невесты — Михримах Султан. Да, после долгих и безуспешных попыток он сумел добиться и того, что дочь самого султана Сулеймана, которую простой ага полюбил всем сердцем, вскоре станет его женой. Пусть против воли, но Рустем был терпелив. Он знал, что всегда есть время подождать. Ведь он безропотно дожидался решения Повелителя столько лет.

Однако то, что произошло в порту, недалеко от лавки ювелира, заставило отложить дела на время и вспомнить о событии четырехлетней давности.

Щелкнул замок — за ширмой показался силуэт Хюррем. Вынырнув из размышлений, паша поправил тюрбан и сложил руки на поясе.

— Рустем-паша, что за срочное дело заставило тебя назначить встречу в столь ранний час? — судя по тону, султанша была не слишком рада.

— Госпожа, поверьте, я не стал бы беспокоить Вас без повода, — в голосе паши чувствовалось некое спокойствие. — То, что я скажу сейчас, очень важно.

Хюррем Султан постаралась выслушать, не перебивая. Но чем больше говорил Рустем, тем больше вопросов ей хотелось задать. Уж слишком издали он подошел к раскрытию сути дела.

— Как Вы уже знаете, наш Повелитель меня назначил куббе-визирем. И вчера, по поручению Лютфи-паши, я отправился на инспекцию судоверфи столицы. Не знаю, помните ли Вы, госпожа, еще об Айбиге-хатун, но...

— О чем ты, Рустем-паша? — султанша явно занервничала. — Как я могла о ней забыть? Говори.

— Я снова видел тот корабль. Но теперь уже, как визирь и советник, познакомился с реисом, которому он принадлежит, пришел в его дом и был радушно принят. Там, — тут паша перешел на шепот, будто опасаясь, что их разговор услышат даже стены, — я видел ее.

Айбиге. Живая и здоровая. Да еще и с двумя детьми. Внимательно слушая рассказ Рустема, Хюррем Султан лихорадочно пыталась сообразить, что же ей делать теперь. Ведь, судя по словам верного друга, ханым уже давно обрела счастье в объятиях другого и никакой Малкочоглу ей не нужен. Но видя то и дело его грустное и мрачное лицо,

украдкой наблюдая, как он прячет в ладонь ту самую сережку, султанша понимала, что Бали-бей все еще помнил свою Айбиге. Хотя сейчас он и пытается всячески ее забыть, вычеркнуть из жизни. Этого не скрыть.

— Слушай меня, Рустем-паша, — после долгого молчания произнесла Хюррем. — Я желаю видеть Айбиге вместе с детьми в своем вакуфе сегодня вечером.

— Как прикажете, госпожа, — он склонил голову. — Я передам Ваши слова, — и, проводив взглядом Хюррем, снова уставился в окно.

А султанша теперь точно знала, что на Рустема-пашу она всегда сможет рассчитывать. Что он до конца своей жизни будет предан ей и исполнит любой приказ. И станет прекрасным мужем для ее дочери.

Сегодня в вакуфе никого не было. Обычно, в этот вечер здесь не проводились ужины и благотворительные мероприятия, потому Хюррем Султан и выбрала именно это время. Завтра сюда придет много людей, и всем нужно будет уделять внимание. Особенно дочери — завтра ведь ужин в честь ее помолвки с Рустемом-пашой.

Скрипнула входная дверь — на пороге показалась хатун, одетая в красивое платье и узорчатый кафтан. Длинные темные волосы были заплетены в несколько тонких кос и красиво забраны в прическу, почти укрытую тонким платком. На руках она держала рыжеволосого кудрявого мальчишку, со съехавшим набок тюрбаном и расстегнутой верхней пуговицей кафтана. Второй же ребенок — черноглазый, с какими-то смутно знакомыми чертами лица и копной густых черных, как смоль, кудрей — был явно постарше и стоял рядом. На шее его виднелся какой-то амулет. Эта новая Айбиге-хатун была совсем не похожа на ту, что знала когда-то Хюррем Султан. Исчез, померк живой огонь в глазах, пропала улыбка, некогда так украшавшая светлый лик юной дочери хана. Некогда белая, как молоко, кожа рук выглядела не слишком ухоженно и приобрела смуглый оттенок, а на обветренном лице можно было заметить первые, чуть видные, морщинки.

— Айбиге, — султанша протянула руки навстречу старой знакомой, заключив ее в свои объятия, — я верила до последнего. И мое сердце не обмануло меня: ты здесь, ты жива.

— Хюррем Султан, — по щекам ханым скатились две слезы, — я тоже рада снова Вас видеть. Со мной мои дети: Эмин и Мехмед, — она поправила тюрбан на головке у младшего сына.

— Но как ты смогла выжить? Что произошло? — султанше просто не терпелось все узнать поскорее.

И следующие несколько часов Айбиге подробно рассказывала ей о том, что произошло той ночью на корабле, когда она уплывала последний раз из Стамбула, и что было потом. Опустила она лишь одну деталь — письмо. Не хотелось упасть еще ниже и в глазах Хюррем Султан.

— Я не поверила ни единому слову слуг, Айбиге, когда сообщили о твоей смерти. И во что бы то ни стало, решила найти тебя, — Хюррем жестом подозвала слугу и приказала ему принести еще блюд. Держа на коленях Мехмеда, она рассматривала краем глаза Эмина, игравшего с местной кошкой, стараясь не упустить ни малейшего его движения. — Рустем-паша выполнил мой приказ, и я тут же написала о тебе Бали-бею.

При упоминании о нем, Айбиге почувствовала себя не на своем месте. Из вежливых соображений она постаралась выслушать полностью рассказ Хюррем Султан, однако поняла, что лучше будет поскорее уйти, пока старая рана не начала кровоточить. Прощаясь с Эмином, султанша взяла его на руки и пообещала подарить кошку, с которой он сегодня играл. Однако кое-что привлекло ее внимание, а именно — маленький кулон на шее ребенка. Не подавая виду, Хюррем Султан приказала слугам проводить гостей, а сама поспешила во дворец.

Примечание к части

Простите, что так долго не было продолжения. Реал.

Глава в которой тайное снова становится явным

*1539 год, февраль.
Семендире.*

— Не догонишь! Не догонишь! — по улице разносился звонкий детский крик. Мальчишка, лет пяти-шести, бежал вдоль забора парка, сжимая что-то в кулаке. За ним неслись другой, только получше одетый. — Яхья не догонит меня!

Еще несколько мгновений назад Малкочоглу Яхья, пробравшись в покои отца, показывал другу странное письмо, которое нашел в одной из шкатулок, а теперь уже мчался за ним по парку, потирая ушибленный затылок. Кто знал, что этот сын Касыма-эфенди окажется воришкой?

В ход шли угрозы и попытки вразумить приятеля, но тот лишь увеличивал расстояние с каждым разом. В нарядной одежде бегать крайне неудобно.

Что ж, подумал Яхья, подбирая с земли камешек. Это последний шанс вернуть письмо. Меткий бросок — что-то, а в этом у сына Ахмед-бея не было соперников — в своем столь юном возрасте он уже научился отлично попадать камнем в задуманную цель. И сейчас оставалось лишь подойти к упавшему и забрать у него украденное.

— Я все расскажу отцу, — еще раз пригрозил он, стукнув мальчишку по голове. — Убирайся отсюда и больше не смей тут появляться.

— Да что он сделает-то? — захохотал обидчик. — Джем-эфенди сказал, что твой отец совсем не знает, как управлять санджаком!

— Убирайся немедленно, — грозно проговорил Яхья и топнул ногой.

Забрав письмо, маленький Малкочоглу поспешил в дом. Отец — что с ним стало, как сейчас не хватает его поддержки, его плеча. Как рано пришлось повзрослеть. И дядя уехал по долгу службы. Душу грела лишь мысль о том, что где-то далеко-далеко есть таинственный некто Эмин. Тот самый, что из письма. Иногда Яхье казалось, что он и действительно существует. Только очень занят, поэтому не может приехать. Каждый раз перед сном маленький Малкочоглу молился Аллаху о том, чтобы они с Эмином поскорее встретились. Хотя бы на один день.

Отъезд брата совсем не пошел на пользу Ахмеду. Он лишь сильнее замкнулся в себе, и его совсем не волновал факт того, что Яхья теперь остался в этом мире почти совсем один. Присутствие сына лишь напоминало о боли и горечи утраты. Еще меньше Ахмеда интересовало управление санджаком. Он давно перестал принимать в этом активное участие, будто со смертью жены похоронил и себя заживо. Вот и сейчас он лишь в очередной раз сидел в одних из покоев дворца в Семендире и смотрел в окно потускневшими глазами.

Хлопнула дверь — наверно, ага принес еще вина. Нет, это пришел Яхья. Непоседливый ребенок. Глядя на него, Ахмед вспоминал брата — такой маленький, а уже умеет

принимать решения и дерется саблей, как взрослый, пусть она пока и деревянная. И сейчас в его голосе слышится что-то знакомое от Бали. Так он когда-то до отъезда тоже пытался вразумить Ахмеда, направить на верный путь.

Не получив желаемого ответа на свои вопросы, Яхья покинул покои. Отец совсем не хотел его слышать, и у мальчика оставался единственный шанс вразумить его — отыскать своего учителя письма и написать в столицу Повелителю письмо с просьбой найти дядю Бали и вернуть его в Семендире. Пусть он наведет тут порядок, раз отец так обессилел.

1539 год, ноябрь.

Стамбул.

— Рисуй сейчас же! — Сюмбюль-ага чуть не выронил перо от очередного крика своей рыжеволосой госпожи. — Если ты не соврал и прекрасно запомнил этот амулет, то получишь щедрое вознаграждение.

И что султаншам только в голову ни придет, подумал Сюмбюль, и, вжав голову в плечи, попытался снова представить, что там, в полутьме догорающих свечей ночной таверны, блестело в руке Малкочоглу. И зачем, зачем он только сказал, заикнулся об этой вещице, болтая с одной из служанок? Ведь во дворце и у стен есть уши. А особенно от Хюррем Султан ничего не утаишь: после того, как гаремом стала управлять она, многое изменилось. Уехали шехзаде Мустафа и его мать, умерла валиде Хафса, не стало и Дайе-хатун. Ветер переменился — теперь Хюррем Султан требовала, чтобы все сведения — вплоть до любимого блюда и напитка — о жителях дворца, пашах, визирях ей непременно докладывали. Она хотела знать все до мельчайших подробностей. И видимо, кто-то счел нужным сообщить то, что у Малкочоглу есть некий амулет якобы от темных сил.

Круглая серьга, без каких-то вычурных камней и украшений и причуд, какие так любят султанши и каких никогда не видать простым девушкам из ташлыка. Склонившись над листком, ага старательно вырисовывал все дужки и точки, какие смог запомнить.

— Это он и есть? — Хюррем Султан приподняла бровь, глядя на рисунок. — Молодец, Сюмбюль, ты заслужил награду, — кошель с золотом тут же оказался в руках аги. — А теперь оставь это мне и ступай. Благодарю тебя.

Картинка медленно начинала складываться. Никакой это не амулет от темных сил, а подарок Айбиге-хатун. И Хюррем Султан прекрасно знала, у кого сейчас находится второй такой же.

А в это время Бали-бей, покинув покои Повелителя, шел по одному из коридоров дворца, сжимая до боли в пальцах футляр с письмом. Уйти, поскорее уйти, уехать отсюда подальше куда-нибудь, где не найдут его никакие воспоминания о прошлом. Только что султан Сулейман распорядился о его отъезде в Семендире, где, по его мнению, дела идут из рук вон плохо. Что же, остается только попрощаться с друзьями и на следующий

день уже покинуть столицу.

— Знаешь, Насух-эфенди, — Малкочоглу отставил в сторону недопитый бокал, — я порой думаю, что давно уже умер.

— Да что ты говоришь, бей? Много ль ты знаешь о смерти, — мрачно отозвался друг. Шедшая мимо танцовщица хотела было усесться к нему на колени, но Насух жестом показал, что не желает этого. — Ты потерял свою невесту, но жизнь на этом не должна кончаться.

— Знаю, знаю, — кивнул он, — да только что с того? Когда я потерял дорогую мою Армин, Айбиге-хатун вернула меня к жизни вновь. Но и ее Всевышний забрал. Не позволил даже проститься с нею.

— Видно, нам с тобою, бей, не везет в любви, — усмехнулся Насух, стерев остатки еды с усов.

Малкочоглу что-то слышал о его некой Садыке, в которую друг был влюблен до беспамятства. А она оказалась подосланной венгерской шпионкой и лишь пользовалась его чувствами, когда это было выгодно. И о свадьбе с гаремной калфой тоже слышал — вспомнив сейчас эти истории, бею показалось, что не так уж и плохи дела, как ему кажется.

Вдруг в таверну вбежали двое мальчишек — дети одного реиса, они тут частенько бывали, когда корабль их отца стоял в порту. Рыжий, еще совсем маленький, не слушая старшего брата, носился мимо столиков, оглашая все заведение громким смехом и что-то пряча в маленьком кулачке. Черноволосый — тот, что постарше — пытался догнать и уговорить братца, всячески уговаривая прекратить эти шалости и вернуть какой-то амулет. Усмехнувшись, Бали-бей, наконец, дождался удобного момента, схватил рыжего шалуна поперек туловища и ловко усадил к себе на колени. Тут же к нему подбежал брат и отобрал зажатый в кулачке амулет, отчего малыш разразился громким плачем.

— Что случилось, эфенди? — у столика тут же появилась одна из танцовщиц. — Дайте мне ребенка, — она обратилась к Малкочоглу, — я знаю, как с ними обращаются. Уже через минуту маленький рыжий непоседа уплетал лукум, сидя на коленях у танцовщицы. Насух и тот второй мальчик с интересом разрисовывали лист пергамента. А Бали-бей все наблюдал за ним: черные, как смоль, кудри, карие глаза, озорная улыбка — все это напоминало ему в юнце что-то знакомое. Раньше он этого не замечал, а теперь удалось рассмотреть. Внезапно в дверях таверны показался тот самый реис — отец мальчишек — с сопровождением, и решительно двинулся к столику.

— Что я сказал тебе, Эмин? Ты обязан был смотреть за младшим братом, а не устраивать игры на улице! — не церемонясь, пират схватил ребенка за руку и сильно ударил по спине.

— Я не виноват, отец, — вцепившись в подол черного кафтана реиса, заговорил Эмин. — Это Мехмед, он украл мой амулет и сбежал. Обещаю впредь быть внимательнее, и такое более не повторится.

По его виду было понятно — дома ждало суровое наказание. Мурад-реис — а это он и был — не отличался добрым характером и сдержанностью. В порту ходили слухи о его жестокости. И теперь Малкочоглу и Насух в этом убедились.

— Конечно, сын, не повторится. Мехмед больше не заберет у тебя этот амулет, — наклонившись к ребенку, пират сдернул с его шеи подвеску и, ехидно ухмыльнувшись, бросил танцовщице. — Носи на здоровье. Подарок от Мурада-реиса, — после чего, забрав рыжеволосого Мехмеда и Эмина, поторопился к выходу.

Еще долго посетители не могли прийти в себя. Если раньше эти детишки забегали сюда ненадолго и так же быстро исчезали, то сейчас все было по-другому: сам реис заявился сюда. И хорошо, что его дружки погром тут не устроили. И как его сам султан Сулейман терпит — наверно потому, что его корабли всегда привозят в империю много товара.

Первой подала голос танцовщица:

— Красивая подвеска! Вам нравится, эфенди? — она примеряла ее и на шею, и на руку.
— А, по-моему, я ее уже видела где-то.

Повернувшись, Бали-бей сперва хотел высказать обычный комплимент, но затем, приглядевшись, сильно изменился в лице.

— Насух-эфенди, скажи мне, — удивленно произнес он, разжав, наконец, ладонь, на которой лежала точно такая же серьга, — ты веришь в чудеса?

— О чем ты, бей? — тот чуть не подавился, отхлебнув из бокала. — Чудеса, да еще и с нами? Вряд ли такое возможно.

— Вот и я так думал. Дай, — Малкочоглу выхватил из рук их собеседницы подвеску и положил на ладонь рядом с серьгой. — Смотри, Насух-эфенди. Если это две одинаковые сережки, то чудо только что произошло.

— Да, они одинаковые, — усмехнулся Насух. — И что? Или... стой, а это тебе не Айбиге-хатун подарила? Не может быть, бей! Ты что, всерьез думаешь, что она жива?

Шепнув танцовщице уйти из-за столика, Малкочоглу все же решился рассказать другу то, что так долго скрывал. Все, что связывало их с Айбиге, теперь стало явным. В последнем лишь он сомневался — жива ли она до сих пор. Этот вспыльчивый пират мог давно ее убить. Да и если жива, то вряд ли после стольких лет она до сих пор все еще его помнит.

— То есть... этот Эмин не сын реиса? — слова Бали-бея все больше удивляли Насуха. — Теперь мне ясно, почему он с ним так обращается. Да и непохожи они совсем. А второй — вылитый он. Но чего ты хочешь, бей? Если та хатун и жива, то реис, как и положено, уже давно на ней женился. Он не отдаст тебе ее.

— Я заберу Эмина, — твердо сказал Малкочоглу. — Все же он мой сын и должен жить с отцом.

Примечание к части

Простите, что не писала так долго. Реал и неписец съели меня.

И немного не по теме получилось - отец и сын уже нашли друг друга. Но просьба не переживать - я попробую правдоподобно суметь в заявку.)))

а пока читаем.

Глава, в которой Айбиге-ханым размышляет о своей новой жизни, не ожидая, что вскоре все снова изменится

За несколько лет, проведенные в Стамбуле, Айбиге уже привыкла к своему теперешнему положению и новому статусу. И теперь, когда Мурад узнал тайком от Хайреддина-паши, что во дворце все, включая кузена-султана, считают ее погибшей, решила для себя, что лучше ничего не менять, передав через Мурада послание для паши ни под каким предлогом не говорить никому о том, кто она.

Под всяческими предложениями Айбиге старалась как можно реже появляться при гостях: среди них могли быть султан Сулейман, шехзаде, Малкочоглу — при одной только мысли о нем ханым вспоминала их встречи на балконе, тайные свидания в саду. Вот недавно приходил какой-то паша — кажется, его звали Рустем — она точно не запомнила. Ну, тут уже пришлось выйти и показаться. За ужином паша пялился на нее, расспрашивал, откуда взялась такая красавица, и ничего не оставалось, кроме как скрыть свое настоящее имя. И он Айбиге сразу не понравился — что-то отталкивающее было в его внешности и манере общения, да и Мурад-реис с трудом сдерживался, чтобы не побить гостя за то, что так откровенно смотрел на Айбиге.

А потом внезапно Хюррем Султан вдруг пожелала ее видеть, да еще и заявила, что до последнего не верила в весть о смерти. Как они узнали о ней? Ведь Хайреддин-паша, по словам Мурада, умел держать данное обещание. Что-то здесь явно было не так.

А что же Мурад-реис? За эти годы его любовь к Айбиге лишь стала сильнее. Он не позволял себе теперь повышать на нее голос, не злился в ее присутствии и исполнял любое ее желание. Разумеется, как и положено, он женился на Айбиге, но тайно, без пышных торжеств, чтобы не привлекать внимания к имени своей супруги, которое он тщательно скрывал от всех, кто бывал в его доме. И Адиль, как брат, дал свое согласие на этот брак и был полностью согласен с Мурадом: незачем кому-то знать о том, что Айбиге жива. Да и гораздо лучше было бы ей остаться здесь, в этом доме, где не было нужды ни в чем и можно спокойно жить и растить детей. Ведь много времени прошло с тех пор — умерли их отец и все братья, дражайшая тетушка, остался только ее сын султан. В далеком Крыму шли войны за престол, а после скандального отъезда из Стамбула возвращаться в Топ-Капы к кузену совсем не хотелось. Кто знает, что та Махидевран Султан наговорила всем во дворце о чести ханым. Может, очернила или вообще прокляла.

Подросток Эмин стремился во всем помогать реису, был любимцем всей команды, однако отеческая любовь целиком и полностью доставалась Мехмеду. А Эмин довольствовался лишь тем, что Мурад-реис позволял ему иногда поучиться у него различным боевым приемам. В остальное время он, как слуга, присматривал за братом, которому дозволялось практически все — вплоть до убегания из дома. Ведь вину можно было повесить на старшего за недосмотр.

Это раздражало день ото дня. Особенно тот факт, что малыш Мехмед рос таким же упрямым и истериком, как и его отец. Все, что было у Эмина, он тут же требовал себе.

Так и вчера — заметив у брата подаренный матерью амулет, тут же улучил момент, сорвал заветную вещицу и поспешил убежать. А что Мурад? Это все Эмин виноват, по его словам. Как и всегда. Потому что он старше, а значит, должен был быть умнее и не устраивать игру в догонялки по улицам Стамбула. В итоге Эмин и вовсе явился домой без амулета. Видите ли, отец решил так.

Отец. Когда-то Айбиге решила для себя, что не позволит Эмину так обращаться к Мураду. Однако время шло, и сейчас она приняла и это. А еще одна частичка памяти о Малкочоглу теперь утеряна для Айбиге навсегда. И все из-за Мурада. Почему он так добр и нежен с нею и Мехмедом и так груб с Эмином? Зачем вообще делить детей на любимых и нелюбимых?

Утро выдалось пасмурным. Айбиге проснулась довольно рано и вышла на балкон, закутавшись в теплую накидку, подышать свежим воздухом. Она уже привыкла к этому дому, к тому, что Мурад теперь не брал ее с собой в плавание после рождения Мехмеда, и посвятила себя детям. Деньги, что платила реису империя, позволяли покупать для них лучшую одежду, а также нанять для Эмина хороших учителей грамоты. Также Мурад отнесся положительно к тому, что ханым решила все же нанять учителя и для себя — овладеть саблей было давней мечтой Айбиге, и теперь это стало реальностью. Иногда она даже позволяла себе упражняться вместе с Эмином.

Размышления прервал стук в дверь — тут же в покои вошел реис.

— Моя Айбиге, Повелитель сегодня вызывает меня к себе. Возможно, я сегодня задержусь во дворце, — его крепкие руки скользнули вдоль тонкой талии, прижимая ханым к себе.

— Постарайся вернуться пораньше, — тихо сказала Айбиге, пряча голову на груди мужа.
— Сегодня вечером праздник в честь Эмина, а завтра отплытие.

— Я сделаю, что смогу. Ступай внутрь, становится прохладно, — сдержанно проговорил реис, и, едва коснувшись губами ее лба, поспешил уйти.

Холоден, как сегодняшнее утро. И что, интересно, за дело такое, из-за которого сам Повелитель пожелал видеть ее мужа? И главное — неужели он не придет на сегодняшний праздник? Ведь Эмин не виноват в том, что он не родной сын. Это не повод игнорировать его и лишать отцовского внимания.

Специально в честь праздника ханым решила отказаться от привычной одежды и облачилась в дорогой наряд. Похожее она могла себе позволить, только будучи невестой шехзаде. Даже в тех редких случаях присутствия на приемах гостей в доме она была довольно скромно одета. А сейчас сияла, словно драгоценный алмаз.

Завтра Мурад уплывает в далекие воды Адриатики. И только Всевышнему известно, вернется ли он или нет.

А в это время султан Сулейман принимал у себя своего верноподданного. Только сегодня он решил, что пора бы щедро наградить Мурада за то, что он сделал для империи, как всего одна весть изменила положение дел.

— Скажи мне, Мурад-реис, — султан сидел на своем троне, — я управляю этой империей столько лет и ничего не знаю о ее жителях. О тебе и твоей семье, к примеру, — он огладил чуть поседевшую бороду.

— Уверяю Вас, мне нечего скрывать, Повелитель, — склонив голову, отвечал реис. — Я обычный человек, у меня есть семья и дети. И мы живем в доме, который Вы же мне пожаловали.

— Ты женат, — голос султана был все так же спокоен, — тогда объясни мне, почему я слышу от других людей о том, что ты бьешь своего ребенка, которому нет и десяти лет еще? — в гневе он вскочил с трона, — как ты оправдаешь эти слова?! Как объяснишь этот неразумный проступок?

— Простите, Повелитель, но все это ложь. Кто-то пытается очернить мое имя, — понимая, что виновен, Мурад цеплялся за последнюю соломинку. — Я довольно успешно веду дела и приношу большую прибыль, так что имею очень много завистников.

— И кто же они? Матракчи? Или, может быть, Малкочоглу? — при одном только упоминании его Мурад сжал пальцы в кулаки так, что костяшки побелели. — Говори немедленно, кто клеветает на тебя!

Зря, ох зря он разозлился тогда в той таверне — видно, кто-то решил, что в его жизни и так уже много счастья. Оставалось только лишь сдерживать гнев, кипевший внутри. Ничего. Этот коронованный гордец не знает, что стало с драгоценной его кузиной-крымчанкой, и где она сейчас.

Тут в дверь постучали — доложить, что любимая Хюррем пожаловала со срочной просьбой поговорить наедине. Жестом указав Мураду подождать снаружи, султан пригласил жену. Быстро выйдя, реис прислонился к холодному мрамору стены, обдумывая сказанные ему слова, и тут явно услышал имя своей супруги из покоев Повелителя.

— Айбиге-хатун? Что ты говоришь такое, Хюррем?

— Она жива, я это точно знаю, — в голосе султанши ощущалась уверенность. — Я совсем недавно видела ее живой и здоровой.

Вот оно что! Но ведь это было невозможно: никто не мог знать об Айбиге, тем более Хюррем Султан — она ведь еще ни разу не появлялась в их доме. Вся тайна, которую Мурад так тщательно скрывал, всплыла наружу, как пузырь воздуха в толще воды. Ведь имени его жены не знал никто, даже везде совавший свой нос Рустем-паша. Внезапно послышались шаги — двери с шумом распахнулись, и реис едва успел отскочить. Бежать отсюда, бежать, пока не поздно, слыша за спиной крики султана и бостанджи — вот что он должен делать. Пропадите пропадом служба империи, верность повелителю, долг и

честь — он пират, жестокий и хладнокровный убийца. И теперь у него всего один господин — море, его стихия, его страсть. И одна госпожа — его любимая жена, сокровище, которое он будет беречь и защищать любой ценой. А сейчас нужно как можно скорее увезти Айбиге из Стамбула, пока есть еще время. Мурад-реис давно уже понял, что скорее умрет, чем потеряет ее.

Примечание к части

В общем, я решила, что свадьбе быть. Просьба не расстраиваться, корабли и встреча с Малкочоглу еще впереди. Возможно, будет снова временной скачок.

Глава, в которой Айбиге-ханым теряет последнюю надежду

— Госпожа, мы не можем найти Эмина, — выстроившись в ряд и опустив глаза, отвечали слуги.

Что за неумехи, подумала Айбиге. Постоянно упускают его из вида — такое уже далеко не впервые. Делать нечего: переодевшись в привычную одежду и закрепив на поясе пару ножей, она наказала одной из служанок сидеть с Мехмедом, а сама вышла в город в сопровождении слуги. Всегда так — стоит нарядиться в платье, побыть красивой и помечтать, как тут же случится что-то, и приходится опять становиться привычной самой собой. Вот в прошлый раз Мурад вернулся из плавания пораньше, и только Айбиге собралась сделать ему приятное — надеть, наконец, свое самое красивое платье и украшения — как тут же пришла весть из дворца о приказе реису срочно явиться на прием к Повелителю. Оказалось, сам Барбаросса замолвил за него доброе слово перед султаном, и тот решил вознаградить своего верного слугу. А вчера дети устроили игры в городе — хорошо, что Мурад был дома и сам ушел на поиски.

Осторожно ханым вышла на улицу. Туго сплетенную косу она спрятала под кафтан, а голову сверху укрыла куском плотной ткани, оставив только глаза.

А между тем Эмин шел по направлению к той таверне, где вчера Мурад-реис оставил его без дорогого амулета. Может быть, думал он, удастся хотя бы женщину отыскать, ту самую, что забрала подвеску, или спросить, куда она могла пойти.

— Эмин-бей, я полагаю? — окликнул его высокий человек, с густыми черными усами, в сером кафтане. Тот, что сумел вчера поймать непоседу Мехмеда.

— Эмин-реис, — насупив брови, мальчишка покосился на него. Он сын капитана Мурада, грозы морей, а не какой-то бей, который только и делает, что торчит в своем дворце и вообще не выходит в море. — Здравствуйте, эфенди. Простите, я помешал Вам и Вашему другу. Обещаю, что...

— Не переживай, малыш, — незнакомец присел перед ним на корточки. — Ты не помешал совсем. — И мой тебе совет: не носи это на шее, а лучше спрячь где-нибудь, — на протянутой большой ладони лежала та самая подвеска, которую у Эмина отобрал реис.

Пожалуй, это самый ценный подарок на сегодняшний день. По крайней мере, так решил Эмин, пряча в кармане заветную вещицу.

— Спасибо, эфенди! — на детском лице сияла озорная улыбка. — Простите, я должен идти, — миг став серьезным, он поправил съехавший набок тюрбан.

Станный какой-то, этот эфенди, подумалось Эмину. Знает имя, да еще амулет нашел, хоть его и не просил никто. Откуда он такой взялся? И появился тут, будто ждал

заранее.

— Ступай. Но если понадобится помощь, ты всегда сможешь найти меня.

— А как я это сделаю?

— Твой амулет тебе поможет, Эмин-реис. А если нет, то запомни всего одно слово.

— Какое?

— Се-мен-ди-ре, — по слогам медленно произнес незнакомец. — А теперь повтори.

— Семендире, — шепотом сказал Эмин. — А что это?

— Скоро узнаешь, юный реис, — он загадочно и хитро улыбнулся. — Но только никому не рассказывай, что видел меня, ясно? — и тоже перешел на шепот. — Это только наша с тобой тайна.

— Хорошо, я никому-никому не скажу. Обещаю, — мальчишка послушно закивал головой в знак согласия. — А теперь я пойду, — Эмин еще раз сунул руку в карман, и, убедившись, что драгоценная подвеска там, зашагал в сторону рынка.

— Эмин! Где ты? Эмин! — Айбиге шла вдоль лавок торговцев, пытаюсь отыскать сына. Ну кто, кто позволил ему одному выйти в город?

— Мама, — тоненький голосок послышался откуда-то со стороны. Ханым обернулась — там, вдалеке стоял какой-то ребенок, явно не похожий на Эмина. А вот и его мать — она покупала что-то в лавке, затем взяла мальчика за руку и скрылась в толпе народа.

— Айбиге! — появившись из переулка, к ней подбежал запыхавшийся Мурад-реис. — Что произошло? Где Эмин, он разве не дома? Айбиге, ты слышишь меня? — он схватил ее за плечи и встряхнул.

— Я не могу найти его, он исчез сегодня утром, — ханым едва держала себя в руках, — Мурад, помоги мне. Что я скажу Мехмеду, куда ушел его брат?

— Айбиге, ступай, срочно забирай с собой Мехмеда и отправляйся в порт на наш корабль. Мы уплываем сейчас же, а Эмина я разыщу сам, — он был непреклонен. — И не спорь! Я потом все объясню.

— Но Мурад...

— Немедленно!

Сделав вид, что уходит, Айбиге обогнула один из домов, и начала свои поиски. Она заглядывала везде — порой даже приходилось извиняться перед торговцами, явно

возмущенными ее странным поведением и обликом — ведь, как и всегда, одета она была в мужскую одежду. Спрашивала всех, кто был на рынке, но никто так и не дал вразумительного ответа.

Внезапно со стороны дороги послышался топот копыт — сюда неслось несколько всадников-бостанджи. Неужели это за ними? Не теряя ни минуты, Айбиге быстро спряталась в одном из домов, а уже через несколько мгновений услышала громкий крик, переходящий в шум голосов толпы людей.

Ну почему Эмин пропал так невовремя? И что там произошло, кого так напугала эта процессия? Времени размышлять почти не оставалось. Айбиге прислушалась к голосам — лошадь одного из бостанджи чуть не затоптала ребенка. Или все-таки затоптала. Мнений было столько же, сколько и людей в той толпе, окружившей место происшествия.

А в этот момент Мурад-реис стоял, словно окаменевший, и смотрел, как лошадь неслась на крошку-Эмина, которого он все-таки смог найти. Всадник кричал что-то неразборчивое, но мальчик не поворачивал головы и просто плакал, не двигаясь с места. Внезапно кто-то, подбежав сзади, толкнул и сбил реиса с ног, отчего он упал лицом вниз. Поднявшись, Мурад увидел только, как какой-то господин в сером кафтане, сидя на корточках, прижимал мальчика к себе и успокаивал. Поднявшаяся с дороги пыль застилала глаза и мешала рассмотреть лицо неизвестного. Спустя мгновение оба скрылись в одном из домов. Реис поспешил было за ними, но дорогу ему быстро преградили.

— Вот он! — снова этот Рустем-паша появился, возник, словно из ниоткуда. Что-то скомандовал там своим «псам», видимо, приказал схватить Мурада. Четверо бостанджи против одного пирата — это слишком много. Вдруг сзади около его уха со свистом пролетел нож и вонзился в шею одного из спешившихся всадников. Айбиге — как же вовремя она подоспела на помощь! Всего один момент переломил ход дела: несмотря на крик разъяренного паши, охранники замешкались и упустили их двоих, позволив сбежать.

— Где Эмин, ты нашел его? — наконец, спросила Айбиге, переведя дух.

— Да, я нашел, — Мурад-реис старался не смотреть ей в глаза. — Но поклянись, что выслушаешь меня, и вернешься на корабль.

— Я клянусь, Мурад. Где мой сын? Где мой Эмин?

Выдержав короткую паузу, реис произнес всего два слова:

— Он погиб.

Нет, не может этого быть! Последнее, что связывало ее с Малкочоглу, ее маленький львенок, ее любимый сын Эмин — мертв! Так значит, вот кого затоптала та лошадь. Айбиге кричала от боли, злости, обиды, разъедавшей ее изнутри, пыталась вырваться из крепких объятий мужа и прийти на то место, чтобы воочию убедиться в его словах, но он лишь еще крепче обнял ее и посмотрел в ее глаза.

— Ты должна понять это и смириться. Ради Мехмеда, ради всех нас! Нужно уходить, пока есть еще время.

Уходить? Но куда? И с чего это вдруг, зачем Мурад вдруг решил взять Айбиге и детей с собой в плавание? Все это никак не укладывалось в голове, рождая множество вопросов. Ханым чувствовала, как крепко реис сжимал в своей руке ее ладонь, поддерживал за плечо, помогая идти, покинуть это место. Сейчас главное — малыш Мехмед. Только бы с ним все было в порядке.

Примечание к части

Дорогие читатели, автор заявки!

Возможно, я уже слишком сильно отступаю от первоначальной идеи. Если честно, то я правда не знаю, как закончится вся эта история.

Глава, в которой Айбиге-ханым видит страшный сон

Море. Соленые брызги волн, бьющихся о берег, попадали в лицо, но Айбиге казалось, что все это слезы, которые катились по ее щекам. Прижимая к себе Мехмеда, она шла к лодке, где сидели Мурад и Адиль.

Эмин. Он навсегда останется в ее памяти. Только в памяти. Теперь не осталось рядом более ничего, что могло бы напоминать о Бали-бее. Даже амулет — и тот был у сына, а потом и вовсе потерялся. Видно, это и есть наказание за тот грех, за тот несмыаемый позор. Долго еще ханым не сводила глаз с порта — все казалось, что вот-вот выбежит на берег мальчишка и будет звать и спрашивать, почему все оставили его в Стамбуле.

Привычные команды, снующие вокруг люди... Айбиге с Мехмедом прошла к каюте, где и уложила его спать. На удивление послушный, сын не стал упрячиться и через некоторое время уже дремал, тихо посапывая. За дверями каюты слышались голоса, Мурад-реис раздавал распоряжения, команда сновала по всему кораблю — казалось, что не просто так они покидают свой дом.

Ветер надувал паруса и уносил корабль все дальше от берегов Стамбула. Айбиге сидела на кровати, обняв колени руками, и вспоминала тот злополучный день.

1525 год, Крым.

По скалистому берегу Херсонского порта шли двое рослых сына калги*, а за ними, ловко перепрыгивая с камня на камень, бежала их сестра. Ну как, как еще их убедить, что не стоит сегодня плавать в море? Большие, подгоняемые сильными порывами ветра, пенные волны бились о скалы, но братья совсем не думали сбавлять ход. Вдалеке уже виднелся вытщенный на берег каик.

— Эмин! Адиль! Опомнитесь, братья! Я не поплыву с вами в такой шторм! — сестра едва успевала за ними.

— Да брось, Айбиге, — тот из них, что был чуть помладше, остановился и обернулся, — ты что, струсила? Какой же это шторм — даже дождя нет, просто волны да ветер.

— Нет, Адиль, не струсила! — она топнула ногой. — Просто в отличие от вас с Эмином, у меня есть разум. Я сказала, что не поплыву с вами, так что остаемся. А тебя в любую погоду укачивает, нечего говорить о сегодняшнем дне.

— Адиль, наша сестра права. Мы должны остаться и переждать, — вздохнул старший брат. Как бы ему ни хотелось сегодня поплавать на каике, он принимал слова и был согласен с нею.

— О, Эмин! Слава Всевышнему, хоть ты услышал меня, а то этот глупый хатунзаде совсем ни на что не годен, — Айбиге всплеснула руками. — Тогда пойдем! У меня есть одна идея, — и в ее глазах блеснули два огонька.

— Ты ступай, сестра, — сказал Эмин, сжав ее ладошки в своих руках. — Я присоединюсь позже, увидимся в укрытии, даю честное слово.

Спустя некоторое время хлынул сильный дождь. Айбиге едва-едва успела добежать до места, называемого укрытием — деревянного домика, который им построил один умелец-ага в раскидистой кроне платана. Тут, через окошко, можно было увидеть множество кораблей в порту и осмотреть всю округу. Сейчас Айбиге, укутавшись в лежавшее на дощатом полу покрывало, всматривалась в подножие горы, на которой рос платан. Где Адиль и Эмин? Ну, ладно Адиль — он мог отправиться домой или укрыться в портовом доке, а Эмин обещал прийти в укрытие, ведь они об этом договорились, верно?

Внизу мелькнул силуэт — и через несколько мгновений на пороге домика показался Эмин, весь промокший до нитки. В руках он что-то держал. Тут же Айбиге вскочила и подбежала к старшему брату, стремясь поскорее укутать его в покрывало, чтобы не успел замерзнуть и простыть.

Но что такое? Почему от кафтана Эмина разило резким запахом моря и соли? И что это за царапина на его щеке? Ничего этого не было, когда ханым оставила их с Адилем в порту. Обняв брата, Айбиге почувствовала, как он дрожит. И нет, это был не озноб.

— Прости, сестра, — Эмин поджал губы. Казалось, что он вот-вот расплачется. — Я не смог.

— Эмин, что ты говоришь такое? — заговорила Айбиге с улыбкой, пытаясь его подбодрить. — Что ты не смог? Успокойся, если вы с Адилем плавали сегодня, то я никому не скажу. Придумаем что-нибудь!

Даже в такие моменты она редко теряла самообладание. К этому приучили братья. Однако теперь старшего было не узнать.

— Сестра, — он едва держался. — Адиль, наш дорогой брат... — из-под покрывала показалась крепко сжимавшая черную шерстяную шапку рука. Увидев то, что осталось от прикрепленного оберега, Айбиге закрыла рот руками, чтобы не закричать.

Адиль, любимый брат — конечно же, это была его шапка! И тот оберег Айбиге сама на нее прикрепляла бесчисленное количество раз, когда он вдруг мог отцепиться во время лазания по деревьям, игр в пещерах или других затей. Эмин плакал навзрыд, бормотал что-то невнятное — не уберег, не защитил — но она его будто не слышала. Сидя на полу, Айбиге молча прижимала к себе шапку брата и не могла осознать, что он остался там, в море, что теперь им никогда больше не играть вместе втроем, не убегать ночью из дворца. Хотелось надеяться, что этот сбивчивый рассказ Эмина — выдумка, что это неправда, что на самом деле он просто шутит, а Адиль просто спрятался и ждет их где-нибудь.

А может, он попросил брата разыграть сестру, а сам попросту отправился домой? Ох, несладко же ему придется, когда она отцу расскажет про эти шуточки!

Но время шло. Все члены большой семьи, включая и самого Сахиба Гирея, смирились со столь тяжелой потерей, носили траур по погибшему, и лишь Айбиге верила в то, что он жив. Верила до последнего, что его, наверно, спасли рыбаки или пираты. Пусть они бы спросили выкуп — да все, что угодно, Гиреи в то время могли заплатить любую цену — лишь бы Адиль вернулся домой. Но выкупа никто так и не потребовал.

С тех пор Айбиге почти не уезжала из Херсона. Надеялась, что Адиль когда-нибудь возвратится, и их жизнь будет такой, как прежде. Однако отъезд в Стамбул изменил все.

Ночью не спалось. Перед глазами стояла та рыночная площадь с толпой народа, слышались голоса и крики людей, осуждавших всадника, который не сумел удержать свою лошадь. Тихо закрыв за собой дверь, Айбиге вышла на палубу. Слабый ветер едва дул в паруса, подгоняя корабль. Несмотря на позднюю осень, эта ночь выдалась на удивление теплой.

Оперевшись о борт, ханым всматривалась в горизонт. Море, только море и небо окружали их корабль на многие мили вокруг. Волны бились о борт, унося судно все дальше и дальше.

— Сестра! — окликнул ее чей-то до боли знакомый голос. Обернувшись, Айбиге увидела стоявшего на мостике юного Адила — таким, каким в последний раз запомнила его в Херсонском порту. В богатом кафтане и расшитых сапогах. Еще без уродливого шрама на лице. — Я не умер, видишь? — и он медленно спустился по лестнице с мостика на палубу. С кафтана капала вода, а лицо в свете луны было слишком белым для живого человека.

— Я знаю, — одной рукой опираясь о борт, а другой пытаюсь вытащить из ножен спрятанный за спиной кинжал, проговорила Айбиге. — Конечно-конечно, дорогой брат, ты не умер. Я это знаю.

Где команда? Почему на корабле нет ни одной живой души? Как такое возможно? Мурад-реис всегда приучал всех к жесткой дисциплине. А сейчас не было не просто спящих — Айбиге не могла рассмотреть вообще ни одного человека. Куда они могли подеваться?

— Но почему ты меня боишься, сестра? Смотри, что я принес тебе — на ладони брата покоилась подвеска-амулет. То, что Айбиге когда-то подарила сыну.

— Уходи! — выставив вперед кинжал, дерзко выкрикнула ханым. — Уходи прочь, Адиль!

— Ты все же боишься меня, — голос все так же спокоен.

— Проваливай!! — вскричала Айбиге, взмахнув кинжалом. Тут же в глаза брызнула кровь. Ударить брата, драгоценного и любимого брата, по которому скорбела вся их семья — неужели ханым только что сделала это?

И только сейчас она поняла и осознала, что сидит на кровати в своей каюте, укутанная

покрывалом. Что никакого молодого Адила рядом нет, да и не было вовсе. И что кинжал, сжимаемый в руке, лишь сбил со стоявшего рядом стола кувшин с водой. Сон, это все сон — из-за тех страшных воспоминаний.

Рядом с ней, где спал Мехмед, покоилась записка, гласившая, что Мурад-реис забрал сына в свои покои и клятвенно заверил в том, что присмотрит за ним, пока Айбиге будет приходить в себя.

За окном уже светало. Накинув на плечи теплый плащ, Айбиге вышла на палубу, стараясь не думать о ночном кошмаре.

Примечание к части

* — В 1525 г. Сахиб Гирей служил калгой при при своём брате, крымском хане Саадете Гирее.

Глава, в которой Айбиге-ханым и Мурад-реис выбирают сторону

За бортом, в тумане утренней зари, виднелся остров с вытасченными на берег двумя лодками. Не такой уж и большой, но с достаточно высокими отвесными скалами. На вершине самой-самой высокой из них был отстроен павильон с небольшими окнами и голубятней под крышей. Этот остров Айбиге видела уже не впервые — останавливаясь здесь, можно было пополнить запасы пресной воды из источника, а также именно тут часто проходили переговоры Мурада-реиса с другими пиратами. Именно тут она когда-то и познакомилась с ныне прославленным Хайреддином-пашой. И сейчас корабль паши находился рядом, у другого берега.

Неф Мурада-реиса стоял на якоре, а сам капитан и пара человек из команды вовсе отсутствовали. Все намекало на то, что они были на острове. Но пресной воды на корабле предостаточно, значит, по всей видимости, сейчас в павильоне шел очередной совет.

— Хайреддин-паша прибыл, — за спиной раздался голос Адилья. Увидев брата, Айбиге едва устояла на ногах — так сильны были впечатления от ночного кошмара. — Все в порядке?

— Конечно, в порядке, брат, — тут же отрезала ханым, уставившись на остров. Не хватало еще и всяких расспросов. — Мурад давно на совете?

— Все только еще началось, — Адиль подошел к борту. — Ты спала очень долго, не проснулась, даже когда Мехмед начал плакать.

— Он точно в каюте? — нет, не хватало потерять и второго сына. Но все обошлось — из каюты капитана раздался непонятный грохот и через мгновение — детский плач. Адиль возвел глаза к небу и закрыл лицо руками. Оттолкнув брата, Айбиге, как кошка, быстро оказалась на пороге капитанских покоев. На полу у стола сидел Мехмед и громко плакал, а рядом, в луже разлитого вина, валялся узорчатый медный кубок. Взяв сына на руки, ханым постаралась успокоить его.

— Я вышел только что, — простонал Адиль уставшим голосом, — а мой драгоценный племянник уже успел натворить дел. О, Всевышний, не будет нам с ним покоя, — взяв кусок какой-то материи, он стер с пола красное пятно вина.

— Адиль, — хмыкнула сестра, — ты что, забыл? Вспомни, как наша валиде с братом Газанфером мучилась. Я утром просыпалась от его выходок и криков — постоянно себе шишки набивал, все по комнате ее носился. А как платок с Нур Султан сорвал — еще тогда, в Казани, помнишь? — Айбиге села на кровать и вручила Мехмеду вырезанную из дерева игрушку. — Не кричи, сынок, все хорошо.

— Конечно помню. Да упокоит Аллах их души, — вздохнул Адиль. — Это как раз случилось после нашего ночного похода, и ты весь день просидела с валиде, — лицо его озарилось улыбкой. Редко можно было увидеть его таким — за свою жизнь на корабле

он почти никогда не улыбался так искренне.

Еще долго они сидели в каюте и вспоминали прошлое — отца, мать, братьев, жизнь в снежной Казани и солнечном жарком Крыму. Мехмед увлекся игрушкой и громко смеялся. Однако вскоре в двери каюты настойчиво постучали. Показавшийся на пороге Тугрул-ага сообщил, что Хайреддин-паша пожелал поговорить с Айбиге. Наказав брату присматривать за сыном, она тут же выскользнула из каюты и проследовала к лодке.

Обычное приветствие и выражение почтения жене друга-реиса, думала про себя ханым, теребя в пальцах одну из пуговиц кафтана. Расскажет, как идут дела в столице, передаст привет от кого-нибудь — и ни слова об Эмине, наверно.

В павильоне было прохладно. Мурад-реис помог закрыть тяжелую дверь и встал около входа, спрятав одну руку за спину.

— У меня для Вас новости, Айбиге-хатун, — стоя за узорной деревянной ширмой, проговорил сиплым голосом капудан-паша. — Повелитель, узнав, что Вы живы, был несказанно рад.

— Повелитель узнал обо мне? — она не удержалась и переспросила. Вот это действительно новость!

— Да. Но я прибыл сюда, чтобы предупредить Вас. Ни под каким предлогом не возвращайтесь ни в Крым, ни в Стамбул, ни куда-либо еще, где правит Повелитель. Вы преступили закон — совершили убийство и сбежали.

Айбиге снова вспомнила события того злосчастного дня — как во время поисков Эмина на рыночную площадь вдруг появился Рустем-паша и всадники. Как пришлось убить одного из них, чтобы уравнять силы.

Внезапно в голове мелькнула мысль. Еще тогда, на приеме у Хюррем Султан, из уст рыжеволосой госпожи прозвучала фраза: «Рустем-паша выполнил мой приказ». Так значит, вот кто стоял за всем этим. Не может быть!

Снова из-за Хюррем Султан Айбиге попала в беду. Если бы она поняла это ранее, то Эмин был бы сейчас рядом с ней. И Повелитель уж точно пожелал бы ее увидеть. Но вместо этого ханым лишь молча слушала все наставления Хайреддина, понимая, что с этого дня их дороги расходятся. Теперь верный друг ее мужа когда-нибудь все же поведет в бой корабль, чтобы убить Мурада и силой привезти ее и Мехмеда в Стамбул, где их уже ждут шелковые шнуры.

А может, он для этого и попросил сейчас ее о разговоре — чтобы забрать в столицу?

— Я должен был сейчас доставить Вас и Вашего сына к Повелителю, — продолжал капудан-паша, — но вместо этого последний раз предупреждаю — бегите. Прочь из этих земель, прочь, как можно дальше. Дальше, чем Алжир, дальше, чем Европа. Туда, где Вас и малыша никто не найдет. Повелитель осведомлен о моем добром отношении к Мураду-реису, и, возможно, он отправил в погоню и другие корабли.

— Благодарю, паша. Спасибо Вам за то, что сделали, — тихо сказала Айбиге. И, поклонившись, отправилась к выходу.

Теперь и она, и маленький Мехмед — преступники в глазах ее кузена-султана. И если он найдет способ изловить их — не пощадит даже ребенка. В эти мгновения ханым вспомнила об Эмине: как хорошо, что он остался честным человеком. Пусть ему будет хорошо в раю. А она? Да что теперь говорить — отец, наверно, уже давно все узнал о ее проделках еще при жизни. А сейчас и его уже нет.

Теперь море — ее судьба, ее стихия. И рядом будут те, кто сможет ее защитить, кому она все еще дорога. Как любимая или как сестра. И она сама сможет постоять и за себя, и за крошку Мехмеда. Не позволит никому причинить ему зло.

Волны бились о невысокие борта лодки. Айбиге, сжимая в руках теплую ладонь Мурада-реиса, смотрела на корабль Хайреддина-паши, наблюдая за тем, как расстояние до него становится все больше и больше. Поднявшись на борт нефы, ханым последний раз взглянула на остров и удалилась к себе в каюту.

От мыслей ее отвлек внезапный крик:

— Парус на горизонте, капитан! — судя по голосу, это был Тугрул-ага. — Что прикажете делать?

— Курс на Белое* море! — раздался голос Мурада откуда-то с палубы. Подойдя к дверям своей каюты, Айбиге молча наблюдала за тем, что происходило на корабле.

Дул ветер. Большой неф, снявшись с якоря, отплывал от берега. С левого борта быстро приближалось другое судно. С палубы доносились голоса:

— А Барбаросса? Он разве не отправляется с нами?

— Нет! Паша выбрал службу! — резко отвечал капитан, расхаживая по кораблю.

— Мете! — он посмотрел вверх, где сидел смотрящий. — Видно ли тебе флаг?

— Османы, Мурад-реис! — послышался звонкий голос сверху.

Османы.

Похоже, это и есть то самое, о чем предупреждал Хайреддин-паша. Как и несколько лет назад — Повелитель выслал за непослушной ханым погоню, чтобы вернуть ее в Стамбул. Но если раньше все окончилось позорным расторжением помолвки с шехзаде, то теперь дела обстояли намного хуже. Больше всего Айбиге переживала за сына — Мурад ведь решится атаковать корабль. Нужно было срочно что-то предпринять.

Сверху с мостика спустился Адиль — привел Мехмеда, явно встревоженного из-за шума на палубе, — и скрылся за дверями. Увидев ханым, мальчишка тут же притих и взобрался в кресло.

— Вот и хорошо, мой маленький львенок, — стараясь не волноваться, Айбиге села рядом на кровать и глубоко вздохнула. — Будь здесь, Мехмед, и мама защитит тебя.

Снаружи доносились голоса — прислушавшись, Айбиге поняла, что битвы не избежать. Ничего, она так просто не сдастся. Наклонившись к сундуку, она откинула тяжелую крышку — на аккуратно сложенном зеленом кафтане покоились два кинжала, нож и небольшая, спрятанная в украшенные узорамии ножны сабля.

— Не бойся, — ханым поцеловала Мехмеда в лоб и вручила ему маленький нож. — Не бойся, сынок, оставайся здесь. Никто не тронет тебя, — и снова повернулась к сундуку.

— Мои аги! — за дверями раздавался крик Мурада-реиса. — Сегодня великий день! Знайте и запомните — мы больше не служим султану Сулейману и его государству! Сегодня мы покажем, кто сильнее, покажем, что море — наш единственный господин! И если проиграем, то пусть оно заберет всех нас! — и одобрителный шум и гогот команды разнесся по палубе.

Однако в один момент все голоса стихли — на палубе появилась хрупкая фигурка Айбиге. Ее кафтан, под которым виднелась рубашка с множеством маленьких пуговиц, был подпоясан кожаным поясом с висевшими на нем ножнами с саблей, а на голове снова появилась та самая повязка, что ханым носила много лет назад. Оглядев толпу пиратов, Айбиге ловким движением рук заткнула за пояс два кинжала.

Все было почти так же, как и в ту ночь, когда пираты напали на ее корабль. Но теперь она была на их стороне. Молча пройдя к стоявшему у главной мачты реису, ханым взяла его за руку.

— Да будет клинки наши острыми, да будет путь наш верным. Во имя Аллаха, Всемилостивого и Милосердного — да пошлет он нам помощь в этом бою! — громко проговорила она. — Мы отстоим наше право!

— Долгой жизни Айбиге-ханым! Долгой жизни Мураду-реису! — разнеслось по кораблю. И тут же эхо голосов прервал крик капитана:
— По местам! Готовиться к атаке!

Выбор сделан. Пути назад нет — остается не позволить слугам Повелителя выполнить свое черное дело. И пусть эти люди ни в чем не виноваты, пусть они всего лишь выполняют приказ, отданный свыше — все они должны умереть.

Конечно, корабль Мурада не был так быстр и маневренен, как судно, что плыло за ними, — сейчас он выигрывал у противника по вооруженности. Залп за залпом — тяжелые ядра пушек оставляли в деревянных бортах большие пробоины, а Айбиге, стоя за толпой лучников, не спускала глаз с дверей своей каюты, все пытаясь унять волнение. Только бы Мехмед не выбрался на палубу. Только бы он оставался там, внутри. Протиснувшись сквозь толпу пиратов, она тихо проскользнула в каюту и села на кровать, крепко прижав к себе сына.

Шум, грохот, свист пролетающих мимо стрел — вот одна из них вонзилась в деревянную обшивку дверей прямо над головой. Скоро все кончится. Совсем скоро.

Внезапно двери распахнулись, и Айбиге успела только лишь рассмотреть лицо

незнакомца, прежде чем он схватил ее за косу и поволок за собой.

— Мой капитан, я нашел эту неверную и ее выродка! — по залитой кровью палубе раздавался его громкий хриплый бас. Айбиге упиралась, пыталась вытащить кинжал и полоснуть негодя по пальцам, но как назло — ничего не получалось. — Смирнее, хатун, идем! Повелитель ожидает тебя в столице! — и он еще сильнее дернул ее за волосы.

Уроки. Все уроки, что давал учитель еще в Стамбуле — вот что должно сейчас пригодиться. Толкнув пирата локтем в бок, и изо всей силы пнув под колено, ханым воспользовалась его коротким замешательством и выхватила саблю. Мгновение — и взмах лезвия оставил ярко-алый след на шее незнакомца. Самое уязвимое место, как говорил учитель — и ведь оказался прав.

— Чертовка, — прохрипел на своем родном наречии разбойник, захлебываясь кровью и корчась в предсмертных муках, словно огромный червяк. — Ведьма окаянная.

Стоя на палубе, вся забрызганная кровью убитого, Айбиге была готова к следующему нападению. Звон клинков звучал в ушах, вокруг то и дело пролетали стрелы. Увернувшись от внезапного удара, она подбежала к одному из пиратов, успевшему схватить ее маленького Мехмеда и, размахнувшись, с криком несколько раз вонзила ему в бок один из кинжалов. Никто не посмеет отобрать у нее и второго сына.

— Мама скоро вернется, — ханым закрыла дверь своей каюты и подперла снаружи ящиком. — Очень скоро.

Удар. Снова удар. Кровь, много крови вокруг — Айбиге не чувствовала боли от ран, она желала лишь отомстить за Эмина и не позволить никому разлучить ее с Мехмедом. Еще удар — и тяжелая коса из густых каштановых волос упала на дощатый пол.

Выбор сделан.

Ей было совсем не жаль.

Примечание к части

* Белое море — Средиземное море.

Предновогодний мой вам подарок. Хотела вставить временной скачок, но автор заявки просил экшн, так что внимание — экшн!))

Глава, в которой Эмин находит друга, а Айбиге-ханым пытается жить дальше

Что произошло в тот миг на площади, Малкочоглу толком не понял. Лишь обернувшись на звук топота копыт и крики людей, едва успел заметить Эмина, сжимавшего в руках кулон. Через мгновение все уже было кончено.

— Мурад-реис! Это Мурад-реис! Стража! — послышался голос Рустема. Паша был явно не в духе. Но что ему понадобилось от этого морского волка? Стоя в толпе народа, прижимая к себе плачущего Эмина, Бали-бей пытался понять, что же случилось. Внезапно один из бостанджи, окруживших Мурада, схватился рукой за шею — и уже через миг лежал на рыночной площади, истекая кровью. Этого хватило, чтобы рыжий пират смог скрыться.

— Убили! — раздался чей-то вопль. Протиснувшись через толпу, Малкочоглу подошел к лежавшему на площади трупу так близко, как только мог, и увидел нож, торчавший из раны.

Тот самый нож, который когда-то одна юная дерзкая крымчанка рискнула приставить к его шее.

Она была здесь. Сейчас. Только что.

Мысли лихорадочно проносились в голове. Айбиге, его любимая Айбиге, была совсем рядом и могла даже его видеть. С трудом, стараясь не попадаться на глаза Рустем-паше, Малкочоглу, держа Эмина на руках, выбрался из толпы и сел у столика одной из уличных кофеен. Сидя рядом, ребенок уже почти затих, лишь изредка его плечи дергались от всхлипов. Должно быть, тот всадник сильно его напугал. Бали-бей наблюдал за ним, рассматривал каждую черточку его лица, нахмуренные брови, темные глаза. Пытался отыскать хоть что-то, что напоминало бы ему в Эмине его мать. Но все, что осталось — это лишь маленький кулон на цепочке. В остальном же это был настоящий сын рода Малкочоглу.

Он почувствовал, что что-то не так, когда мягкая детская ладошка изо всех сил вцепилась в рукав его кафтана.

— Эфенди, не уходите. Мне страшно, я хочу домой, — голос Эмина все еще дрожал. Ох, ребенок, что теперь с ним делать? Как ему объяснить, что у родителей, возможно, сейчас проблемы, и их не только не может оказаться дома, но и вообще в столице?

А если... нет, Аллах не позволит, не допустит такое. Сколько раз они оба оказывались на волосок от смерти? Сколько еще придется умирать?

Вздохнув, Малкочоглу снова — как и в тот раз — присел на корточки перед ним и произнес:

— Домой сейчас нельзя, — и тут же увидев, как на глаза ребенка навернулись слезы,

поспешил его успокоить: — Но мы можем поехать к твоему брату.

— Мехмед, — на лице Эмина появилась робкая надежда, — я увижу Мехмеда?

Хотя Бали-бей имел в виду другого брата, ему хотелось надеяться, что младшенький все же остался в доме реиса. В любом случае туда следовало наведаться, чтобы окончательно развеять все сомнения. Если Айбиге там — он заберет ее с собой в Семендире. Украдет, увезет подальше отсюда вместе с Эмином.

Они решили сократить путь и отправились мимо порта. Внезапно ребенок остановился, замер на мгновение и стремглав понесся к причалу, от которого отчалил большой корабль. Мальчишка тянул вперед руки, кричал, плакал, звал отца, мать, брата, но было уже поздно: судно находилось уже слишком далеко. Лишь один ага, несший сети и улов, — по-видимому, узнавший его, подбежал и долго что-то объяснял, отчего Эмин плакал все громче.

— Они не смогут сейчас вернуться, — лишь смог расслышать подошедший к этим двоим Бали-бей.

Не смогут. Все — Айбиге-хатун, этот пират и их сын уплыли, оставив Эмина здесь. Зачем, для чего они это сделали? Мысли путались в голове, но среди всего сумбура наиболее выделялась одна: побег от цепких лап Рустема-паши привел к такой спешке. И до сих пор свежи были воспоминания о визите реиса в таверну, о том, как он при всех ударил Эмина. Мимо этого события Малкочоглу пройти не мог. Верный друг Насух вовремя сообщил султану о проступке пирата. Пусть Повелитель теперь разберется и решит, как быть. Странно только, что он отдал приказ Рустему схватить Мурада-реиса, а не просто пригласил на разговор. Пусть и можно было решить вопрос иначе и пойти к кадию, Малкочоглу подумал об Эмине — что стало бы с ним, если меры были приняты слишком жесткими? А если бы раскрылась тайна его рождения? Простой люд куда наблюдательнее и болтливее дворцовых советников и пашей.

— Все, что я могу — это отправить весть о Вас, — продолжал ага. — Мы можем отправить весть с одним из моих голубей. Корабль плывет на юг, а значит, зайдет в порт на Голубином острове.

Отправить весть? Это хорошая мысль, прекрасная возможность. И Бали-бей уже знал, что именно он готов сообщить беглецам.

— Это все тот Малкочоглу! Все беды нашей семьи из-за него! — голос Эмина вырвал из размышлений. Мальчишка стоял на причале, всматриваясь в удаляющийся силуэт корабля, и говорил страшные слова, обвинял, оскорблял — видно, всего этого он набрался от окружения того пирата.

— Тише, успокойся, маленький реис, — Бали-бей с трудом пытался утихомирить ребенка, и вскоре это подействовало. — Своей злобой ты ничего не изменишь. Но, — тут он ненадолго задумался, — я могу помочь. Могу отвезти тебя к этому бею, если он действительно так сильно виновен.

— Правда, эфенди? Али-ага говорит, что домой нельзя идти. Что там меня ждут паша Рустем и злые люди из дворца.

— Тогда не смеем более задерживаться.

После того боя прошло несколько дней. Корабль несся все дальше и дальше по бескрайнему морю, обходя все поставленные на пути преграды. И сейчас пришлось совершить небольшую остановку в одном из портов — набрать пресной воды и пополнить численность моряков. Из прежней команды оставались только Тугрул, Синан, Энгин и Адиль — остальные все были новичками, принятыми на борт в разных городах. Раны постепенно заживали — все же талант Адила в лекарском деле был несомненно велик, — однако нескольких моряков спасти так и не удалось.

Тусклый огонек свечи освещал каюту. Мурад-реис сидел на подушках, в одной легкой рубашке и нижних штанах, держа в руке кубок с вином. Это питье неверных, по его мнению, заглушало боль. Рядом сновала Айбиге, уже изрядно подучившаяся от брата сменять повязки и накладывать нужную мазь на раны.

— Мы справились, пережили и это, — вздохнул он, коснувшись губами ее ладони.

— Да, — вздохнула ханым. — Мы здесь, мы живы, — она постаралась произнести это как можно спокойнее, но Мурад все понял и тут же изменил тон:

— Прекрати, Айбиге! Ты лишь зря мучаешь себя, зря терзаешься. Эмин предстал перед Всевышним, его уже не вернуть, — крепкая ладонь все сильнее сжимала кубок с вином. Айбиге чувствовала, что реис начинал злиться, ощущала напряжение в его теле, разминая руками крепкие плечи, покрытые множеством шрамов. В такие моменты она обычно оставляла его одного, а он крушил всё в своей каюте. И вся команда знала: к капитану в это время нельзя, если не хочешь попасть под горячую руку и нарваться на неприятности.

— Он жив, Мурад, жив, я это чувствую. Мой Эмин, мой маленький львенок, не погиб. Ты не этому учил меня. Ты всегда говорил, что нельзя сдаваться, пока есть надежда. Что нужно верить до последнего. Вот увидишь — мои молитвы будут услышаны.

— Айбиге! — он схватил ее за руку и крепко сжал запястье. — Пойми уже, наконец! Проснись! Я все видел, этой надежды нет теперь, — строгий голос реиса переходил в крик.

Насилу высвободившись из его цепких пальцев, ханым, не проронив ни слова более, убрала на место все склянки и сосуды с мазями и отварами, и, закутавшись в кафтан мужа, поспешила к выходу.

— Ты так говоришь, потому что Эмин не был твоим, — едко сказала она, и едва успела захлопнуть за собой двери, в которые с грохотом полетел бокал с вином. За спиной слышались крики мужа, но было уже все равно. Сейчас лучше побыть с Мехмедом и братом.

— Тугрул-ага! — раздался громкий голос за дверями. Тут же один из моряков бросил работу и проследовал к капитану. Через некоторое время он снова вышел наружу и, пройдя к трюму, что-то шепнул появившемуся у поднятой решетки Синану.

А в это время Мурад-реис уже допивал третий кубок вина. Правы были неверные — этот напиток действительно мог заглушать боль в теле — перевязанная рука уже почти не саднила. Внезапно двери открылись, и на пороге показалась девица, очень напоминая Айбиге, только чуть повыше ростом. Увидев капитана, она тут же забила в угол.

— Не бойся, — Мурад пытался говорить как можно спокойнее, — ты... не бойся меня, я ничего тебе не сделаю. Ты знаешь этот язык?

— Немного, — хатун стояла в углу, боясь пошевелиться. — Немного.

Глупая. Страх не поможет тебе сейчас. Не вернет тебя домой, к родным.

— Раздевайся, — прозвучала короткая команда. За спиной реиса виднелась лохань с водой, а рядом, на тахте, лежала чистая нижняя рубаха. Девица поморщилась, выбирая между грязью трюма и своей честью, однако, после недолгого колебания, потянулась к пуговицам на кафтане.

— Айбиге, — тихо произнес капитан, прижимаясь щекой к плечу незнакомки, лаская влажную спину, смывая с белой кожи грязь и пот. — Сегодня тебя зовут Айбиге, — и его ладонь скользнула вниз, погружаясь в теплую воду. — Я буду часто приглашать тебя.

1540 год, февраль.

Утро выдалось холодное, ветренное. Моросил мелкий дождь, и лишь немногие жители портового города, что рядом с Голубиным островом, решили в это время выйти из домов. По одной из улиц спешила молодая девушка — ветер развеивал полы ее серого кафтана, а на поясе в ножнах висела большая сабля. Сжимая в руках оберег, она спешила в порт — корабль отца-паши должен был вот-вот отплыть, а старик забыл дома один из своих медальонов, приносивших удачу в плавании.

Повезло — корабль отца еще стоял в порту. Однако внезапно внимание привлекло нечто странное: под мостками причала спала девица, прикрыв лицо, одетая до боли в знакомый кафтан. Странно. Почему она осталась именно тут? Почему не послушала наставлений отца и не покинула империю?

Оставалось надеяться, что корабль не уплывет в ближайшее время. Осторожно спустившись под мостки, девушка подобралась поближе к спящей.

— Айбиге-хатун! Айбиге-хатун, вставайте, здесь холодно.

Сильный порыв ветра откинул покрывавший лицо платок, и юная дочь паши, вскрикнув, чуть не выронила оберег из рук.

Примечание к части

Голубиный остров (Гюверджин) - современный турецкий курорт близ г. Кушадасы.

Лирическое отступление, часть 1

Солнце едва виднелось над горизонтом. Утро, рассвет, полная тишина. Не были слышны крики торговцев-зазывал, не раздавались из кофеен всяческие разговоры. И лишь из какого-нибудь окна портовой таверны иногда доносились стоны и вздохи.

Рустем-паша уже проснулся и ожидал в порту отплытия корабля, как внезапно громкий крик привлек его внимание. Тут же поспешили вниз с палубы, мимо по причалу побежали моряки и реисы, находившиеся неподалеку. Не теряя времени, паша решил поторопиться к месту, куда скапливался народ. Подойдя ближе, он сумел рассмотреть сидевшую на камнях девочку в сером кафтане, сжимавшую руки в кулаки. Но более Рустема поразило другое: рядом лежала мертвая, с изуродованным лицом, хатун в зеленом кафтане. Похоже, это ее вид так напугал бедняжку.

— Михринниса, дочка! — сквозь толпу протиснулся сам Барбаросса. — Все в порядке? О, Аллах, — он перевел взгляд на мертвую, — не может быть! Не смотри, дочка, пойдем, — укутав Нису в свой кафтан, он прошел в толпу, попутно отдавая приказы команде:

— Отведи мою дочь домой, Тургут-реис, мы отложим отплытие. Сегодня нужно заняться похоронами и сообщить Повелителю. Рустем-паша, помогите поднять тело.

— Как прикажете, — Рустем тут же спустился, подхватил на руки лежавшую и перенес на причал. Холодна, как лед, отметил он про себя. Хюррем Султан будет очень расстроена этой смертью. Да и сам паша тоже где-то в глубине очень переживал, но скрывал эти чувства под маской своей натуры.

Внезапный порыв ветра чуть обнажил правую ногу мертвой. Рустем стоял, не двигаясь, рассматривая аккуратную гладкую кожу лодыжки, слыша, как собирают в дорогу гонца с письмом для Повелителя, а перед глазами проносились совсем другие картины.

Картины прошлого.

1532 год.

— Так больно?

— Немножко.

— Я должен сообщить хранителю покоев и позвать лекаря, Айбиге-хатун, иначе Повелитель может казнить меня.

— Рустем-ага, только не ему, не надо! Ой, больно... А лекаря позови.

Ханым сидела на скамье, одной рукой придерживая порванную штанину. Конь, которого ей привели сегодня, оказался не на шутку быстр и резв, и поскакал так, что даже она была не в силах с ним справиться. Как ни учили ее братья, от колючего кустарника ничто

не уберегло, и одна из цепких веток все же впиалась в ногу, выбив из седла и разодрав кожу до крови. И, слава Всевышнему, Айбиге осталась жива после такого падения. Иначе Рустем потерял бы не только должность, но и жизнь.

Лекарша оказалась весьма расторопной и нелюбопытной — за кошель с несколькими акче выполнила все, что от нее требовалось, пока Рустем стоял рядом и наблюдал, чтобы никто не приблизился к конюшне. Он не мог ни в коем случае допустить никаких пятен на своей пока безупречной репутации, так что и сейчас старался вовсю.

— Вот, — Айбиге оглядела себя, — так лучше.

Да что там лучше? Рваная штанина, кое-как заправленная в сапог, размазанная по кафтану грязь в попытке отмыть, листья и колючки в волосах. Валиде Султан и Повелитель сразу поймут, в чем дело.

Со стороны послышался звук шагов. Кто-то шел к конюшне и был уже близко.

— Хранитель покоев! Это он, его прислали за мной! — Айбиге едва-едва успела скрыться за одной из стен. — Придумай что-нибудь, Рустем-ага.

Легко сказать — придумай. Мысли лихорадочно вертелись в голове, но ни одна из них не была толковой.

— Малкочоглу Бали-бей, — ага склонился в приветствии.

— Я за Айбиге-хатун пришел, — бей был мрачен, как и всегда. — Валиде Султан говорит, что уже холодно, и пора возвращаться.

— Айбиге-хатун... — тут ага замялся, — она просит передать, что хочет еще покататься и велит принести ее теплый кафтан.

— Как пожелает Айбиге-хатун, — на лице Бали-бея появилось удивление, однако настаивать он не стал и тут же ушел, не видя, как еще одна пара глаз провожала его.

Позже, надевая кафтан, крымчанка на прощание лишь сказала Рустему: «Как же жаль, ага, что у меня не было такого хитрого брата, как ты». Кто же мог знать, что это было ее последнее катание на лошади в султанской конюшне.

Но этот день Рустем запомнил навсегда.

— Хватит, Сюмбюль! — крик Хюррем Султан разнесся по покоям. — В прошлый раз ты сказал то же самое, и видишь, что получилось? Довольно!

— Но госпожа...

— Что сейчас? — Хюррем держалась, пытаясь не терять самообладания. — Что

изменилось?

— Госпожа, — Сюмбюль чуть опустил голову и попятился назад, будто уже зная, что произойдет вскоре, — в тот раз Айбиге-хатун не нашли, а сейчас она... сейчас ее обнаружили в порту мертвой!

На некоторое время в воздухе повисла звенящая тишина. Давящая на уши, заполняющая все пространство, вязкая, липкая, как мед. Показалось, что даже голоса птиц в дворцовом саду стихли. Хюррем закрыла глаза — все кончено. Теперь точно конец. Аллах свидетель, не таким хотела она видеть будущее крымской ханым. Султанша тяжело опустилась на тахту и сделала пару глотков воды из кубка. Весь вид госпожи давал понять, что эта весть сильно ее задела.

— Кто это сообщил?

— Гонец от Хайреддина-паши, моя госпожа. Он также сказал, что...

— Валиде? — в покои вошла Михримах Султан. Юная госпожа была весьма встревожена и несколько грустна. — Валиде, что случилось?

Этого Хюррем ожидала менее всего — обычно дочь приходила только на утреннее приветствие, а после замужества приезжала еще реже. Жестом указав Сюмбюлю-аге уйти, султанша приложила ладонь ко лбу.

— Все в порядке, Михримах, — на лице Хюррем появилась едва заметная улыбка, — прошу тебя, не задавай сейчас вопросов, — детям ни к чему знать поводы для ее беспокойств и волнений. — Почему ты печальна, доченька? Тебя что-то беспокоит? Может, стоит позвать лекаршу для осмотра?

— Мой муж Рустем-паша, — Михримах коснулась губами протянутой руки матери и присела рядом. — Он знает, что я в положении, и именно сейчас, в такой момент, его нет рядом.

Ах, дочка. Как же сейчас нужна тебе поддержка матери! И как сейчас хотелось самой побыть немного слабее, чтобы кто-нибудь так же подошел и сказал, что несмотря ни на что, все будет хорошо. Но приходится держаться, не показывать вида. Обняв Михримах, султанша лишь в своем отражении в зеркале видела слезинки в серо-голубых глазах.

— Хайреддин-паша приходил, — с тяжелым сердцем произнес и любимый Сулейман, — Айбиге-хатун около его корабля нашли — так он мне сказал. Аллах покарал ее за все грехи, — и эти слова ему произносить было очень трудно. Безутешна была и Хюррем, украдкой вытирала она рукавом кафтана мокрые от слез щеки.

Султан позволил носить траур по бедняжке, объявив, что простил ее и что теперь лишь Всевышний ей судья. Однако с Мурада-реиса обвинений не снял, и поиски его не прекращались ни на день.

Лирическое отступление, часть 2

1539 год, ноябрь.

— А как я могу Вас называть, эфенди? Вы так имя свое не сказали.

— Можешь называть меня Бали-бей. Так меня зовут, Эмин. И сейчас мы едем в мой санджак, где настало время тебя кое с кем познакомиться.

Дождь то начинался, то прекращался, превращая утопанную землю в раскисшую грязь, отчего лошадям было все труднее идти вперед. Малкочоглу не пожалел денег на теплую одежду для сына, и сейчас Эмину не угрожали ни холод, ни ветер. Вот уже второй день они провели в пути — впереди предстояла еще долгая дорога. Если повезет, они успеют приехать в этом году. Если погода испортится, придется переждать ненастье в Филибе и потом уже двигаться дальше.

С наступлением темноты пришлось искать место для ночлега. Да и лошади изрядно устали — нужно было как можно скорее найти пристанище. К тому же, с наступлением темноты небольшой отряд мог стать куда более легкой добычей для разбойников.

— Благодарю Вас, Али-эфенди, — Малкочоглу учтиво поклонился хозяину придорожного трактира. Эмин сидел на широкой кровати и уплетал за обе щеки только что принесенный ужин.

— Если что-то понадобится, дайте знать, — старик-хозяин дружелюбно улыбнулся и скрылся за дверью, позвякивая только что полученным кошельком.

— А долго нам еще ехать, Бали-бей? — Эмин, наконец, справился с куриной ножкой и принялся за овощи. Отец всегда говорил, что их нужно есть во время пути, иначе выпадут все зубы, и часто пугал его рассказами о беззубом Ферхате. «Не будешь есть овощи, станешь таким, как он», — приговаривал Мурад-реис, и пододвигал тарелку с едой поближе к насупленному лицу Эмина. Листья и плоды аппетита не вызывали, но «беззубым Ферхатом» становиться очень не хотелось, и потому все уговоры действовали.

— Долго, Эмин, долго, — Малкочоглу лежал на подушках, положив руку под голову. Где-то внизу сновали слуги, поили и кормили лошадей, ели и отсыпались после долгой дороги.

— Ты сказал, что мы поедem к моему брату, но не Мехмеду, — продолжил Эмин. — У меня есть еще брат?

— Есть, конечно есть, — как же хотелось все ему рассказать, не держать в себе этот секрет, эту тайну. Но всему свое время. Повернувшись на бок, Малкочоглу наблюдал за каждым его движением, за каждым взглядом, рассматривал все черточки лица, отросшие смолисто-черные кудри. Этот малыш, когда вырастет, станет настоящим красавцем, не одно девичье сердце еще разобьет.

Вдруг детское лицо исказила странная гримаса — на несколько мгновений Эмин замер и перестал даже жевать. А еще через миг соскочил с кровати и с криком выбежал из комнаты.

Старый трактирщик уже давно уснул, спрятав понадежнее полученный за ужин кошель, как вдруг его разбудил громкий детский крик «Ферхат-ага! Не хочу быть Ферхатом-агой!», доносившийся с лестницы. Ох, эти постояльцы, не дают покоя и сна. То дерутся, то посуду бьют, то кроватью скрипят до самого утра — громко и с выражением. То теперь носятся по трактиру и кричат. Ловко поймав обезумевшего мальчишку и усадив на табурет, Али-эфенди протянул ему яблоко и спросил:

— В чем причина такого шума, сынок? Ради чего потребовалось будить старика Али?

Первое время Эмин не мог успокоиться, лишь повторял всего одно имя — Ферхат, и то, как он боялся и страшился стать таким, как он. Кто был этот непонятный герой и чем так испугал мальчишку, выяснить не удавалось. Наконец, подошедший Бали-бей все же смог немного успокоить Эмина, после чего тот поведал, что скоро станет беззубым Ферхатом, в доказательство чего предъявил шатающийся зуб. Увидев это, трактирщик и бей едва не рассмеялись.

— Так это же хорошо, — улыбнулся Малкочоглу. — Ты растешь, Эмин, становишься взрослым. Всевышний не случайно дал людям эту возможность: потерять одно, чтобы приобрести другое, более ценное. У тебя будет новый зуб, более крепкий, чем тот.

И новая жизнь, добавил он про себя.

— Так я не стану беззубым, как Ферхат-ага, Бали-бей?

— Не станешь, если будешь хорошо кушать. А теперь пора спать. Впереди еще длинный и трудный путь.

— Вот мы и приехали, Эмин. Это и есть Семендире. Здесь ты найдешь того самого бея, который, как ты говоришь, так тебе насолил, а еще здесь живет твой брат.

Брат. Что это за загадочный брат такой, о котором Бали-бей твердил, не переставая? Айбиге и Мурад-реис рассказывали Эмину, что он потомок крымских ханов и венгерских королей — разумеется, у него в братьях могли быть ханзаде и принцы крови, чем он очень гордился. Но неужто один из них был здесь? Тогда интересно, кто же это тогда: принц или наследник крымского трона?

Бали-бей спрыгнул с коня и, взяв его под уздцы, подошел к окну в воротах. После недолгих переговоров тяжелый засов со скрипом сдвинулся, и всадники въехали в крепость.

Эмин, сидя в седле, смотрел по сторонам — до чего же грязно тут! Совсем не как в столице, где дороги у родного дома вымощены камнем, а не раскисли от снега, глины и

навоза, где вокруг не возвышаются мрачные крепостные стены, а благоухает цветущий сад. Но ничего — здесь он надолго не задержится: только найдет того Малкочоглу, виновника всех бед его семьи, и сразу же уедет к морю. Вместе с новым братом, которого обязательно научит всему, что уже умеет сам. А там они уйдут на корабле на Кефалонию или Хиос. Или на Голубиный остров. Или еще куда-нибудь. Только как именно отомстить «обидчику», Эмин еще не придумал.

— Ого, кто к нам явился! Мой брат пожаловал! Сам Бали-бей! — Высокий человек в испачканном кафтане шел, пошатываясь и раскинув руки, навстречу гостям. Отец говорил, что такие люди очень опасны и что от них следовало держаться подальше.

— А это еще кто? Новый слуга? — продолжил он, криво улыбнувшись. — Слышишь, малый, а что ты умеешь делать? А-а-а! — и тут же заорал от удара — как учил Мурад-реис, Эмин тут же изо всех сил стукнул зарвавшегося незнакомца по лбу.

— Надеюсь, это выбьет из тебя всю дурь, Малкочоглу Ахмед, — строго сказал Бали-бей, помогая Эмину слезть с коня. — Надеюсь, что ты все же станешь прежним, как раньше. Где твой сын? Где Яхья?

— Яхья... да с учителем он, занимается, учится, — бей потер шишку. — Ох... не ждал я тебя, брат, прости, не ждал. Видишь — даже не встречаю, как следует. Но скажи, — он покосился исподлобья на Эмина, — кого ты с собой притащил?

— Так это Вы, бей Малкочоглу, — Эмин едва держался, чтобы не заплакать. — Из-за Вас мой отец оставил меня в городе, а сам в море ушел. Из-за Вас я больше никогда брата Мехмеда не увижу! — тут же вцепившись в кафтан Ахмеда, он изо всех сил начал пытаться повалить противника на землю.

С трудом Бали-бей смог оттащить его от ничего не понимавшего брата и взял на руки.

— Он заслуживает наказание, правда, — строго сказал старший Малкочоглу. — но не сейчас, дорогой Эмин-реис. Пойдем в дом, нужно отдохнуть с дороги.

Их разговоры прервал выбежавший навстречу мальчишка — на вид достаточно опрятный, лет пяти. Позади него плелся уставший слуга. Из слов взрослых Эмин понял, что это и был Яхья, сын того незнакомца-пьяницы. И от своего отца он очень отличался: хотя бы тем, что не носил такую испачканную одежду. Уже через несколько мгновений дети, в сопровождении слуг, шли по коридору замка к одной из комнат.

— Смотри! — Яхья толкнул вперед тяжелую дверь. — Это мое самое любимое место. Отсюда я управляю всем здесь. А когда вырасту, попрошусь на службу к султану, и он меня примет.

Перед глазами Эмина предстала настоящая сокровищница: именно о такой он мечтал на корабле Мурада-реиса. Деревянные сабли и мечи, легкие луки и стрелы, наконечник для копья, всяческие найденные на улице веточки и разноцветные камушки, рассованные по множеству маленьких ящичков и шкатулок, несколько монет, порванных цепочек и поблекших бусин — видимо, новый знакомый тащил сюда все, что только мог счесть ценным. И окно — одно, но из него видно почти всю округу. Крепость с главными

воротами, реки, леса, дороги. И, похоже, именно тут и был Яхья, именно отсюда и увидел, как Эмин въехал в Семендире со своим новым другом и его людьми.

А Бали-бей? Вот уже третий удар отвесил он младшему брату, вот уже в который раз воззвал к его совести. Все было бесполезно: Ахмед лишь плакал, как девка, не в силах не только дать отпор, но и устоять на ногах. Он сидел на полу у кровати, закрывая голову рукой, и никак не мог успокоиться.

— Хватит, брат! Ты должен идти дальше, должен, — встряхнув его за воротник, прикрикнул Бали, которому уже изрядно надоело его нытье. — Я смог, сможешь и ты. Теперь нам с тобой есть, ради кого жить. Отпусти Симисшах, смирись с ее смертью, не вини в этом своего сына. Он — твое будущее, твоя надежда и опора.

— Да разве ты поймешь меня? — пробубнил Ахмед, пытаясь в очередной раз подняться на ноги. — Твоя хатун хотя бы жива. И сына своего ты сюда смог привезти.

Да, она осталась живой. Но предпочла другого, стала его женой. И даже сейчас она там, далеко с ним. Возможно, в ее сердце давно уже нет места для их запретной любви.

К вечеру Ахмед, уже одетый и причесанный как следует, ждал брата и племянника в своих покоях, чтобы разделить с ними вместе трапезу после долгой дороги. Бали-бей строго-настрого запретил подавать к столу вино, а ключ от погреба стал носить с собой. Эти неверные запасли в крепости еще много бочек, и если Ахмеду удастся добраться до них — все старания будут насмарку.

О своем родстве с Эмином Бали-бей сообщил только Ахмеду, чем лишь подтвердил его смутные догадки. Мальчишка уж очень был похож на него. Сам Эмин пока ничего не знал — и так на его долю в столь юном возрасте выпало немало горя, нечего рассказывать ему всякие сказки о похождениях матери. Так решил Малкочоглу, подумав, что это будет лучше для сына. Он обязательно ему все скажет. Но позже. Позже.

А пока он будет другом и защитником юного сына реиса.

1541 год, апрель.

Полуденное солнце пряталось за облаками, сегодняшний день выдался не слишком погожим. За окном то начинался, то прекращался снег, укрывая двор белым покровом. Эмин и Яхья сидели у камина в покоях Ахмеда и кутались в его старый кафтан в попытках согреться. На коленях Яхья держал ту самую драгоценную шкатулку, где хранились серьги покойной матери.

— Смотри, — он достал старый листок пергамента, спрятанный под серьгами, — я научился его читать. Я читал, когда папе было плохо. Махмуд-челеби научил меня. В свои годы Эмин читал достаточно сносно. Склонившись над листом, исписанным витиеватыми иероглифами, он разбирал слова, написанные уже изрядно поблекшими чернилами.

— Айбиге... такое же имя, как и у мамы, — он задумчиво смотрел на огонь. — Очень красивое имя. И мое здесь тоже есть. И Бали-бея. Вот дела!

— Я знал, что ты меня найдешь, Эмин, — Яхья таинственно улыбнулся. Так делают, когда рассказывают самую сокровенную тайну. — Я просил Аллаха о том, чтобы помог нам встретиться, и он услышал. Привел тебя.

Эмин с опаской поглядел на него. Что-то внутри, в душе, говорило о том, что не случайно, очень не случайно это письмо попало сюда. Не просто так там упоминались все три имени. В голове тут же всплыли слова Малкочоглу, сказанные еще давно, перед отъездом из столицы:

...Домой сейчас нельзя. Но мы можем поехать к твоему брату.

Сначала Эмин действительно считал, что в Семендире где-то живет его брат. Но чем больше проходило времени, тем меньше он верил в это и почти не надеялся уже найти ничего, что хоть как-то напоминало бы ему о родственниках. Однако это письмо перевернуло все с ног на голову.

— Я так рад, что ты приехал, Эмин! Что Бали-бей нашел тебя и привез сюда, — Яхья крепко обнял его и уже чуть тише добавил: — Брат.

Но это невозможно: он сын Мурада, одного из самых известных реисов в Османской империи. При чем тут еще какой-то Бали-бей? Откуда взялся, да и как его нашел? Эмин пытался собраться и осознать, что сейчас, в этот момент, возможно, рядом с ним сидит далеко не чужой человек. Что он мог быть его родственником. Но как? Ведь это всего лишь Малкочоглу Яхья, племянник санджакбея Семендире, не принц крови и не ханзаде Крыма. Все это совсем не укладывалось в голове.

Сначала пошатнувшийся зуб разрушил все мифы о беззубом Ферхате, которого Эмин так боялся. Ничего страшного не случилось, наоборот — через полупустой рот можно было смешно свистеть и выплевывать косточки от вишневого варенья. Теперь письмо, пошатнувшее уверенность в том, что его брат мог быть столь высокороден, как казалось ранее.

Неужели вся та жизнь, которой жил Эмин до сегодняшнего дня, оказалась лживой сказкой, в которую его заставили поверить?

— Подожди здесь, Яхья, — сдавленно проговорил он и, поднявшись, вышел вместе с одним из слуг из покоев. Письмо же он взял с собой.

— И кто же она?

— Девлетшах-хатун.

— Что, та самая Девлетшах-хатун, за которую золотые горы обещают? — из покоев раздался залихватистый смех Ахмеда. — Говорят, она очень красива, восхитительно поет и вышивает. Прекрасный, замечательный выбор, брат! Если, конечно, ее родители согласятся. Ну, давай, прогони с лица этот мрак, словно ты на похоронах.

— Я хороню свои чувства и свою любовь. В который раз мне приходится это делать. А сейчас обязан жениться на девице с богатым приданым, потому что мой непутевый брат чуть весь санджак не пропил.

Сквозь приоткрытую дверь доносились голоса. В покоях Бали-бея был серьезный разговор. Эмин стоял около входа и ловил каждое слово.

— Чувства, говоришь? И к кому у тебя такие чувства? Неужели к той крымчанке, дочке хана Гирея, не помню уже, как ее звали... Это ведь она сына тебе родила? А похож ведь, прям две капли воды.

По щекам текли слезы. Горячие слезы. Не может быть, невозможно! Все эти годы Эмин считал себя сыном реиса — а на самом деле его отцом был совсем другой человек. Тем, кто принес столько несчастий его семье — да какой там после таких слов семье? — оказался его самый близкий друг, Бали-бей Малкочоглу! Глотая слезы, Эмин вошел внутрь и замер на пороге с единственным вопросом:

— Почему Вы... не сказали?

Примечание к части

Слишком растянула фик, в дальнейшем думаю немного переписать и объединить часть глав.))

Глава, в которой Адиль узнает кое-что важное

1540 год, февраль.

Холодный ветер усиливался, наполняя паруса и унося корабль все дальше от берегов Стамбула. Еще один бой позади, еще одна галера султана Сулеймана отправлена ко дну. Сейчас предстояло зайти в порт в Баре — пополнить запасы пресной воды и подлатать пробоины в обшивке. Непоседливый Мехмед, как только ему позволили, тут же принялся бегать по палубе и громко смеяться, представляя, что раздаёт команды, представляя себя капитаном, в ответ на что моряки только посмеивались:

— Вот вырастешь, будут у тебя свой корабль и команда.

— Такой маленький, а уже хочет быть капитаном!

Мехмед обижался. Он не любил, когда его называли маленьким. Не любил, когда мать возилась с ним, как курица с яйцом, — ему начинало казаться, что она ограничивала его свободу, надевая еще один кафтан потеплее или оставляя рядом с кем-нибудь из команды. Только отец мог позволить себе общаться с ним, как с равным себе, пусть Мехмед и был пока еще слишком мал.

За все это время не прошло и дня, чтобы Айбиге не вспоминала об Эмине. Пусть все говорило об обратном, она чувствовала, что его сердце все еще бьется, что он еще ходит по этой земле. Сын снился ей часто, почти каждую ночь ханым видела один и тот же сон, в котором она гуляла с Эмином по зеленому саду и радовалась жизни. Или они вместе упражнялись на саблях и ездили на лошадях, как тогда, в Стамбуле, у дома Мурада. Или плыли на большом корабле к дальним берегам. Но только одно всегда оставалось неизменным: рядом с Эмином шел другой человек, словно призрак, лицо которого Айбиге никак не могла рассмотреть. Мальчишка не боялся его, но на ханым его присутствие наводило некий страх.

Об этих снах она никому не рассказывала: Адиль вряд ли понял бы, а Мурад-реис терпеть не мог ее воспоминания. Он все еще ревновал к Малкочоглу, даже его отсутствие не могло успокоить буйный характер капитана. А после пропажи Эмина реис изменился весьма не в лучшую сторону: о чем только говорили те ночи, проводимые им с одной из рабынь, захваченных в плен. Ее он не стал продавать на невольничьем рынке, а оставил на корабле, для себя, чем попытался отомстить Айбиге.

Ничего не оставалось, кроме как терпеть: Мурад был не из тех, кто готов был так просто отступить от всего, что ему принадлежало. И ни в коем случае он не отказался бы от Айбиге, не развелся бы, пусть она и хотела этого. Сбежав с нею от людей Рустема-паши, он практически связал ей руки, лишив возможности даже обратиться к кадиям или служителям мечетей тех портов, куда причаливал их корабль. Нельзя было позволить себя обнаружить.

Ханым знала, что он все понимает и подмечает, что пусть она и его законная жена, это ничего для нее не значит. Что Мураду не удалось стать частицей ее души, что замужество может являться только лишь изменением статуса. Она молча сносила его

выходки, выжидая время. Да, присутствие рабыни раздражало, порой злило, но только потому, что Айбиге чувствовала унижение по отношению к себе. Оскорбление, но никак не ревность. Она злилась на мужа за то, что позволял себе так с ней обращаться, но не за то, что предпочел другую. Да пусть, пусть Мурад оставит себе эту невольницу, пусть забавляется. Но он не должен поступать так с ней — с той, которую, как он говорил, любит больше своей жизни.

— Ты обязан жениться на ней, — к этому сводились все их разговоры. — Я не стану терпеть такого к себе отношения!

Но ничего не менялось: сквозь сон Айбиге слышала опротивевшие ей стоны и хриплый голос, доносившиеся из капитанской каюты. Она не плакала, не жаловалась. Лишь ждала подходящей возможности.

Адиль все меньше поддерживал ее — с самого начала он осудил сестру за связь с Малкочоглу, а теперь, когда боль в сердце стала еще острее, наоборот — вместо того, чтобы быть рядом, принял сторону Мурада-реиса.

— Аллах покарал тебя, сестра. Он забрал у тебя все, что напоминало о твоём грехе, чтобы ты поняла, где твоё место в жизни, — его бесконечные нравоучения ни на день не прекращались. — У тебя есть любящий муж, и в твоём сердце не должно быть места для других. Смирись уже с этим.

А еще заодно с тем, что теперь она преступница, убийца, беглянка, которая не просто не сможет вернуться домой, но и вообще — пребывать на территории всей Османской империи. И ее муж почти уже месяц не проводит с ней ночь, приглашая к себе какую-то грязную шлюху.

Хотя она уже не такая грязная, как была раньше.

Вот сверху снова слышались шаги — капитан получил свое и отослал девчонку прочь, как всегда делал. Сейчас она пройдет по лестнице, потом на палубу, а потом...

Все произошло очень быстро, девица даже не успела закричать. Лишь выронила из рук узорный кубок, с громким звоном упавший на палубу.

— Я не позволю тебе меня унижать, реис, — стерев с кинжала кровь, сказала ханым, смотря прямо в его глаза, полные гнева. Столпившаяся вокруг команда молчала, ожидая его ответа.

Капитан уже готов был ударить ее, вырвать кинжал из рук и заколоть насмерть, но крик с мачты прервал его: в такой темноте один из моряков все же разглядел огоньки порта.

— Избавьтесь от нее, — Мурад-реис указал на лежавшее на палубе тело со множеством ран. — Адиль-эфенди, ты пойдешь со мной.

Брат почтительно прижал руку к груди и тут же поднялся в каюту. Странно. Мурад-реис всегда брал с собой Тугрула-агу, своего верного помощника, а теперь вдруг ни с того, ни с

сего с ним на остров отправляется Адиль? Айбиге удивилась, но переспрашивать у Мурада ничего не стала. Закрыв за собой двери каюты, она решила поговорить с братом.

— Что-то случилось, Адиль? — ее просто разбирало любопытство. — Почему Мурад-реис берет на сушу с собой именно тебя? Ты всего лишь лекарь. Тебе не под силу таскать тяжелые бочки с водой.

— Я должен идти, Айбиге, — Адиль поспешил спуститься вниз, предпочтя не ответить на вопрос. Ханым смерила его укоризненным взглядом и, опершись о борт, уставилась на горизонт.

Бар, портовый город Адриатики. Давно они не бывали тут. Старые приятели реиса, жившие здесь, всегда были готовы предоставить ему кров и причал. Даже, несмотря на то, что сейчас Мурада искала чуть ли не вся флотилия империи, а так же множество охотников за быстрыми деньгами.

— Порой мне кажется, что эфенди больше слуга Мурада-реиса, чем ваш брат, — за спиной появился Тугрул-ага.

— На что ты намекаешь?

— Я просто говорю то, что вижу.

Айбиге вздохнула. Действительно, отчасти Тугрул был прав: в последнее время Адиль и вправду сильно изменился, стал скрытным. Она никогда не видела его таким. Что произошло, что заставило его отводить взгляд и при ее появлении резко менять темы для разговора? После всего того, что они пережили, это был единственный самый близкий и родной ей человек кроме Мехмеда. За всё это время, будучи замужем, Айбиге так и не смогла по-настоящему привыкнуть к Мураду, осознать для себя, что такое быть законной женой.

Возможно, из-за того, что между ними до сих пор, как стена, стояла незримая тень ещё одного человека. Того, чей призрачный силуэт являлся ей во снах.

1539 год, ноябрь.

В порту Голубинового острова было очень беспокойно. На берегу в крепости горели тусклые огоньки, отбрасывая множество бликов на волны, бьющиеся о каменистые берега. Здесь корабль беглецов укрылся от очередной погони, хитро заведя султанские галеры прямо под башни-бойницы. Здесь Мурад-реис собирался было надолго остановиться и пополнить запасы воды и продуктов, однако начавшийся так не вовремя шторм заставил его отплыть из порта в открытое море. Едва только забрали письма с голубятни, как тут же прозвучал сигнал к отплытию.

Буря. В это время корабли покидают порт — сильные у берега волны не так грозны в море. Сильный дождь, брызги, захлестывающие палубу, крики людей — все это

смешалось в общий шум. Айбиге сидела в трюме, прижимая к себе Мехмеда, и лишь ждала, когда все закончится. Сверху доносились голоса команды, порой можно было среди них отличить Адилья. Внезапно именно его голос, словно молния, пронзил ночной шум:

— Капитан! Мурад-реис! Спасайте Мурада-реиса! Дайте кинжал!

От этого стало не по себе. Признаться, Айбиге все еще в глубине души что-то испытывала к нему, и потому забеспокоилась.

— Что, сердце не на месте? — Синан-ага усмехнулся. — Эх, Айбиге-ханым, от себя не убежишь.

Крики на палубе не смолкали. Наконец, раздался громкий всплеск — похоже, кто-то прыгнул за борт. Адиль? Вряд ли, он же не умеет плавать. Хотя кто из них умеет? Никто не борется с морской стихией, если попадает в нее — так рассказывали Айбиге многие пираты.

Вскоре дождь немного унялся, и, по голосам команды, можно было распознать, что капитан снова на корабле, жив и здоров.

— Куда? — Синан ухватил ханым за локоть, когда та рванулась к лестнице. — Сидите здесь, вы оба. Шторм еще не закончился.

Едва он сказал это, как сильный порыв ветра качнул корабль, и послышался громкий звук. Сквозь решетчатое окно Айбиге увидела, как часть фок-мачты обрушилась прямо на палубу. Похоже, придется задержаться здесь. Отремонтировать неф и потом уже отправиться в дальнейший путь.

— А теперь представь, что стало бы, не будь меня рядом, — строго сказал Синан-ага. — Это Всевышний послал меня, чтобы защитить тебя, Айбиге-ханым. И Мехмеда, маленького реиса, — он взял рыжего кроху на руки.

Шторм постепенно стих. На палубе трудились аги, убирая свалившуюся часть мачты, отвязывая с нее шкоты и паруса, постепенно наводя порядок после ночной бури. Капитан спал в своей каюте — сейчас он мог позволить себе такую вольность. Верный друг Адиль, как и всегда, сидел подле него и разглядывал сложенные на столе записки с голубятни. Одна из них привлекла его внимание, и, не устояв перед любопытством, Адиль решил все же прочесть ее.

Едва развернув записку, он не поверил своим глазам. Этого не могло быть, невозможно. Эмин его юный племянник Эмин — он не погиб в той давке на рыночной площади. Адиль вспомнил заплаканные глаза сестры, вспомнил ее ужасную тайну, маленького крошку, которому когда-то он помог появиться на свет. Маленький реис остался в Стамбуле, возможно, даже видел, как уплывает их корабль. Его бросили там одного, никому не нужного. Также как когда-то в Херсоне оставили Адилья, посчитав его погибшим. Всё в этой жизни повторяется.

Он вздохнул и покосился на спавшего на тахте Мурада-реиса. Капитан отдыхал после ночного шторма — в то время всем пришлось несладко, а ему особенно, о чём свидетельствовала повязка на руке от кисти до локтя. Если бы не внимательность Адилья, вовремя заметившего падение реиса за борт, тот шкот утащил бы его на дно. За всё это время Айбиге так ни разу и не пришла к нему, не навестила. И это не оставалось незаметным: Адиль дорожил своей дружбой с капитаном, и такое отношение сестры к своему законному супругу не могло оставить его равнодушным.

Отвернувшись, Адиль снова взглянул на записку. Малкочоглу — гласила витиеватая подпись снизу.

Малкочоглу — тот самый, о котором упоминалось в поддельном письме? Отец Эмина? Что ж, если это действительно так, то с мальчишкой все в порядке. Айбиге рассказывала о той серьге, что подарила своему любимому когда-то, и о кулоне для сына. Если этот бей сложит два и два — он все поймет, и за Эмина можно не опасаться.

— Что в записке, Адиль-эфенди? — сонно спросил капитан.

— Пустяки, — вздохнул он, комкая обрывок пергамента, — очередные угрозы от султана.

— Сожги ее, даже не стану читать такое.

Глава, в которой Айбиге-ханым идет на риск, Малкочоглу Бали-бей - на сделку, а Рустем-паша становится сыщиком

— Это опасно, сестра. Мы не можем так рисковать, — Адиль сидел у окна, уставившись на водную гладь. Вот уже целый день он пытался убедить Айбиге не брать маленького Мехмеда с собой в плавание и не оставаться с ним здесь, на Голубином острове, где ее легко могли обнаружить. Странная болезнь Мехмеда, от которой не помогало ни одно из снадобий, могла привести к серьезным последствиям. Уж кому, как не Адилю, было это хорошо известно. И он уже почти уговорил капитана оставить сына вместе с ним здесь, на острове, где Мехмед под присмотром дяди мог бы быстро поправиться, но настойчивость Айбиге портила все дело.

— Я уже потеряла одного сына, не позволю отнять и второго, — ханым продолжала стоять на своем. — Уверена, Адиль, дорогой брат, ты сумеешь что-нибудь придумать, я точно знаю.

Бесполезно. Упрямая, как в детстве. Вздохнув, Адиль направился к выходу.

— С твоего позволения, дорогая сестра.

— Эй, стой, это что значит? Ты отказываешься? — выскочив наружу, Айбиге крикнула ему вслед. — Ну и уходи, — добавила она чуть потише. — Жалкий трус.

Никто, никто не посмеет забрать у нее Мехмеда. Она пробудет с ним здесь столько, сколько нужно, пусть и придется скрываться и прятаться. Она сможет себя защитить.

Закрыв дверь, ханым подошла к столику с подносом и со злости опрокинула его на пол, отчего вся еда и питье растеклись по ковру грязной лужей. Внезапно за спиной раздался голос Мурада-реиса:

— Ему уже лучше. Пойдем.

Мехмед сидел на кровати в полутемной комнате, еле освещаемой огоньками свечей и горевшего камина. Вокруг суетился Адиль, поддерживая огонь, чтобы согреть воды для снадобий и настоев.

— Мама, я видел огонь, — тихо сказал Мехмед, — корабли тонули, люди...

— Тихо, тихо, сынок, — Айбиге обняла его и принялась укачивать. — Ты кошмар ночной видел, но сейчас все прошло, я рядом.

— Мама, а ты правда скоро уедешь?

Чуя, что сейчас разразится буря, Адиль поспешил за дверь. Когда ханым смотрела на него так укоризненно, означало, что хорошего можно не ожидать.

— Не бойся, — Мурад-реис провел ладонью по ее волосам, — ты должна быть сильной, если хочешь его защитить. Мы останемся здесь, пока есть возможность, но должны быть готовы к тому, что нас могут найти. Найдем в команду новых людей, а оружия и запасов в крепости хватит еще на год вперед, — он присел рядом и обнял Айбиге за плечи. — Пока я жив, я никому не позволю тронуть свою семью.

Реис был согласен с ее решением. Более того, он шел на очень большой риск, отказываясь от уговоров и советов своего друга Адила. И в этот момент Айбиге начала осознавать, насколько она дорога ему, какое место она занимала в его сердце. Мурад был порой груб и неоправданно суров с нею, но он любил ее. Такой была его любовь, странная, порой жестокая и разрушительная сила, которую он легко обращал против любого, кто пытался навредить или всего лишь бросал косой взгляд в сторону его жены, матери его сына. И сейчас он поставил на карту все, что у него было.

Он был рядом.

1541 год, январь.

— Девлетшах-хатун — она красивая? — Эмин сидел в покоях отца — за это время он так ни разу и не назвал Бали-бея так — и вертел в руке маленький кинжал, богато украшенный камнями.

— Очень, — старший Малкочоглу в окружении слуг стоял у зеркала: предстояла долгая подготовка. Очередная примерка свадебного наряда слишком затянулась, и только беседа с сыном позволяла держаться. — Она добрая и красивая, — и, вздохнув, добавил: — Она тебе сразу понравится.

За этот год многое произошло. Внезапная весть о смерти матери сильно опечалила Эмина, он стал более замкнутым, необщительным, порой Бали-бей видел в нем взрослого себя, такого же хмурого и угрюмого. Предстоящая свадьба ничуть не радовала: на все это Малкочоглу шел только, чтобы покрыть расходы Ахмеда и исправить бедственное положение санджака. Казна города стремительно пустела. Всячески пресекая попытки очернить брата в глазах султана, он, как мог, старался навести порядок в Семендире. Все делал для того, чтобы если вдруг сюда явятся доверенные люди Повелителя, ничто не бросало бы тень на репутацию семьи Малкочоглу. После долгих пересудов и разбирательств местный кадий все же позволил Бали-бею признать Эмина своим сыном, однако прав наследования тот лишился, так как не был рожден в законном браке. Впрочем, сам Эмин не слишком занимал себя мыслями об этом: все еще тянуло его к морю, туда, где он вырос, туда, где провел столько лет. Учитель часто рассказывал ему о дальних землях, о диковинных зверях и цветах. Малкочоглу видел, с каким интересом Эмин слушал эти сказы о путешествиях, и не пожалел ни акче, чтобы достать диковинную вещь того времени — карту. Ту самую, на которой моряки и путешественники изобразили, как выглядит Земля, как расположены города и моря. Один ага продал ее почти за бесценок — карту он выкупил у заезжих торговцев из Баварии и, разумеется, не смог понять в силу своей необразованности, что эти неверные на ней изобразили. Все надписи казались просто красивыми узорами. А сам Бали-бей прекрасно говорил на том

языке, что помогло ему не просто перевести карту, но и проводить еще больше времени с сыном.

— А ты любишь ее?

Ох, дети. Эти наивные вопросы подразумевают совсем простой ответ, но как сложно при этом сказать правду.

— Я ни разу ее не видел, — начал Малкочоглу, — но многое слышал, что о ней рассказывали. Девлетшах будет мне хорошей женой, родит много детей. И я буду ее ценить и уважать.

— А любить, любить ты ее будешь, Бали-бей?

Дав слугам понять, что на сегодня примерка окончена, Бали-бей сел на тахту рядом с Эмином. Как объяснить ему, что такое брак по расчету, как понятно и доступно рассказать, что не всегда люди могут быть вместе со своими любимыми? Большого опыта в воспитании детей у Малкочоглу не было, потому он предпочитал уходить от таких вопросов.

— Я любил Айбиге-хатун — твою маму — и люблю ее сейчас, да упокоит Аллах ее душу. И, безусловно, женился бы на ней, если бы она уже не вышла замуж, — слова давались с трудом. Еще свежи были в памяти воспоминания от того утра, когда в санджак прибыл гонец с письмом из столицы от самой Хюррем Султан. — Одно тебе скажу: любовь рождается в браке.

— Как брат Яхья? — о Мехмеде в последнее время Эмин почти не спрашивал. Слишком много времени прошло.

— Да, можешь считать так. А теперь пойдем стрелять из лука. Покажешь свои умения!

1540 год.

Рустем-паша только недавно вернулся домой и сейчас, сидя в хаммаме, обдумывал то, что недавно видел близ корабля Барбароссы.

Девушка. Мертвая, бледная, с изуродованным лицом и несколькими ранами на теле. Зеленый кафтан и белая рубаха были испачканы кровью. Кому-то явно очень не хотелось, чтобы ее узнали. Это точно была не Айбиге-хатун — в памяти снова всплыла история с неудачным падением с коня. Но и для кого-то ее смерть явно была на руку. Только вот для кого? Кто так сильно этого желал? Может, сама Айбиге решила избавиться от преследования, выдумав собственную смерть? Просто, слишком просто. Да и совсем не в ее духе. Она скорее бы стала грозой морей, прославилась бы на все Белое* море и потопила немало кораблей, чем вот так легко списала себя со счетов.

Кто-то все же за этим стоял. Кто? Мурад-реис? Его команда? Другие пираты? Голова паши разрывалась от множества безумных мыслей и догадок. Он вспоминал свой визит в

дом реиса, вспоминал, как испуганно на него смотрела Айбиге: в тот день она уже не была похожа на бойкую девчонку, так любившую авантюры и приключения. Возможно, повзрослела, изменилась. И тот живой огонь, сиявший в ее глазах, не был виден теперь — наверно, из-за того, что ее лицо скрывал тонкий платок из легкой ткани. В порту все говаривали, что Мурад-реис крайне ревнив.

Впрочем, и от прежнего доброго конюха Рустема у паши осталось только имя. Мрачный, постоянно что-то подозревавший, он почти не улыбался и как тень ходил по коридору дворца. Советники и шехзаде не любили его и не слушали его мнение — но что Рустему было до них, пока его покровительница, Хасеки Хюррем Султан, была в милости у Повелителя. Пока его женой была сама Михримак Султан, его единственная и любимая дочь.

А может... Паша поймал себя на весьма странной мысли. А может, Айбиге-хатун просто стала мудрее и копит силы для решающего удара? Ведь в тот ужин они ни разу не обмолвились, она даже не смотрела в его сторону. Он понимал, что Айбиге могла просто бояться реакции мужа и потому сидела молча. Однако когда Рустем случайно заговорил о Малкочоглу, он успел заметить, как изменился ее взгляд. Как гневно она посмотрела на Мурада-реиса после того, как тот отпустил несколько бранных словечек в сторону Балибея.

Ай да Малкочоглу, везде успел! Султанши по нему томно вздыхают, дочери ханские, девицы из таверн все его — паша невольно рассмеялся, вспомнив, как юная Михримак Султан все пыталась влюбить в себя хранителя покоев, а он все выбирал между ханым и простой танцовщицей.

Впрочем, лучше пока не сообщать об этом ни жене, ни самой Хюррем Султан. Пусть считают Айбиге погибшей, как уже было однажды. А он, Рустем-паша, распутает этот клубок и найдет истину, чем еще больше завоеует доверие Повелителя и приблизится к посту Великого визиря. Сейчас оставалось полагаться на самого себя и свои силы. И пусть ради этого придется проводить все больше времени с Барбароссой и втираться к нему в доверие, лишь бы брал с собой в плавание, — паша был уверен, его старания не будут напрасными.

Надев чистую одежду и подвязавшись поясом, Рустем направился в свои покои.

Примечание к части

*Средиземное море

Главы долго не было, и с выходом следующей тоже будет затяг, т.к. сейчас участвую в ЗФБ. Прошу понять и простить.

Глава, в которой дела идут плохо

1542 год, июль.

Вот уже почти два года неф дрейфовал в водах Адриатики близ Бара, лишь изредка заходя в порт и снова отправляясь в открытое море. После того, как маленький Мехмед пошел на поправку, Мурад-реис поспешил покинуть Голубиный остров — оставаться там было слишком опасно. Даже уплыть пришлось ночью, тайно, чтобы ни один огонек не горел ни на палубе, ни в каюте. И сейчас капитан зорко наблюдал за каждым движением, стараясь не упустить каждый шорох и шепот. Любой просчет, любая ошибка могли привести к страшным последствиям. Обман, на который ловко купились и султан, и все его паши-слуги, мог раскрыться, не уследи он за Айбиге. Ведь ханым всегда отличалась непокорностью — когда-то именно за это он и полюбил ее. От нее можно было ожидать что угодно, потому, под страхом смерти, Мурад-реис приказал всем членам команды ни в коем случае не отпускать ее в город. Ни одну, ни в сопровождении. В прошлый раз, в Стамбуле, такая прогулка окончилась убийством человека — кто знает, что случится сейчас?

— Что будешь делать дальше? — Айбиге разминала жилистые, покрытые шрамами плечи Мурада. Еще один долгий день позади, а положение так и не улучшилось.

— То же, что и всегда, — мрачно проговорил он. — Не задавай больше вопросов, жена.

— Прости, — она чуть коснулась губами его шеи.

Ночь. Кто знает, что случится завтра — обнаружит ли их султан или заявятся охотники за головами из стран неверных, надеясь отхватить побольше денег из Османской казны? Все это не имеет такого значения, как днем.

— Сегодня ты был очень нежен, — ханым повернулась на бок и прижалась к его обнаженной груди. Ты никогда не... — она не договорила, почувствовав, как его пальцы снова заскользили меж ее бедер, проникая все глубже.

За окном слышался плеск волн и голоса моряков. Взгляд Айбиге блуждал по потолку, пытаясь рассмотреть в полумраке скачущие блики от лунной дорожки на волнах. В эту ночь Мурад был ненасытен. Она чувствовала его горячее дыхание около своей шеи, вздрагивала от прикосновений его губ к ее животу и еще ниже. Она покорялась и одновременно господствовала, взбираясь на него верхом, глядя на разметавшиеся по подушке рыжие кудри, ощущая его движения внутри. Только в такие моменты реис позволял себе чуточку подчинения.

— Спасибо... — тихо произнесла Айбиге, укутавшись в одеяло. Без гемлека в каюте было прохладно.

— За что? — Мурад-реис перебирал пальцами ее отросшие волосы, вдыхая их аромат. Благовоние, то самое, что он купил для нее еще в Стамбуле, — Айбиге знала, как ему нравился этот запах.

— За то, что рискнул всем ради нас на Голубином острове. Почему ты так поступил, Мурад? Это было так опасно.

— Я не стал бы тем, кто я есть сейчас, если бы не рисковал. Так что запомни, Айбигехатун, — реис приподнялся на локте и заглянул в ее карие глаза. — Все, что я делаю — это на благо нашей семьи. И если для этого нужен риск — я пойду и на риск.

Луна заглядывала в каюту, наполняя ее мягким светом.

В свои пять лет Мехмед уже привык к сложной и беспокойной жизни на корабле. Конечно, друзей среди команды у него было немного — кроме Адилья и родителей с ним почти никто не общался. Ну, разве что один нанятый боснийский мальчишка, не в меру разговорчивый, успел привязаться к сыну реиса и проводил с ним и Адилем все свободное от своих дел время. Общась с новичком, подрастающий сын реиса понемногу учился вязать узлы, рассматривал по ночам звездное небо, запоминая, где какая звезда, изучал корабль и сравнивал его с теми, что были изображены на рисунках боснийца. Адиль же учил его военному искусству — саблей крымский ханзаде владел весьма неплохо.

Часто Мехмед слышал, как из каюты сверху доносились разговоры на повышенных тонах, и не понимал, почему рядом с ним мама и папа всегда общались спокойно, но стоило уйти играть на палубу, как за спиной тут же раздавались крики.

Иногда дяде приходилось ночевать с ним: в такие дни мать по вечерам долго сидела в каюте, после чего выходила оттуда наряженная, словно настоящая ханым, и отправлялась наверх в каюту отца.

Мехмед уже почти не представлял себе другой жизни. До того дня, когда, случайно войдя в каюту матери, не обнаружил там нечто странное. И, как назло, рядом был только дядя Адиль.

1541 год, сентябрь.

Внезапное исчезновение Хюррем Султан всколыхнуло жизнь дворца, словно камень, брошенный на зеркальную водную гладь. Младшие шехзаде винили в этом друг друга, старшие пытались вытащить отца из пропасти глубокого горя, и только их сестра, Михримах Султан, заботилась о том, чтобы власть и авторитет их валиде оставались непоколебимыми. Султанша взяла управление гаремом в свои руки, разогнав всех остальных «доброжелателей», не пощадив даже своих родных тетюшек.

Но вечно так длиться не могло. Хюррем Султан, родная мать, пропала, и вместе с управлением дворцом Михримах решила найти ее, во что бы то ни стало. Вернее, найти того, кто смог бы сделать это.

Несмотря на ревность мужа, она отправила письмо Малкочоглу — единственному

человеку, которому она могла доверять в такой ситуации. Бей приехал так быстро, как только смог.

— Я возлагаю на Вас огромную ответственность, Бали-бей, — султанша стояла за узорной ширмой, прижимая к глазам платок. В его присутствии ей почему-то хотелось дать волю слезам. Хотелось выплакаться, рассказать, как ей сейчас тяжело и одиноко без мамы. Но Михримах понимала — сейчас нельзя. Она законная жена визиря, султанша по крови. Не пристало ей показывать характер в присутствии других мужчин. — Прошу, найдите мою валиде.

— Я сделаю все, что в моих силах, госпожа, — сухо отвечал он. — Но Вы же понимаете, что...

Из-за ширмы послышался всхлип. «Нет», — тихо произнесла султанша и оперлась на подоконник. Неужели он позволил себе думать, что мать уже можно не найти живой? Собравшись с силами и снова стерев слезы, она продолжила:

— Валиде жива, Малкочоглу, я это чувствую. Найдите ее, прошу Вас, иначе я не смогу уберечь братьев. В это время я могу доверять только Вам, — Михримах говорила быстро, стараясь держаться. — Пожалуйста, — добавила она уже чуть тише.

«Похоже, придется отложить свадьбу» — Малкочоглу шел по коридору дворца, обдумывая все сказанные ему сегодняшним днем слова. Старая рана на сердце постепенно затягивалась — он старался почти не вспоминать об Айбиге, получив в один из дней весть о ее смерти, и теперь его мысли снова занимали дела санджака и поручение Михримах Султан. Если согласиться и суметь выполнить просьбу султанши — его щедро вознаградят, возможно, даже сделают одним из советников самого Повелителя. И из долговой ямы можно будет выбраться, обеспечить Эмину и Яхье блестящее будущее, чтобы они ни в чем не нуждались.

Время расставит все по местам, думал Бали. Только одному Всевышнему известно, как сложится его судьба и судьбы дорогих ему людей.

1542 год, июль.

— Вот так, Мехмед, молодец! А теперь нападай! — Адиль стоял на палубе, держа в руке деревянную саблю. — Да ты великим воином станешь! — внезапный удар пришелся очень больно по ноге. С криком «Я победил!» Мехмед занес саблю, чтобы окончательно сразить противника «смертельным ударом», но подоспевшая Айбиге тут же вмешалась:

— Хватит, сынок. Так ты убьешь дядю, — и, взяв его за руку, направилась к каюте Мурада-реиса. — Пойдем, папа уже соскучился по тебе.

Адиль остался на палубе и всматривался в безоблачный горизонт. За много лет корабль стал ему вторым домом. Когда-то давно, в одной команде вместе с Мурадом-реисом они вместе выкрали этот неф прямо из-под носа у венецианцев. Увидели бы неверные сейчас свое творение — не узнали бы никогда. За пролетевшие годы корабль сильно изменился,

как изнутри, так и снаружи. Теперь он более походил на укрепленное османское судно, чем на творение венецианских корабельных мастеров. От первоначального облика, пожалуй, осталась только смутно видная надпись на корме, означавшая название. Но из-за постоянных замен обшивки и промазывания досок смолой ее вид только сильнее портился. В остальном даже сам мастер, построивший этот неф, мог его не узнать и забить тревогу, решив, что османские пираты напали на его город.

Воевать с неверными, особенно близ их вод, было совсем невыгодно: их силы слишком превосходили, и в любой момент они могли сдать капитана и всю его команду султану. Посему Адиль понимал, что его друг ходил по лезвию ножа, находясь поблизости от Бара. Капитан давно бы уже покинул эти берега, но что-то постоянно шло не так. Сперва при килевании поднявшийся сильный ветер разорвал шкоты, и двое моряков погибли под судном, потом, прямо перед отплытием, еще трое устроили потасовку из-за несправедливо (как они решили) назначенного дежурства — эти нанятые боснийцы никогда не отличались покорностью и верностью. Ряды команды редели на глазах, и найти новобранцев было крайне сложно.

— Хасан! Марко! Вы двое — со мной, — снова скомандовал капитан и направился к борту. Внизу, на воде, уже ждала шлюпка. Если повезет — сегодня они смогут привести еще нескольких моряков.

— В чем дело, Марко? Ты не слишком разговорчив, — здоровяк Хасан, на голову выше Мурада-реиса, толкнул новичка-боснийца в бок и громко захохотал своим почти беззубым ртом. Безусый долговязый юнец-мечтатель Марко, прибывший только несколько дней назад, уже успел порядком всех достать. Часами он мог твердить о том, как же рад встрече с такими людьми и какой прекрасный человек Мурад-реис, что привез его сюда. Ведь он, Марко Обилич, так мечтал о том, что станет пиратом, ужасом для всех кораблей, портов, империй. А сейчас шел молча, не проронив ни словечка.

— Я могу продолжить, — начал, было, босниец, но тут же получил подзатыльник от Хасана со словами «Ни в коем случае!» И уже через несколько мгновений оба сидели в шлюпке.

Город становился все ближе. Стоя у борта, Адиль не сводил глаз со шлюпки. Что-то странное казалось ему в поведении Марко, но что — этого он разобрать не мог.

Вдруг послышался детский плач. Прогнав все мысли, ханзаде тут же поспешил наверх, в капитанскую каюту.

Примечание к части

Встреча наших героев уже скоро...